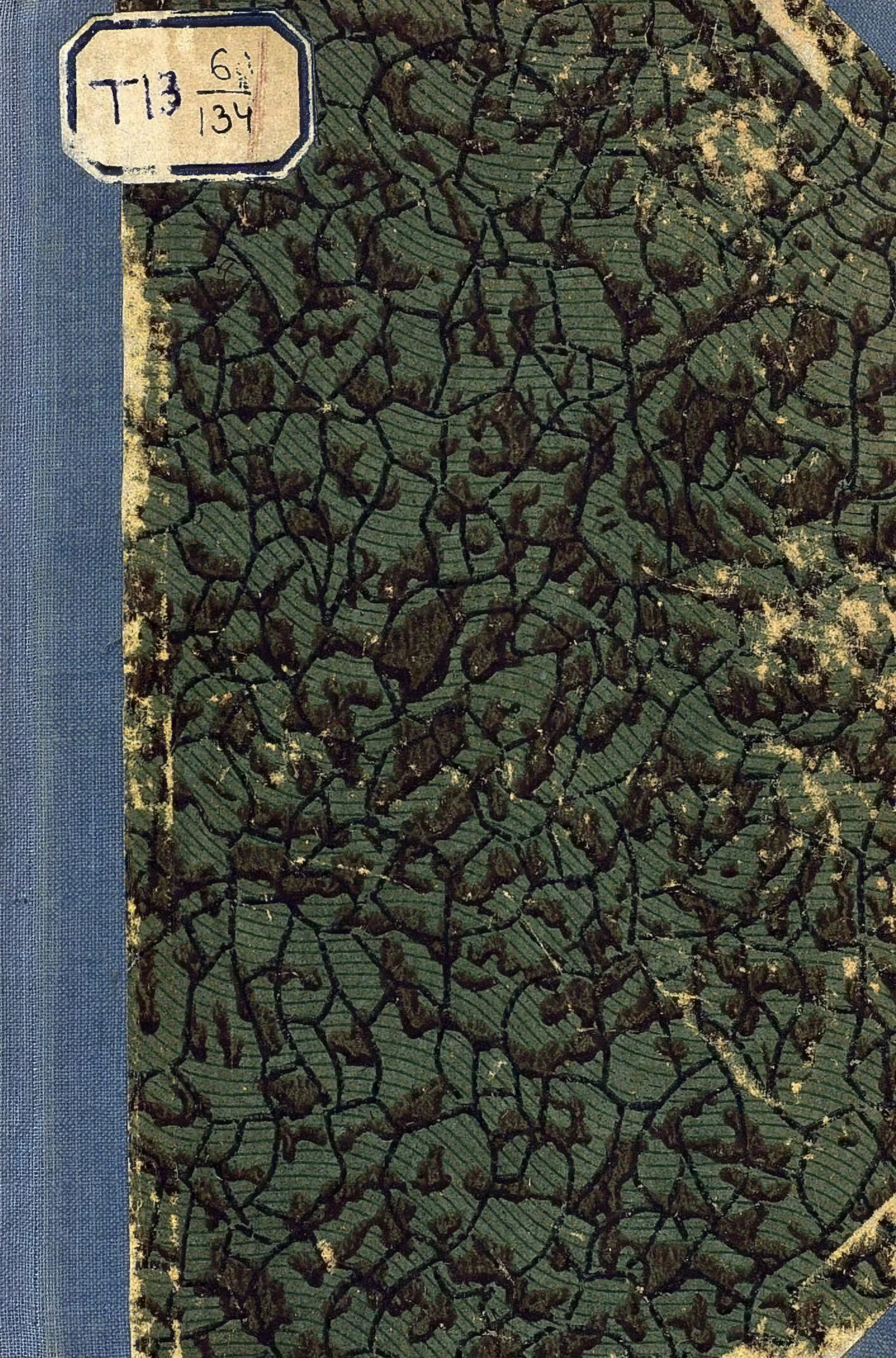

ВОССТАНИЕ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Сборник документов

ОГИЗ
Соцэкгиз
1935

ВОССТАНИЕ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Сборник документов

Подготовлен к печати проф. М. МАРТЫНОВЫМ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1935

Сборник по истории восстания Емельяна Пугачева включает в себя документы, характеризующие экономику и классовые отношения в России в XVIII в., основные этапы, движущие силы и идеологию восстания, а также материалы о суде над пугачевцами.

Ряд документов этого сборника публикуется впервые. Сборник предназначен для семинарских занятий студентов исторических факультетов, аспирантов и преподавателей-историков, а также и для всех, интересующихся историей этого восстания.

Введение

Сборник документов по истории восстания Емельяна Пугачева составлен исключительно с учебными целями.

Документов по истории восстания Емельяна Пугачева опубликовано большое количество. В сборник вошла лишь небольшая часть этих документов, однако на их основе учащиеся смогут познакомиться как с главными предпосылками, так и с общим характером этого восстания.

Предпосылкам восстания посвящены две группы документов: анкеты Шляхетного корпуса и наказы в Екатерининскую комиссию для сочинения проекта нового уложения. Вопросы для анкеты Шляхетного корпуса были написаны известным историком Г. Миллером. Еще раньше была разослана анкета Академии наук, составленная М. В. Ломоносовым. Количество вопросов в обеих анкетах было одинаковым, но анкета Миллера во многом дополняла вопросы первой анкеты. В анкете было 30 вопросов. По вопросу № 1 было необходимо дать сведения о названии, годе основания городов и о количестве городского и сельского населения в уезде, под № 2 запрашивались сведения о количестве приходов, под № 3 — о количестве каменных и деревянных строений, под № 4 — об ярмарках, № 6 — о ремеслах, № 7 — о фабриках и заводах и т. д.

В декабре 1760 г. анкета была разослана в местные учреждения: воеводские канцелярии и магистраты, которые отвечали не всегда в порядке вопросов. В сборнике печатаются лишь наиболее существенные ответы из анкет, относящихся к району пугачевского восстания. Часть материалов, содержащихся в анкетах Шляхетного корпуса и Академии наук, была издана инспектором гимназии Академии наук Людвиком Бакмейстером в 1771 г. (Л. Бакмейстер. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПБ. 1771 г.)

При изучении анкет Шляхетного корпуса необходимо пользоваться анкетами Вольного экономического общества, опубликованными в трудах Вольного экономического общества, ч. VII, 1767 г.; ч. XI, 1769 г.; ч. XII, 1769; ч. XIII, 1769 г.; ч. XXIII, 1773 г. и ч. XXVI, 1774 г.

«Комиссия для сочинения проекта нового уложения» была созвана в 1767 году. В эту комиссию входили представители от дворян, горожан, казаков, государственных крестьян и некочующих националов. Помещичьи крестьяне были лишены права иметь своих представителей в комиссии. Всех депутатов было 564, из них крестьян— 75, и националов — 34.

В сборнике печатается ряд наказов приписных крестьян и националов. Эти наказы составлялись следующим образом. Каждый погост, населенный крестьянами и националами, имел право составить отдельный наказ и выбрать погостного поверенного, причем наказ должен был быть подписан священником и не менее 7-ми домохозяевами.

Погостные поверенные собирались в уездном городе, выбирали уездного поверенного, вручали ему свои наказы и составляли новый наказ от имени всего уезда. Наконец, уездные поверенные собирались в провинциальном городе, избирали депутата в комиссию, вручали ему наказы своих избирателей, а также составляли новый наказ от имени всех провинций.

Обыкновенно депутат доставлял в комиссию не только наказы провинции и уездов, но и наказы погостов и отдельных поселений. Так, депутат от крестьян Архангельской провинции Чупров привез в комиссию 195 наказов. Наказы являются ценнейшим историческим источником для изучения предпосылок восстания Емельяна Пугачева.

Наказы приписных крестьян и националов необходимо изучать, сопоставляя их с описаниями современников: П. Палласа — «Путешествие по разным провинциям Российского государства» СПБ. 1773—88, И. Лепехина — «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства». СПБ. 1780, Н. Рычкова «Журнал или дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова по разным провинциям Российского государства». СПБ. 1770—1772, а также с памятниками административно-судебного и законодательного характера.[1]

Наказы не дают исчерпывающего представления о положении приписных крестьян и националов. Они составлялись от имени всех групп населения и вследствие этого в них затушеваны растущие классовые

---

[1] Список важнейших памятников см. в приложении № 2 сборника «Крепостная Россия». Л. 1930.

противоречия между отдельными общественными группами, а иногда в них совершенно не слышно голоса наиболее разоренной и угнетенной части населения.

Кроме того при составлении наказов нельзя было писать о телесных наказаниях, взяточничестве, между тем они процветали в царствовании «рыцаря свободы и законности», как кичливо называла себя Екатерина II. Большое количество наказов государственных крестьян и националов, дворян и городов опубликовано в сборниках Русского исторического общества тт. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 58, 93, 107, 115, 123, 134, 144, 147. Но некоторые наказы еще не опубликованы и находятся в архивах.

Вторая часть сборника состоит из документов, на основании которых возможно изучить основные этапы восстания, движущие силы, внутреннюю структуру, идеологию и выяснить общий характер восстания.

Исключительное значение из документов этой части сборника имеют манифесты Пугачева, воззвание Грязнова и донесение крестьян села Спасского. В манифестах Пугачева нашли яркое отражение затаенные желания крестьян, горнозаводских рабочих и угнетенных национальностей: — башкир, киргиз-казаков и др. Автором первого манифеста (докум. № 11) был яицкий казак Иван Почиталин, впоследствии назначенный Пугачевым секретарем в образованную им государственную военную комиссию. Этот манифест был впервые оглашен в самом начале восстания на Толкачевых хуторах вблизи Яицкого городка. Фототипический снимок с подлинника этого манифеста напечатан в журнале «Красный Архив», т. VIII, 1925.

Точная дата манифеста киргизскому войску (док. № 12) неизвестна. Судя по содержанию, манифест составлен в начале восстания и, во всяком случае, не позже декабря 1773 г. Прототипом указа Пугачева «всему миру» Авзяно-Петровского завода (док. № 19), как было выяснено мною в статье «Пугачевское движение на заводах Южного Урала» (Записки научного общества марксистов. М.-Л. 1928, № 1), является указ Пугачева коменданту Красногорской крепости (см. Пугачевщина, т. I. Изд. Центрархива, М.-Л., 1926, стр. 32).

Манифест Ем. Пугачева от 31-го июля (док. № 20) получил широкое распространение в Поволжье. 17 июля Пугачев перешел через Волгу, а 18 июля близь дер. Нерадовой он впервые издает этот манифест. Впоследствии манифест неоднократно переиздавался и датировался 18, 20, 28, и 31 июля. При переиздании этого манифеста он подвергался изменениям. Так, в манифесте от 28 июля после слова «награждаем» отсутствует «древним крестом и молитвою, головами и

бородами»; после слов: «и желаем вам» отсутствуют слова «спасения душ».

Дубровин печатает этот манифест, не датируя его. По сравнению с текстом сборника, в нем есть ряд отступлений. Так, после слова «отеческим нашим милосердием» напечатано «всем» а не «всех»; после слов «сим нашим имянным указом, кои», отсутствует слово «прежде»; вместо слов «чинили с вами, крестьянами» напечатано: «чинили с своими крестьянами» и т. д.

Автором этого манифеста был новый секретарь пугачевской государственной военной коллегии А. И. Дубровский (П. С. Трофимов) сын мценского купца, работавший впоследствии на заводах Урала.

Увещевание полковника революционной армии Ивана Грязнова (док. № 19) было написано в момент осады пугачевцами г. Челябинска.

Доношение крестьян села Спасского (док. № 18) повидимому относится к началу 1774 г. Содержание и стиль этого документа свидетельствует, что он вышел из среды близкой к сектантам и, в частности, хлыстам.

Для расправы с участниками революционного восстания Ем. Пугачева 30 ноября 1773 года была создана сначала одна, а затем две секретные комиссии: одна в Казани, а другая в Яицком городке. Кроме того, дела пугачевцев разбирались в Тайной экспедиции в Москве, в Сибири, Екатеринбурге, Симбирске и на заводах Прикамского края. В тех же местах с пугачевцев снимались показания.

Допрос Е. Пугачева от 2 по 5 октября 1774 г. (док. № 25) был сделан в Симбирске, куда он был доставлен 1 октября. Этот допрос не имеет самостоятельного значения, а является дополнением к тем показаниям, которые секретная комиссия получила от Е. Пугачева в Яицком городке 16 сентября 1774 г. Допросы Пугачева от 16 сентября и с 2 по 5 октября опубликованы в «Чтениях общества истории и древностей российских» за 1858 г. кн. II, М. 1858, не с подлинников, а с копий, в которые вкрался ряд ошибок и описок. В данном сборнике допрос Пугачева от 2 по 5 октября, к сожалению, печатается без проверки с подлинником, с текста, опубликованного в «Чтениях». Допрос составлен в третьем лице, при чем в него введены замечания секретной кимиссии, ярко рисующие обстановку, при которой производился допрос. Выданный группой участников восстания, Пугачев сначала мужественно держался на допросах, но затем пытки и истязания надломили его волю. Сиятельные палачи получали каждое новое показание от Ем. Пугачева, пуская в ход самые варварские приемы ведения следствия. Секретная комиссия во главе с генерал-

майором Пав. Сем. Потемкиным, близким родственником известного фаворита Екатерины Григория Александровича Потемкина, была вынуждена записать после ряда допросов: «злодей скрывал яд злости на сердце». Затем она вновь отдала его в руки мастеров сыскного дела, постановив: учинить ему «малое наказание». В допросе от 2 по 5 октября приводятся ссылки на допрос от 16 сентября. В виду того, что допрос от 4—14 ноября (док. № 26) был наиболее полным из всех допросов Пугачева, то в нем возможно найти подробные сведения по интересующим нас вопросам. Упоминаемый в допросе купец Иван Иванов (или Иван Иванович), он же яицкий казак Остафий Трифонов, был на самом деле ржевским купцом Е. Т. Долгополовым. Показания Пугачева об Аристове и Огородникове (§ 9 и 11) связаны с отправленными ему деньгами в размере до 3 тысяч рублей золотом от казанского архиепископа Вениамина. Подробности этого дела см. у Дубровина — «Пугачев и его сообщники», т. III, стр. 329—352.

Выписка из публикуемого впервые показания полковника революционной армии Карпа Карася (док. № 22) была напечатана в изд. Центрархива «Пугачевщина», т. II, М.-Л., 1929, стр. 185—186. В своем показании Карп Карась сообщил, что «назад тому лет с шесть, в мае месяце» Ем. Пугачев был у него, в селе Котловке, для покупки холста и дегтю. В литературе о Пугачеве, на основе показаний Карася, Пугачева неправильно изображали в качестве купца. В этом смысле на показание Карася ссылался М. Н. Покровский, считая Пугачева купцом, который еще перед восстанием был вблизи Авзяно-Петровского завода в с. Котловке. В комментариях к допросу Е. Пугачева от 4—14 ноября, опубликованному в «Красном Архиве» № 69—70 точно также указывается, что «после возвращения из Польши Пугачев (в 1768 г.) вместе с одним донским казаком ездил в заводское село Котловку, приписанное к Авзяно-Петровскому заводу, для покупки «дехтю и холста» (Красный Архив, № 69—70, стр. 225). Из публикуемого в нашем сборнике полного показания Карпа Карася видно, что ему было во время восстания «более 70 л.» Не отличаясь хорошей памятью, он мог забыть, когда именно он в первый раз познакомился с Пугачевым.

К тому же он и не утверждает точно, когда Пугачев перед восстанием был в селе Котловке. Он сообщает: «назад тому лет с шесть»; эта неопределенная дата в руках секретной комиссии или тайной экспедиции почему-то превратилась в вполне точную и определенную. На полях выписки из допроса против места: «назад тому лет с шесть» есть помета; «по вычислению приходит в 1768 году». Повидимому эта

помета и создала ряд недоразумений, превратив Пугачева в купца. Пугачев отрицал факт своего пребывания в с. Котловке в 1768 г., но признавал, что он был там в 1773 г. Пугачеву надо верить. Село Котловка находится на правом берегу р. Камы, в близи устья р. Вятки и г. Мамадыша, где Пугачев вместе с купцом Дружининым действительно были во время бегства из Казани и где он мог назвать себя купцом.

4 ноября 1774 года в 9 час. утра (док. № 26) Пугачев был привезен в Москву и в тот же день вновь допрошен в Тайной экспедиции в присутствии князя М. Н. Волконского. Допрос (док. № 26) датируется обычно иля 4 ноября или неопределенно: «допрос Е. Пугачева в Москве в 1774—1775 г.» (см. Красный Архив т. 69—70 стр. 159 и 163). На самом деле, как сообщил в своих обстоятельных коментариях Голубцов, основной допрос Е. Пугачева в Москве начался 4 ноября и «занял почти десять дней». Допрос (док. № 26) вел известный мастер сыскных дел С. И. Шешковский, специально направленный Екатериной в Москву. У Шешковского была особая система сыска. «Он — как пишет Г. Лучинский — производил допрос в комнате, установленной иконами, и во время стонов и раздирающих душу криков читал акафист сладчайшему Инсусу и Божьей матери». Пугачев был отдан в полное распоряжение Шешковского. Шешковский истязал и мучил попавшего в плен вождя крестьянской революции. В застенках Тайной экспедиции Пугачева довели до того, что жизнь его стала висеть на волоске. Князь А. А. Вяземский, опасаясь, что Пугачев умрет до суда, писал М. Н. Волконскому: «было бы весьма неприятно ее величеству, если бы из важных преступников, а паче злодей Пугачев, от такого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания». На первых допросах в Яицке и Симбирске Пугачев смело смотрел в глаза своим врагам, захватившим его в плен, теперь он стал «робким» и у него появились припадки. Действуя кнутом, голодом и молитвою, Шешковский заставил Ем. Пугачева дать ряд новых дополнительных сведений. Если сравнить ряд отрывков этого допроса с прежними, то надо отметить, что Тайная экспедиция заставила Пугачева рассказать новые факты и назвать ряд новых лиц, которые участвовали в организации восстания. В тоже время Тайная экспедиция не интересовалась теми фактами восстания, о которых Ем. Пугачев рассказывал раньше, не называя лиц. Такие факты имеются в первом допросе, но отсутствуют в допросе от 4—14 ноября. Помимо допроса от 4—14 ноября с Пугачева в период от 15 ноября и по 13 декабря был снят ряд новых дополнительных допросов, из которых опубликован лишь один (см. Пугачевщина, т. II ,№ 74).

Третья часть сборника состоит из материалов, на основании которых можно познакомиться с тем, как екатерининское правительство расправилось с захваченными в плен главными деятелями восстания. В этой части печатается правительственное объявление с приложением судебного приговора по делу Емельяна Пугачева, а также два письма кн. А. А. Вяземского из Москвы к Екатерине II.

Следствие по делу Ем. Пугачева было закончено в начале декабря и было отправлено с соответствующим заключением (сентенцией) в С. Петербург Екатерине. 19-го декабря 1774 г. Екатерина подписала манифест, которым суд над Пугачевым и другими активными деятелями восстания был передан Сенату, совместно с членами Синода, с персонами трех классов и президентами коллегий. Этот суд был простой комедией. Фактически, судьба Пугачева была уже давно решена.

Суд заседал в Москве, где в это время собралось много дворян из различных губерний, бежавших сюда во время восстания. Часть судей во главе с гр. П. Паниным требовала казни Пугачева путем колесования, а также казни многих активных участников восстания. «Через бытность мою в Москве слышу я от верных людей — писал кн. А. А. Вяземский Екатерине, — что при рассуждениях в окончании пугачевского дела желается многими и из людей нарочитых не только большой жестокости, но чтоб и число не мало было». Некоторые судьи, как писал Вяземский в новом письме, «хотели Пугачева живова колесовать». На колесование были осуждены в свое время стрельцы. «У них, за их воровство — описывает казнь стрельцов Желябужский — ломали руки и ноги — колесовали; и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и те стрельцы положены были на те колеса и живы были немного не сутки и на тех колесах стонали и охали».

Другая часть судей, во главе с кн. А. А. Вяземским и П. С. Потемкиным, настаивали на другой, также жестокой, но менее мучительной казни — на четвертовании и на применении казни лишь к небольшому числу лиц. Казнь эта заключалась в том, что осужденному отрубали сначала руки и ноги, а затем голову.

Пугачева решили четвертовать, но после казни его тело «для отличия от прочих» решили положить на колесах.

Авторами «решительной» сентенции (док. № 28) были сенаторы: И. И. Козлов и Д. В. Волков и генерал-майор П. С. Потемкин.

Емельян Пугачев был казнен в Москве на Болоте 10 января 1775 года. Согласно приговора у Пугачева были должны отрубить сначала руки и ноги, а затем голову, но палач отрубил сначала голову, а за-

тем руки и ноги. А. Т. Болотов, присутствуя при казни, слышал, что экзекутор бранил за это палача. В исторической литературе неоднократно поднимался вопрос о том, было ли это сделано по личной инициативе или ошибке палача, или по тайному приказу Екатерины. Указание на существование такого приказа сделала сама Екатерина в письме к Бьелке от 6 марта 1775 г. «Затем, надо сказать — писала она — вы верно отгадали относительно ошибки палача при казни Пугачева. Я думаю, что генерал-прокурор [А. А. Вяземский] и обер-полицийместер [Н. П. Архаров] сговорились, чтобы произошла эта ошибка». (Сборник Русск. Историч. О-ва т. XXVII, стр. 32. Брикнер — История Екатерины II, СПБ, 1885, стр. 241).

Документы по этому вопросу существовали и, повидимому, были отчасти известны А. С. Пушкину. В своей «Истории пугачевского бунта» А. С. Пушкин категорически утверждал, что «палач имел тайное повеление сократить мучения преступников». Однако до последнего времени эти документы не были найдены в архивах. Сравнительно недавно эти документы были разысканы. Первым обратил на них внимание А. П. Чулошников, который использовал их в своем этюде «Казнь Пугачева и его сообщников» (Ист. сборн. «Русское Прошлое», П-М., 1923 г. № 3 стр. 144—149).

Документы, печатаемые нами в сборнике, вполне подтверждают наличие тайного приказа Екатерины II. (см. документы №№ 29 и 30) и, тем самым, кладут конец легендам об ошибках или жалости палача. Но отнюдь не человеколюбие и желание остаться верной «Наказу» побудило, как утверждает Чулошников, Екатерину II дать этот приказ.

Екатерина, официально назвавшая себя во время восстания «казанской помещицей», не скрывала своей ненависти к восставшим и была полна жаждой мести. В письме к Гримму она писала, что «вся это комедия (фарс) кончится очень скоро, причем нельзя будет обойтись без случаев телесного наказания, вешания и проч.»

Екатерина дала чрезвычайные полномочия для расправы с восставшими П. Панину, который покрыл Россию виселицами и «глаголями» и залил ее кровью пугачевцев.

Подавив восстание, Екатерина предусмотрительно заботится о том, чтобы излишними мучениями при совершении казни не вызвать усиления сочувствия к Пугачеву, в особенности, в Москве, где еще не так давно дворовые люди открыто выражали свои симпатии к «Петру III». Вот почему в то время, как «решительная сентенция» прославляет Екатерину за то, что она заменила колесование четвертованием,

палачу дается приказ о том, чтобы при четвертовании палач отрубил *сначала* голову, а затем уже руки и ноги.

Такова царская милость вождю крестьянской революции Емельяну Пугачеву.

* * *

Настоящее введение дает, главным образом, характеристику приводимых в сборнике документов, поскольку в данном случае мы не ставили перед собой задачи дать развернутый анализ социально-экономической сущности восстания Пугачева. Освещение этого вопроса читатели могут найти в публикуемых нами в сборнике документах и в литературе, относящейся к этому вопросу.

В работах Ленина и Сталина, приведенных в библиографии, читатели найдут общую оценку восстания. Из имеющейся специальной исторической литературы по этому вопросу наиболее ценными являются работы М. Н. Покровского и Симонова; богатый фактический материал имеется в книге Дубровина.

Настоящий сборник состоит из документов двоякого рода: 1) документов неопубликованных и появляющихся в печати впервые (см. док. №№ 2, 3, 4, 22, 24, 29 и 30) и 2) документов ранее опубликованных. Документы, впервые появляющиеся в печати и печатающиеся с подлинных рукописей, издаются по правилам, принятым в настоящее время Историко-археографическим институтом Академии наук СССР. Материалы, ранее опубликованные, печатаются без изменения правил, принятых их издателями, за исключением следующих случаев: 1) твердый знак (ъ) в середине слов, где этого не требовало произношение, и в конце слов всегда выбрасывался; 2) в середине слов, после согласных, требующих смягчения в современном произношении, вставлялся мягкий знак (ь); 3) буквы ѣ, і, ѳ, ѵ, заменялись буквами е, и, ф, и. 4) числа передавались арабскими цифрами, за исключением особых случаев словесного обозначения их, уже исчезнувшего из употребления в современном языке.

Расстановка знаков препинания принадлежит составителю сборника. Исправленные или дополненные места заключены в прямые скобки с оговоркой в подстрочном примечании. Опущенные в середине текста места обозначены тремя точками.

Примечания и регесты набраны курсивом-петитом, примечания прежних изданий — обыкновенным курсивом, пометы в подлиннике — петитом с оговоркой «помета», легенды — петитом, подпись на документе — разрядкой.

Список принятых в тексте сокращений.

г. — год

гг. — годы

его и. вел. — его императорское величество

ее и. вел. — ее императорское величество

в. в. — ваше величество

М. Н. Мартынов

ГЛАВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ЕМ. ПУГАЧЕВА

1772 г.

Ноября	22	Приезд Пугачева в Яицкий городок.
Декабря	19	Арест Пугачева и отправление его в Симбирск.

1773 г.

Января	4	Пугачев привезен в Казань и заключен в тюрьму.
Мая	29	Бегство Пугачева из казанской тюрьмы.
Сентября	16	Приезд Пугачева на хутор Толкачева.
«	17	Первый манифест Пугачева.
«	21	Занятие Пугачевым Илецкого городка.
«	25	Взятие Пугачевым Нижне-Озерной крепости.
Октября	1	Встреча Пугачева с Каргалинскими татарами. Указ к башкирским старшинам. Начало осады г. Уфы.
»	2	Взятие Пугачевым Сакмарской крепости.
»	3	Прибытие Хлопуши в лагерь Пугачева.
»	3	Появление революционных войск под Оренбургом.
»	11	Попытка киргиз-казаков овладеть Губерлинской крепостью.
»	12	Занятие революционным отрядом Воскресенского Твердышева медеплавильного завода.
»	14	Назначение генерал-майора Кара главнокомандующим правительственных войск.
»	10—20	Образование революционного штаба восстания в виде Военной Коллегии.
»	20	Занятие революционным отрядом казаков и калмыков Сорочинской крепости.
Ноября	9	Поражение Кара.
»	13	Взятие в плен революционными войсками полковника Чернышева.
»	23	Попытка Хлопуши овладеть Верхне-Озерной крепостью.

Ноября	26	Приступ Пугачева к Верхне-Озерной крепости.
»	28	Назначение Бибикова главнокомандующим правительственных войск.
»	29	Занятие Пугачевым Ильинской крепости.
»	30	Занятие солдатом Жилковым Бузулукской крепости.
Декабря	18	Появление революционных войск под Осой.
»	23	Попытка Зарубина овладеть Уфой и образование под Уфой второго революционного штаба.
»	25	Занятие Самары Араповым.
»	30	Вступление революционных войск в Яицкий городок и начало осады Яицкой крепости.

1774 г.

Января	1	Занятие революционным отрядом Ижевского завода.
»	2—5	Занятие революционными войсками во главе с Капзафаром Усаевым и Салаватом Юлаевым Красноуфимска.
»	4	Начало осады революционными войсками Кунгура.
»	7	Осада Челябинска революционными войсками.
»	13	Занятие Челябинска правительственными войсками.
»	18	Приход Белобородова на Билимбаевский завод.
»	20	Занятие Ставрополя революционными войсками.
»	25	Поражение Зарубина под Уфой.
»	26	Занятие Гурьева городка революционными войсками.
»	30	Поражение революционных войск под селением Ордынским.
»	31	Поражение революционных войск в селении Пьяный Бор.
Февраля	В первых числах.	Занятие революционными войсками Илецкой защиты.
»	6	Сожжение правительством дома Пугачева в Зимовейской станице.
»	12	Штурм Далматова монастыря революционными войсками.
»	13—15	Блокада революционными войсками Шадринска.
»	14	Поражение революционных войск под Бузулуком.
»	15—17	Осада Белобородовым Сысертского завода.
»	19	Сожжение Нагайбака революционными войсками.
»	20	Снятие блокады с Шадринска.
»	26	Занятие правительственными войсками Уткинского завода.
Марта	1	Снятие осады с Далматова монастыря.
»	6	Поражение революционных войск под деревней Пронкиной.

Марта	12	Занятие правительственными войсками Кыштымского завода.
»	22	Поражение революционных войск под Иковской слободой.
»	22	Поражение Пугачева под Татищевой крепостью.
»	23	Бегство Пугачева из Берды, занятие ее правительственными войсками. Снятие осады с Оренбурга.
	24	Плененный в Каргале Хлопуша привезен в Оренбург.
»		Поражение Зарубина у деревни Чесноковка.
»	25—26	Арест Зарубина.
Апреля	1	Поражение революционных войск под Сакмарским городком и бегство Пугачева в Тимашеву слободу.
»	4	Занятие Михельсоном Уфы.
»	16	Вступление отряда генерала Мансурова в Яицкий городок.
Мая	1	Занятие правительственными войсками Гурьева городка.
»	2	Поход Пугачева с войсками из Белорецкого завода по направлению к Верхне-Яицкой линии.
»	6	Взятие Пугачевым Магнитной крепости.
»	7	Прибытие отряда Белобородова в Магнитную крепость.
»	8	Занятие Авзяно-Петровского завода правительственными войсками.
»	18	Поражение Пугачева отрядом Михельсона под деревней Лягушиной.
»	19	Занятие Пугачевым Троицкой крепости.
»	21	Поражение Пугачева под Троицкой крепостью отрядом Деколонга.
»	27	Занятие Саткинского завода отрядом Михельсона.
»	31	Поражение правительственными войсками башкирского отряда во главе с Салаватом у переправы реки Ай.
Июня	3	Нападение Пугачева на отряд Михельсона под деревней Кигам и поражение пугачевцев.
»	11	Бой революционных войск под предводительством Белобородова с отрядом Попова, выступившего против пугачевцев из Кунгура. Отступление Попова обратно в Кунгур.
»	21	Сдача города Осы Пугачеву.
»	27	Занятие Пугачевым Ижевского завода.
Июля	12	Взятие Пугачевым Казани и осада Казанской крепости.
»	12	Бои под Казанью с отрядом правительственных войск под командою Михельсона и отступление Пугачева.

Июля	15	Второе поражение Пугачева под Казанью.
»	18	Переход Пугачевым Волги. Появление его у селения Нерадова. Первый манифест Пугачева в Поволжье.
»	20	Занятие Пугачевым г. Курмыша.
»	23	Занятие Пугачевым г. Алатыря.
»	27	Занятие Пугачевым г. Саранска.
»	29	Назначение главнокомандующим правительственными войсками гр. П. И. Панина.
Августа	1	Занятие Пугачевым Пензы.
»	4	Вступление в Пензу отряда графа Меллина.
»	4	Занятие Пугачевым города Петровска.
»	6	Занятие Пугачевым Саратова.
»	9	Уход Пугачева из Саратова вниз по Волге.
»	11	Занятие Пугачевым Камышина (Дмитриевска).
»	16	Бой на реке Пролейке и полное поражение правительственных войск под командою полковника Дондукова и майора Дице.
»	17	Занятие Пугачевым Дубровки.
»	20	Бой пугачевцев с правительственными войсками и полная победа пугачевцев на р. Мечетной.
»	21	Осада Пугачевым Царицына.
»	22	Отступление Пугачева от Царицына.
»	23	Занятие Пугачевым Сарепты.
»	24	Поражение Пугачева под Сальниковским заводом и бегство его за Волгу.
Сентября	14	Измена группы казаков революционному делу и выдача ими Пугачева.
»	15	Привод арестованного Пугачева в Яицкий городок и первый допрос Ем. Пугачева.
Октября	2—5	Допрос Пугачева в Симбирске.
Ноября	4	Пугачев привезен в Москву.
»	6	Публичное сожжение портрета Пугачева в Симбирске.
»		Пленение Салавата и его отца.
Декабря	29	Начало суда над Пугачевым.

1775 г.

Января	9	Подписание судебного приговора Пугачеву и главным участникам восстания.
»	10	Казнь Пугачева в Москве на Болоте.

I. Предпосылки восстания Ем. Пугачева

1

1761 г. мая 22.—Из анкеты Шляхетного кадетского корпуса об экономическом состоянии Казанской губ.

На 1-й. Ис Казанского губернского магистрата [сообщается], что в городе Казане особых ярмонок не бывает, а гостин двор имеется, и привозят иногородные купцы портовые пограничные и всякие деланные в России товары, и торг бывает, кроме воскресных, викториальных и праздничных дней, по вся дни, а казанское купечество от понесенных часто бываемых служеб пришло в крайнее изнеможение. У немногих казанского купечества имеются кожевенные, мыльные, солодовенные заводы, калашные и прянишные промыслы. Казанские ж цехи ремесла имеют: иконописное, живописное, хлебное, калашное, бьют посное масло, делают крупы, сапожное, башмашное, руковишное, кожевенное, сыромятное, строгольное, делают козлы, скорняшное, мясное, делают гребни, мыльное, льют сальные и делают вощаныя свечи, котельное, пояльное, кузнешное, плотничное, столярное, оконишное, крашенинное, портное, шапошное, войлошное, шерстобитное, прядильщики и конатные мастера, мельнишное, горшешное и балакарное, делают ситы, серебреное и золотарное, бронное и шорное, бочкарное, лентошное, ткут сукна, водошного строения и медового варения, прянишное, шляпное, делают ножи, оловянишное, пирожное: Ис коих ремесл в лутчем состоянии находится в ыконописном, в хлебном и калашном, в сапожном, башмашном, в серебреном, каменном, котельном, портном, кожевенном и кузнешном мастерствах, точию и все выше-

предъявленные ис цехов ремесленники по своим ремеслам довольствуются. А в Казанском уезде в селех ярмонок не имеется. По рекам Волге и Каме ходят купецкие суда по весне и в межень вверх по Волге из разных мест до города Твери, а вниз до Астрахани; по Каме из разных же мест вверх до Соли-Камской, а вниз до Усть-Камского, а от Усть-Камского вниз по Волге реке до Сызрану до Саратова, до Царицына и до Астрахани, с хлебом, со ржаной и пшеничной, овсяной мукой, овсом и с толокном, а вверх до Нижнего, до Рыбной слободы, до Ерославля и до протчих городов со пшеницей, с рожью и аржаной мукой, а от Казани до оных верховых городов с яловочной и с кониной сухой кожею, с воском и с хлебом и с медью, суда коломенки и межеумки. А сверху от разных верховых городов и от Макарьевской ярмонки до Казани, а от Казани вниз по лежащим по Волге реке городам и до Астрахани с портовыми петербургскими и сибирскими товары, а именно: с сахаром, с сандалом, с сукнами, оловом, свинцом и деланной оловянной и медной посудой, с немецкими и российскими оконнишными и хрустальной немецкой и российской стекляною посудою, с конопляным и льняным маслом, с ерославскими шляпами, роговыми и костяными гребнями, з глиненой муравленой и деревянной всякой посудой, также с тесом, з брусьями, лубьем, з дровами, суда большие и межеумки. А ис Казани с воском, медом, з деланными козлами, с красной юфтью, з дехтем и с маслом коровьим. А из Астрахани до Казани и в протчие, лежащие по Волге реке, верховые города с сухою и коренною рыбою, и засольною икрою, и с шелковыми, бумажными персицкими и астраханскими товары, с сорочинским пшеном, з грецкими орехами, с виноградом, с стручковым перцом и с топленым салом суда гребные, кладные коломенки и нижегородские большие крытые лотки. Также ходят суда по Волге и Каме рекам с товарами... Имеются ж пристани, а именно: при самом городе Казане во время вешней половой воды, а в межень при Усть-Казанки реки, в пригороде Тетюша, в Лаишеве на Каме реке, на оны з грузом и для груски приезжают из разных мест верховых городов и сплавливают вниз по Волге реке до Астрахани, а вверх до Нижнего, Рыбной слободы и до Ерославля, и порозжие суда обращаются. В Казани состоят: одна суконная фаб-

рика при самом жительстве близь озера Кабана, от Каменной крепости в дву верстах, а другая стекляная, расстоянием от жила и от реки Казанки и от города не более, как в версте, на которой дела стеклу не производится, и состоит впусте, коя заведена в прошлом 756 г.

На 4. Оной казанской суконной фабрики фабрикан Иван Дряблов доношением объявил, что на Казанской суконной ево фабрике делаются на армию ее и. вел. 3-х цветов — синие, зеленые и красные сукна и каразеи. А оная фабрика заведена в прошлом 1714 г., а в котором месяце и числе, о том де подлинно знать ему не можно.

На 9-й. Ис Казанской адмиралтейской канторы имеющиеся де в ведомстве Казанской адмиралтейской канторы приписные к работе карабельных лесов иноверцы имеются больше татара махометанского закону, а идолостужители — мордвы, чюваши, за восприятием из них христианские веры, осталось самое малое число. И оные иноверцы по большой части все упражняются в хлебопашестве и земледельстве, а некоторые из них, немногие, сверх того имеют отъезжие в разные места и торговые промыслы, от русских купцов прикащиками, а ис того в лутчем состояни бывает тогда, когда господь бог достойным и довольным кое лето плодом благословит, или кому в каком торгу щастие и прибыль воспоследует. Оные ж, приписные к адмиралтейским работам иноверцы имеют достаток такой: у которых имеется выслуженной военными их службами, или покупной земли, или имение и скота довольствие, то оные в том и довольство, как в земледельстве, так и в торговле, лучшее имеют, а малоземельные и не имеющие довольнова имения и скота, оные награждают свой недостаток — нанимаются, как у свои братьи — иноверцев, так и у русских людей в работы ис платы. А от оной канторы, по силе ее и. вел. указов повсягодно бывает отправление в судах в Санктпетербургское адмиралтейство с казанских, вятских, камских, вольских, курских и свияжских пристаней карабельным, фрегатным, галерным, ботовым, шлюпочным, блоковым и артилерийским и протчим, подлежащим ко флоту дубовым лесам, а в некоторых годех и мачтовым сосновым лесам казенным коштом, которых для забрания присылают из Петербурга в Казань нарочные морские офицеры с адмиралтейскими служители. А в прошлых годех,

с 722 по 748 гг., когда имелась на Каспийском море надобность морских судов и служителей, тогда и в Астраханской порт были отправляемы ис Казани водяным же путем на судах разные правизи и материалы, припасы и леса, а всегда оные суда отправлялись как в Санкт-Петербурх, так и в Астрахань по первой вешней воде, — разве зачем когда воспоследовал бы недостаток и неисправности, то в таком случае отправлялись и в средине лета и позже. А кроме того других отправленей судам не бывало, и ниоткуды ни с чем не приходят.

На 10-й. В Экономической канторы Святейшего правительствующего синода члена преосвященного Гавриила, епископа казанского и свияжского, находящиеся де в ведомстве оной Канторы жители упражняются все в хлебопашестве, только некоторые из них, подгородные немногие люди имеют ремесла: чеботарное, руковичное, кузнечное и кожевенное, и то посредственное, довольство имеют в хлебе и скоте посредственное ж, инные находятся в том недостаточны, которыи свой недостаток награждают тем, что наймутся у других в домовую работу и на суда ис платы, и протчие, кои живут по рекам Волге и Каме, довольствуются от рыбной ловли.

На 11-й. Доношением дворцовой Елабужской волости от управительских дел. Оной де Елабужской волости крестьяне пропитание имеют кузнешным и набойным ремеслом малое число, а больше и ремесленные пашнею, хлебосейством ржи, пшеницы, овса, полбы, семени конопляного и льняного, которые семена в посеве всходами плохи были и бывают посредственны, а прошлого году озимые и яровые были средственны ж.

На 12-й. Дворцового села Варицына с приписными от управительских дел. Дворцовые де крестьяне более в земледельстве хлеб, рожь, пшеницу, овес, ячмень и гречу хотя и сеют, точию оное в урожае бывает неуравнительно.

Архив Академии Наук СССР

2

1761 г. сентября 9. — Из анкеты Шляхетного кадетского корпуса об экономическом состоянии Уфимской провинции

На 3-й. Уфа город стоит при реке Белой, по течению оной на правой стороне, а по компасу на северной.

На 4-й. Во оном же городе гостиных дворов не имеется, окроме что купеческого ряду или лавок. Ярмонак не бывает, а торг ежегодной производится. Товары возят из Москвы, из Сибири, а по большей части ис Казани и ис протчих низовых городов — сукны, голи, холсты, пестреди, сапоги, башмаки и протчей мелкой росхожей товар, по большей части на башкирскую руку. Купечество ж уфимское весьма в недостатке состоит.

На 5-й. У обывателей промыслы: некоторые перекупным хлебом и харчем, другие мелкими рукоделиями переторговывают, а иные рыбачют.

На 6-й. Народ употребляется в ремеслах кузнешных, некоторые сапожным, а по большей части в хлебопашестве, и оное в лутчем состоянии находят, довольствие ж имеют более от скота всякого (наибольшее) и от конских заводов.

На 7-й. Во оном же городе, также и в уезде никаких фабрик не имеется, окроме что в Уфимском уезде медные и железные заводы состоят. А именно медеплавительныя — 14 заводов и железных — 9 заводов.

На выпеписанных железовододействуемых заводах железная руда проплавливается, а из оной чюгун, а из чюгуна железо делается, и к получению тех материалов разные инструменты приготовляются.

А в каких те заводы от городов разстояниях, яко то Оренбурга и Уфы, о том подленного известия не имеется.

На 8-й. Редов и ярмонок нигде в селех и деревнях не имеется.

На 9-й. Водяные мельницы с надлежащими плотинами в Уфимском уезде имеются, только не пильные, но хлебные, а именно — чьи и на каких реках:

Дальше идут подробные сведения о мельницах, которые здесь даны сокращенно.

На р. Усолке: 1 — посадника, 1 — заводчика, 2 — неизвестных. На р. Шасуровке: 1 князя. На р. Сутолоке: 1 — князя, 1 — неизвестного. На р. Шугуровке: 1 — гостиной сотни, 1 неизвестного. На р. Тауше: 1 — князя, 1 — неизвестного. На р. Шекше 1 — дворянина 1 — неизвестного. На р. Усе: 1 — иноземного списку. На р. Укушле: 1 — князя. На р. Юрмаше: 1 — генерал-майора, 2 — неизвестных. На р. Тулере: 1 — стольника. На р. Чесноковке: 1 — генерал-майора, 1 — секретаря. На р. Каракулинке: 10 — крестьян, 2 — попов, 1 — подьячего. На р. Пермячке: 11 — крестьян. На р. Кабылге: 5 — крестьян, 1 — попа, 2 — неизвестных. 1 — подьячего, На р. Колесникове: 3 — крестьян. На р. Чеганде; 4 — крестьян.

2 — неизвестных. На р. Пещерке. 16 — крестьян. На р. Ахтиялке: 1 — крестьянина. На р. Шумшуре: 1 — крестьян. На ключе Армяниновом: 1 — ротмистра. На ключе Турчанинове: 4 — крестьян. На р. Бирю: 1 казенная. На р. Енмурызке: 1 — неизвестных (товарищи). На р. Атарке: 1 — неизвестного. На р. Уфе: 1 — неизвестного. На р. Орье: 1 — купцов. На р. Семеновке: 1 — заводчика.

На 11-й. По рекам Уфе и Белой никаких судов ни с чем, окроме что по весне з железом и медью ход бывает с разных заводов до городов Казани, Синбирска и Москвы, по протчим же рекам никогда судоваго ходу не бывает.

На 12-й. По рекам Белой и Уфе, и по протчим речкам и озерам, и по островам, и по рескам в Уфимском уезде оброчных рыбных ловель довольно имеется, а рыба ловится: белая стерлеть, щуки, судок, линь, карась, лещь, окунь, сорога, язи, сом, налимы, изретка осетрики и белушки, також лососи или красная.

На 21-й. В здешнем Уфимском уезде хлеб сеется: рожь, пшеница, ячмень, полба, горох, проса и по большей части овес, а прибыль пред посеенным бывает неровно — иной год в 4 и 6, а в другой год в 8 и более крат, а овес всегда более до проса рождается пред протчим. Оставшей же хлеб за употреблением обывателей из своих жил, то-есть деревень, возят сухим путем на продажу в город Уфу и на заводы летом и по большей части зимою, всегда собираясь артельми возов от 10-ти, даже под случай и до 30-ти.

На 23-й. В здешным городе и в уезде скот содержат рогатой: коров, овец, коз, а больше всех лошадей, особливо в уезде у иноверцов — башкирцов, и гоняют оной летним временем пред Петровым днем и после на ярмонку к Макарию и в Синбирск и в протчие низовые российские города табунами лошадей по 20, по 40 и более. В здешнем же городе Уфе и в уезде конской и скотской падеж бывает весною и с начала лета, так не от чего, но вдруг заразою, а средства для отвращения более не бывает, как только падежную скотину закопывают в ямы, а иные и чрез деревенной огонь прогоняют.

По лесам же звери бывают: медведи, волки, лисицы, зайцы, куницы, белки, козы дикие, олени и несколько лосей, норки, кабаны, борсуки. Птицы ж в лесу: курапатки, рябчики, глухие тетеревы или космачи. Вредные гадины: черепахи, пияицы, ужей, змей, а саранчи, что именуется

и кобылко, оной прежде сего довольно было по 3 лето, и вред делала — поедала хлеб посеенной, на соломе и траву, и так, что яко превеликой дождь с воздуха летел, а именно: в 724, в 743 и в 744 гг.[1] оная саранча была.

Архив Академии наук СССР, фонд 3, оп. 10б, № 110.

3

1761 г. июня 7. — Из анкеты Шляхетного кадетского корпуса об экономическом состоянии Оренбургской губ.

На 4-й. В Оренбурге в самом городе временной ярмонки не бывает, но приезжающие купцы, по большей части московские и тульские, ростовские, курские, також ис протчих многих российских городов с разными портовыми и российскаго продукта товарами всегда во внутренном гостинном дворе бесперерывно торг свой производят, а сверх того и в показанном меновном дворе с самой весны во все лето беспрерывно ж, кроме знатных праздников, и до глубокой осени со азиатами торг происходит. И привозятся портовые немецкие и азиатские товары, а именно: золото и серебро сученое и в цевках, мишура битая и пряденая шумиха, олово прутовое и в деле, бархат немецкой и китайской, парчи, штофы, объяри, полуобъяри, тафты, атласы, гарнитуры, люстрины и грезеты, платки шелковые и ситсовые разных званий и доброт, камки и голи разных рук, азямы, китайские канфы и кановаты, кутни, шелковые и полушелковые, и бумажные кушаки, и зарбатные мови, цветные шелки разной[2] в цветах, полотна разных доброт, кружева всяких рук, ситца, полуситца и выбойки, даба бумажная, китайские зановесы, китайские китайки однопортищевые и тюневые в разных цветах, кумачи, персицкие кисеи, сукна кармазинные и других званей разных цветов, стамеды разные по цветам, ковры персицкие и палазы, бобры немецкие, выдры разных рук; краски: консонель брусковая и прочие, сандал всякого цвету; сахар разных доброт, чай разных сортов, кофи, гвоздика, бадян, корица, инбирь, разных родов лимоны, лимонная и поме-

---

[1] *1724, 1743 и 1744 гг.*

[2] *Так в подлиннике*

ранцовая корки, перец горощатой чорной, квасцы, купорос турецкой и сапожной, корольки разных рук, бусы и китайския бритвы, иглы немецкия, зеркалы разных манеров, прониски стекляные разных цветов, тебенски кримския, бисер в разных цветах.

Российскаго продукта [*привозятся*]: серги золоты и серебрены и медные, мишура пряденая и битая, котлы, таганы и кувшины чюгунные, косы, горбуши, топоры, мотыги железные, ножницы всякия, бритвы, замки большие и малые, наперски медные, железные иглы, огнивы железные, подголовки и сундуки окованы железом, персни медные всяких сортов, пуговицы медные и на глине, пряшки железные, арчаки оправленные по железу серебром и оловом, узды, насечные серебром и оловом, уделы конские железные, стремена железные, тебенки, астраханския цепочки, железные варганы или кобызы, железныя капканы, железныя разных манеров колокольчики и цепочки, медные ширкунчики или бубенчики медные, мехи заичьи, белечьи и корсочьих лап разных доброт, выдры разных рук, армяки, яицкия верблюжей шерсти разных цветов и доброт, кушаки шерстяные разные, сукна всякие российских мануфактур, сермяжные, каразея, кафтаны, сукна сермяжные, крашенины всяких доброт и цветов, холст разных рук, чапаны дорогильныя и ветошные по добротам, шалы зеленые, кожи яловочные и конинные разных рук, сапоги муския и башмаки женския, мед и воск красной, сера горючая, сургучь по добротам, раковые жерновки, змеиные головки, гребни роговые, зеркалы разных доброт, чашки деревянные разной величины; птицы: беркуты или орлы и ястребы.

Из-за границы приезжают для торгу азиатцы, а имянно: бухарцы, хивинцы, ташкенцы, туркестанцы, трухменцы и кашкарцы, но с ними ж в караванах под их званием и под имянами степных народов нередко и других тамошних дальнейших городов купцы и жители приезжают. Ис привозимых же ими товаров — знатнейшие: во-первых, золото и серебро, состоящие по большей части в индейской, персицкой и в бухарской манетах и в разных слитках и вещах, алмазные и других родов знатные каменья, причем камень, называемой лапись лазори или лапис лацули, которой из всех тамошних мест в одном Бадашканском владении близь индейских пределов в горах добывают, а золото и в

Бухари ис песков некоторых рек вымывают, и тем, как слышно, многие ис тамошних обывателей промышляют; алачи шелковые и полушелковые, бумага пряденая и хлопчатая, бязи бумажные и цветные разных рук, бархат персицкой всяких цветов, выбойка индейская разных рук, занавески разных доброт, кутни, цветные кушаки и зарбатные бумажные кумачи, красные попоны конския вышивные и простые, бумажные рубашки азиатския подобно манером похожи на халаты, столешники цветные, бумажные ферези или чапаны женские разных рук, по цветам халаты шелковые, полушелковые и бумажные, сусы полушелковые, бумажные цветные хамы, по цветам штучки шелковые и полушелковые разных доброт; волки киргиские и волченки, кошки степные, лисицы и недолиски, корсоки, мерлушки бухарские и ширянские рыси, всяких родов сапоги по азиатскому манеру, узды китайския, табак азиатскаго роду, шалы железные.

Кочующими в степи киргизкайсаками на ярмонку привозятся волки и волченки, разные зайчины, кошки степные разных доброт, корсоки, лисицы разных розборов, лапы лисьи, волчьи и корсочьи, мерлушки разных шерстей, овчины и саксаки, тулупы мерлущетые овчинные и лапчатые, хвосты лисьи, корсочьи и волчьи, шерсть верблюжья и овечья, епанчи и кошмы и потники разных доброт шерстяные, бараны, ягняты и козы и лошади иноходые простые и жеребята.

На 6-й. Ис тех же обывателей некоторые казаки, переведенные из Уфы, имеют ремесло насекать по железу серебром, медью и оловом и делают ис того разные конские уборы и прочие, яко то коробки и подобные тому, а ис протчих обывателей есть портные, чебатари и кузнецы, токмо немного ремесленных находится, а большая часть из своекошных, находящихся на поселении, панимаясь в работники, и тем получают себе прокормление, и можно объявить, что во всем есть недостаток, но во оном ис привозимых из разных российских внутренних городов на продажу исправляются.

На 21-й. В ведомстве Оренбургском в крепостях на свои росходы обыватели хлебы сеют, и выходит плодом по местам в тех, которые ближе ко внутренним российским жительствам, рожь в 6, пшеница в 5, овес в 10, ярица

в 3, просо в 15 крат, а в ближних к Оренбургу местах плодом выходит хуже, а в других крепостях, лежащих вверх Яика, и никакого хлеба почти не сеют; в слободах же и деревнях, которые ближе к Казанской губернии, хлебы сеются, и выходят против посееннаго в лутчие годы — рожь в 10, пшеница в 9, овес в 10, ячмень в 4, полба в 3, горох в 9 крат, а другим годом гораздо хуже родится. За употреблением же обывательским продавать оной хлеб, и то по небольшому числу, привозят в Оренбург и в другия крепости, а затем в Оренбург на продажу хлеб привозят довольно из внутренних российской казанской губернии жительств из разных деревень сухим путем по разным дорогам в разные времяна, а более зимою, в декабре и феврале, а летом в июне и в последних числех сентября.

На 23-й. В Оренбурге и в окрестных местах более содержат лошадей, получаемых при мене от киргисцов за недорогую цену, также и овес. Хотя множественное при мене от киргисцов получают, но на племя мало оставляют, а употребляют их в пищу потому, что каждое лето их довольно оные киргисцы на мену пригоняют; а притом и рогатой скот содержат, но не так довольно, на продажу никуда оной не гоняют. В примечаниях же о скотском рогатом подеже, что оной бывает редко в такие годы, в которые летнее время бывает сухое и весьма малодождливо, отчего трава засохнет и смешается с пылию, и бывает оттого зараза скотскому падежу в самые те жаркие месяцы, как в июне, июле и августе, а потом оное уменшивается само собою и перестает. А ко отвращению оной же потребляется предосторожность в силе состоявшихся и публикованных в народ ис Правительствующаго сената указов.

Медведей, как внутри линии, так и в киргиской степи, где есть леса, довольно; волков внутри линии, а особливо в Башкирии, мало, а на Заяицкой степи множество. Оные волки не столь крупны, как в Башкирии и в руских местах находятся, однако ж для мяхкой их мездры, и что оне гораздо легче русских, оным предпочитаются; иногда случаются из них так белые, что подобны туруханским; бобры и выдры, которых немало в Башкирии и в других местах; зайцов не весьма довольно, и оные 3-х родов; бе-

лые и серые, коих завут русаками, третьи земляные, у которых передния ноги коротки, а задние чрезвычайно длинны, и си последния в степных местах бывают и живут в норах; корсоки — зверь степной, живет в норах, которых на Заяицкой степи множество; кабаны или дикия свиньи в Башкирии и на здешней стороне Яика редко случаются, напротив того, их весьма немало за рекою Яиком по реке Илеку вверх, а особливо около тех озер, на которых камыш ростет, из них так великия бывают, что в одной туше от 15 до 20-ти пуд мяса случается; козы ж дикия называемые саиги, внутри Башкири весьма редко, но около Яика, а особливо на Заяицкой степи табунами случаются, величиной они не больше домашней козы, только тонки и ноги имеют длинные и сухие. Шерсть на всех желтовата или светло-рыжа. Кони дикия на Заяицкой степи, а иногда и на сей стороне Яика реки, называются тарпаны, ростом против средней лошади, только круглее, шерстью саврасые и голубые. Птицы: гуси дикие разных родов, драхва, дудак или тутак, птица степная, видом и вкусом весьма схожа к ындейке, журавлей во всех степных местах довольно; кулики разных родов, которых во многих местах довольно, лебедей на больших озерах везде, також и около берегов Каспийскаго моря множество, утки дикия разных родов и ястребы большия и малые разных родов. Вредные гадины — змеи, черепахи находятся, но немного, а других ядовитых гадин нет.

7 июня 1761 г.

Архив Академии наук СССР, фонд 3, оп. 10б, № 69.

4

1761 г. — Из анкеты Шляхетного кадетского корпуса об экономическом состоянии Яицкого городка

О Яицком казачьем городке, которой от Оренбурга вниз реки Яика в 294-х верстах.

...Построен оной город около 1574 г. от бывших на Каспийском море разбойников, у которых предводителем был некто из донских казаков, именем Нечай...

Во оном городке записных служилых казаков 3196 человек. Герб онаго войска — на печати изображен человек, стоящей на 2-х рыбах, в руке имея посох или трость.

На 4-й. Ярмонок никогда во оном не бывает. Приезд из внутренних российских по близости ко оному городов в году 2 раза: один зимою, а другой — летом — для покупки рыбы, икры; а товары бывают сермяжные: сукна, холст, пестрядь и проч. мелочи.

На 5-й. Промыслов у оных казаков никаких нет, кроме одной рыбной ловли, которую они в реке Яике многочисленно ловят.

На 6-й. Ремеслов никаких они не имеют, как только что показанною рыбною ловлею довольствуются, и оное в луччем у них состоянии, и чрез то все их недостатки награждаются, а женский пол прядут и ткут из верблюжьей шерсти весьма тонкия и чистыя армяки и кушаки.

На 12-й. Рыбы в реке Яике ловятся: белуги, севрюги, осетры, сазаны, сом и протчая всякая мелкая рыба.

На 16-й. Река Яик по большей части замерзает около половины ноября, а вскрывается в марте в последних числех и апреля в первых.

На 21-й. Хлебов никаких не сеют, а получают привозимой на продажу из внутренних российских жительств Казанской губернии.

На 23-й. Скота в оном городе содержат: лошадей, коров и баранов довольно, на продажу оной скот сами никогда не гоняют, а приезжающие к ним из Оренбурга и из других мест купцы оной покупают. Около реки Яика в заимищах и в степи зверей диких, кабанов, медведей, волков и лисиц, корсаков, а птиц — лебедей, гусей, уток — довольно.

Архив Академии наук СССР, фонд 3, оп. 10б, № 69.

5

Не ранее 1766 г. декабря 14. — Наказ новокрещен из мордвы и чувашей Пензенской, Сарайской и Петровской провинций в Комиссию для сочинения проекта нового уложения

В силу ее и. вел. высочайшаго манифеста, публикованнаго в народ декабря 14 дня 1766 г., выбран я из мордвы, новокрещен Федор Матвеев, Пензенской и Сарайской и Петровской провинций от новокрещен мордвы и чуваш к

сочинению проекта новаго уложенья. По данному мне от мирских людей наказу усмотрел сверх того наказа самую надобность нижеследующее.

1. Не повелено ль будет ее и. вел. из высочайшаго матернаго милосердия нам всем, новокрещеным и ясашным, быть вечно государственными ясашными крестьянами, и определить во взыскании подушнаго с нас по окладу платежа и прочих податей, и в разбирательстве между нами происходимых ссор и других непорядках государственно-ясашный суд, да выбрать с государевых ясашных крестьян, а не помещику или дворянину нас судить, ибо наши обиды помещиковыми крестьянами много бывают.

2. Жалованными предками вашими и. вел. дедам и отцам нашим старинной еще повочены по урочищам и по старым признакам мордвам многие помещики, не боясь господа бога и не страшась прав ее и. вел. указов, насильством своим у нас, у новокрещен, завладели без всяких крепостей; а прочие уже, под видом якобы своей крепостной, и отмежевали; до владения, и до пахания, и до покосов, и до лесов той земли не допускают и, захватя, бьют до смерти. И на тех наших крепостных дачах других и с места сбили, усильством же построили мельницы и винокуренные заводы. А мы, бедные, яко безгласные, принуждены земли наймовать. И чинят оные помещики нам неописанныя изнурительныя разорения так безчеловечно, что уже своего скарбишка лишаемся напрасно, отчего пришли в разорение, что уже на платеж податей принуждены занимать. И, видя нас в бедном состоянии, в заем никто не дает, зачем принуждены жен и детей закладывать, а другие и ныне не могут откупить от процента. А хотя о подушных писали, ежели бы помещики и крестьяне помещиковы не обижали нас, и мы государственных податей и доходов без всякой нужды платить в состоянии бы.

3. Жалованы мордовским мурзам четвертныя пашенныя земли и всякия угодья по равному числу на человека четверти. Из тех мурз у другого имеется после того времени родившихся детей человек до 6-ти или более, а другой совсем одинок — владеет те же четверти, а подушныя и всякия подати платят по равному числу, отчего между ими чинятся ссоры и драки, и от той ссоры просят в су-

дебных местах, только удовольствия получать не могут, только ко одному разорению чинится. В городах у князей, и мурз, и у татар, и у мордвы, и у чувашей, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцев — боярам и окольничим и думным людям, и стольникам, и стряпчим и дворянам московским, из городов дворянам и детям боярским, и всяких чинов русским людям поместных и всяких земель не покупать и не менять, и в заклад, и в наем на многие годы не имать. А будет которые московские из городов дворяне и дети боярские и всяких чинов люди учнут в городах у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясашных людей земли имать сдачею или покупать, или в заклад, или в наем на многия лета имать, или менять, и у тех всяких чинов людей татарския поместныя ясашныя земли имать на государей, да им же за то от государей быть в опале.

4. Всякого чина люди, как сухим, так и водяным путем торгуют хлебом и всякими припасами, и всякими розницами мелкими товарами, скотом, медом и воском. А нас, бедных, как до купки, так и до продажи того, купечество не допускает, и чрез приметки свои чинят нам всякия обиды. А ежели наша купка и продажа не будет, и то по грехам нашим который год неурожай, то нам государственных податей платить будет нечем.

5. Не повелено ль будет нам, ясашным крестьянам, по старым крепостям земли и сенные покосы, и лесныя угодья, а помещиковых крестьян с государственных и ясашных земель их снести, и мельницами на государевых ясашных дачах, чтоб ни помещику ни крестьянину ими не владать.

6. Ездят штаб и обер офицеры большою командою по нашим деревням для покупки на полки лошадей и насильством своим берут у нас всякий съестной харч и на лошадей фураж без всякаго денежнаго платежа. А в небытность нашу иногда в домах, то жен и детей, требуя от них того харча, бьют немилостиво, и, наконец, того принуждают нас к подписке, что якобы оных нам никаких обид не чинили. Почему в таком случае и находим себя принужденными по принуждению их подписываться.

7. Прежде сего розыскная команда, ездя по нашим деревням, и с собою возят воров и смертноубийц, и жительство имеют в тех наших деревнях месяца по 2 и по 3. А те

воры, усмотря из нас зажиточного, из одной лакомой своей корысти оговаривают напрасно, почему тот принужденным себя находит по невинности своей чрез денежную дачу себя избавлять, отчего многие зажиточные пришли в самое разорение.

8. Прежде сего был закон наш мордовский; а ныне восприяли святое крещение; а другие и ныне необыкновенны крещеной вере и закону. Не повелено ль будет каждую неделю воскресный день работать запретить, и чтоб принудить к богу молитву принести, да ещё не оставить ли матерной брани, для всего всемилостившая из высочайшаго матернаго милосердия трудится денно и нощно неусыпно матернаго милосердия попечением.

9. А когда помещики станут от нас землю отнимать, и то мы не станем допускать, и то они на нас просят у судей, яко-бы его крепостная дача. И те судьи из наших жительств забирают много людей, человек по 10-ти и по 20-ти и по 30-ти, и сажают нас в приказ и в тюрьму, и бьют немилостиво, и морят нас, бедных, месяца по 2 и по 3 и по году, и приневоливают безвинно мириться. И мы, бедные, безгласные, видя себя, чтоб государственных податей и доходов остановки б не было, принуждены и безвинно мириться.

Да в указе 1710 г. марта 27 дня из Москвы и приказу Казанскаго дворца в Казанскую губернию между прочим написано: в Казани во всех и оных городах всяких чинов русским людям на татар, и на мордву, и на чуваш, и на черемис заемных кабал и памятей изделочных, и в землях и во всяких делах записей и росписок и всяких крепостей не принимать. И которые крепости взяты на них до сего указа, и по тем по всем крепостям на них, татар и на мордву, и на чуваш, и на черемис, русским людям ныне и впредь суда не дать, и те все крепости в Казани собрать и прислать к Москве в приказ Казанскаго дворца. И велено тот указ в Казани всяких чинов русским людям сказать, и, сказав тот указ, записать в книгу, и всем чинить по тому указу. Федор Сараев депутат.

Весъ наказ написан рукою этого депутата Федора Сараева.

Сборник Русск. истор. о-ва, т. 115, СПБ., 1903, стр. 421—424.

Не ранее 1766 г. декабря 14.— Наказ ясашных татар мусульман Кунгурского уезда в Комиссию для сочинения проекта нового уложения

По силе манифеста ее и. вел. декабря 14 дня 1766 г., коим повелено избрать к сочинению проекта новаго уложенья от каждаго народа депутатов и прислать оных в столицу ее и. вел. в Москву с челобитьями и нуждами от каждаго места, откуда они присланы будут. И во исполнение онаго высочайшаго ее и. вел. повеления, мы, Пермской провинции Кунгурскаго уезда иноверцев ясашных татар поверенные, по предписанному в обряде образцу по обыкновению нашему принеся наперед присягу, выбрали между собою в провинциальные депутаты Кунгурскаго уезда Верхъиренской четверти деревни Малаго Телесу татарина Кулмана Иштерякова, которому препоручили всенижайшия наши нижеследующия прошения, нужды и отягощения, где надлежит представить.

1. В законе мы состоим магометанском и по оному для принесения жертвы имеем во всем Кунгурском уезде 10 мечетей, при коих находятся из нас, татар, при каждой по одному мулле, дьячков по 2, пономарей по одному. И состоят оные во всяких податях с протчими татарами наряду. А как мы имеем усердие, чтоб оныя мечети по закону нашему всегда б были в целом состоянии, которыя попровлять, також, естли и впредь в наших деревнях, где заспособно признаем, и вновь строить будем, сколько по желанию нашему возможности достанет, всенижайше просим дать нам в том дозволение на волю нашу, и в том бы никто нам запрещения и помешательства не чинил. И коим повелено б было также, как и нынче имеется, из наших татар определять нам самим из наших же татар достойных к каждой мечети по одному мулле, по 2 дьячка и по одному пономарю, чтоб они наивсегда могли в надлежащия времена о многолетном и благополучном ее и. вел. здравии всевышняго бога молить. И как ныне таковых наших духовных чинов из подушнаго оклада выключить, также и впредь в подушный оклад не класть и повелеть им случающияся между нами, татарами, духовныя дела по точной силе законных наших книг разбирать

и решить, в каковыя бы разбирательства никакия присутственныя места не мешались, ибо оным судебным местам духовных наших дел по незнанию закона нашего и решить не можно. И в том бы никакой суд помешательства не чинил, как то прежде было, а оставить оное разбирательство и решение оным нашим муллам в полную власть.

2. Содержащим законы всякаго звания людям никто б друг друга в законах не попрекал и не ругался чужому закону. А буде бы кто чужой закон дерзнул поносить и ругать, за то б, кроме офицерства, наказать на публичном месте нещадно, а офицерам положить тяжкий штраф, яко преступникам закона.

3. Если из наших татар, присяжных людей, кого кто посторонние каким непригожим словом обезчестит, и за то положить штрафу так, как положено башкирцам и мещерякам, по 5 руб., ибо мы в одном законе и присяге с ними состоим, а не по примеру русских крестьян. А ежели кто кого прибьет и изувечит, то б повелено было за такое дело чинить жестокое наказание на публичном месте, а чиновным людям положить тяжкий штраф.

4. Мы, Кунгурскаго уезда ясашные татары, по жалованным грамотам, как до писцовых 131 и 132 гг.[1] книг, так и после тех годов, по тем писцовым книгам до 1742 г. платили один положенный кунный ясак, а других никаких поборов, также и рекрут с нас брано не было, и мы не отправливали. А с 743 г.[2] стали платить подушные денги по одному руб. по 10-ти коп. с души на год. Да сверх того платили ж с того 1743 г. по 1764 г. за новокрещен подушныя денги и рекрут отправляли с великим отягощением, также с 1761 г. вновь наложенныя к прежним рублю 10-ти коп. — по 60 коп. Итого, по рублю по 70 по $3^1/_2$ коп. платим и поныне с отягощением же.

5. Во время ж прошедших рекрутских наборов, отбывая от дальней солдатской службы, многие из наших татар от своих домов отлучались, коих за сысканием бывали другие в посылке, которые, будучи в отлучках немалое время, претерпевали крайнее разорение, также и в отдаче рекрут великие убытки и волокиты, так что каждый рекрут

---

[1] *То есть 1623 и 1624 гг.*
[2] *1743 г.*

становится нам за переменами по 30-ти руб. и более, о чем напред сего прозбы наши в вышних командах бывали. Точию о тех наших обидах и взятках дел наших к решению из вышних команд в нижние, а из нижних в вышние за пересылками и поныне никакого удовольствия к решению не получили. Ибо мы по-российски суда по форме не знаем, в каковых делах по сумнению нашему только имеем крайнюю волокиту и разорение и неудовольствие. Чего ради нижайше просим, дабы повелено было нас от платежа подушных денег, также и от рекрутских и протчих поборов избавить, понеже с 735 до 741 г.[1] во время бывшей здесь башкирской шатости находились мы, кунгурские татары, по 300 и по 500 человек, а потом и все по нарядам поголовно в подъездах на своем коште без всякаго нам жалованья и награждения, в которых походах великое разорение и убытки претерпевали. К тому ж во оных походах из наших татар побито до 50-ти человек. Того ради повелеть нам быть на таком же основании, как отправляют службу Уфимскаго уезда башкирцы и мещеряки. Мы всегда в исправности поочередно на своих лошадях казацкую службу, где повелено будет, отправлять со усердием желаем, или положить нас в кунный ясак на таком же основании, как и прежде до 1742 г. платили, без взятья с нас рекрут и других поборов.

6. До писцовых книг, и по писцовым книгам, и по жалованным грамотам, данным нашим прадедам, владели в здешнем Кунгурском уезде землями, всякими угодьями, как те прадеды наши, и мы, кунгурские татары, за которые прежде положенный кунный ясак платили; а ныне объявляем, что прадедов наших некоторыми жалованными землями и угодьями, как прежде при прадедах наших, так и ныне при наших владениях, Кунгурскаго уезда крестьяне и города Кунгура посадские люди завладели насильством своим. А сверх того верховые угодья вырубили, а волоки, в которых было хмелевое щипанье, огнем выжгли и вырубили ж на реках бобровые гоны, и рыбные ловли выловили, и всякие звериные ловли и угодья опустошили, и ныне пустошат, отчего уже никакого угодья не остается. Також на реках, называя оные якобы своими,

[1] *1735 до 1741 г.*

мучные мельницы строят, в чем нам из давных лет крайния обиды начали чинить и ныне причиняют. А хотя о таковых нам обидах и утеснениях, назад тому уже более 100 годов, еще прадеды наши, также потом и мы в присутственных местах просили многократно, точию и поныне никакого удовольствия по проискам крестьян и посадских сыскать не можем. В каковых ссорах на спорных местах — споры, драки, также и смертныя убивства бывали. Почему также удовольствия получить не можем.

7. Как прежде, так и ныне, многие из наших татар и из черемис люди, учиня у разных обывателей кражи пожитков и лошадей и протчие непорядочные поступки и озорничества и забирая в долг многочисленное число денег, исбывая за покраденное ими платежа или пыток и наказания, также и долговых денег, а неохотою восприняли веру греческаго закона и после того селятся в наших дачах и причиняют многия притеснения. Того ради всенижайше просим, дабы повелено было таковых, восприемших веру греческаго закона, из наших дач и деревень выслать, а поселить их в село обще с крестьянами, где был закон греческой веры, церковь; понеже они, будучи жительством в наших деревнях, никогда греческой веры не содержат. Также и забираемые у нас татарами долговые деньги повелено б было им заплатить.

8. По писцовым книгам некоторым нашим вотчинникам написаны верховыя угодья, хмелевое щипанье, звериныя, бобровыя и другия ловли, а земли не написаны. И ежели по нынешней, изданной землемерам инструкции, отмежуется, что написано в писцовых книгах, то нам будет обида затем, что ныне верховыя угодья, хмелевое щипанье, звериныя, бобровыя и рыбныя ловли опустошены, удовольствоваться нам будет нечем, кроме одной земляной дачи. Отчего мы к платежу государственных податей прийдем в несостояние. Просить будущих и нынешних межевщиков вместо опустошенных верховых и протчих вышеописанных угодий отмежевать те земли до тех мест, по которым речка, и на сколько верст те угодья в писцовых книгах написаны.

9. Просим мы, иноверцы, не знающие российских законов, определить нас на особливые права и не сравнивать с протчими российскими, ибо мы с российскими, по незна-

нию нашему российских прав, и в суде по форме, для того, что по незнанию нашему можно иногда легко подпасть в неповинный штраф или какое взыскание, в каковых судах претерпеваем мы великия трудности, и затменныя толкования, и неразумения истинные силы законов и порядка дела. А ежели когда будут иноверца нашего в присутственных местах судить, то бы повелено было определить с жалованьем казенным заседать от татар опекуна, дабы сей за татар стараться и от неповинных обид и разорения защищать.

10. Дабы в производстве нужнейших государственных дел челобитчиковы дела помешательства, а в челобитчиковых бы делах за исправлением нужнейших государственных дел остановки и дальней напрасной волокиты челобитчикам быть не могло, отчего уже и так некоторые наши челобитчики, в здешних судебных местах довольное время волочась, не получа своего удовольствия по делам, иску и своих убытков, употребляя все свои достатки по долговременному нерешению дел за совершенное скудостию и нищетою, от исходатайствования своих дел без всякаго удовольствия отстают. То для скораго челобитчиковых дел решения и обиженных удовольствия повелено б было в присутственных местах определить особливых членов с жалованьем казенным, кому от вышней команды таковыя дела отправлять поручено будет.

11. Как наши кунгурские татары почти все живут на проезжих в Сибирь, в Казань и в Оренбург дорогах, и проезжающих всякаго чина людей, также и воинских команд, и с амуничными вещами обозов довольно в проезде бывает, и не смотря на данные нам от команд охранительные и запретительные о нечинении проезжающими всякого чина людьми обывателям обид и разорения и в невзятье сверх подорожен излишних без прогонов подвод и харчевых припасов безденежно указы, происходят от проезжающих живущим на самых проезжих дорогах великия обиды и отягощения, то-есть, берут подводы из-под пристрастия и из-под побой без прогонов. А иным хотя по подорожным и велено брать по 2 подводы, но у таковых для своей угодности бывает по 2 повозки, а повозки чрезвычайно такия тяжелыя, что ни по которой мере без 3 или 4 лошадей поднять не можно, то по принуждению проезжаю-

щих и из-под побой принужденными находят наши татары, вместо одной подпрягать лошади по 4 и по 5. И за те излишния лошади прогонов не дают, также всякие съестные припасы и фураж берут безденежно ж; отчего великия отягощения и разорения претерпеваем. А хотя на таковых обидчиков в здешних судебных местах и было прашивано, однако ж иные, яко не своей команды, не чиня проезжающим задержания, о их непорядках пишут в их команды, а от команд тех уже никакого ответствия или бы удовольствия мы не видали. В пресечение бы каковых непорядков всенижайше просим, дабы повелено было, если бы впредь, паче чаяния, таковые проезжающия команды чинить будут таковыя ж нам обиды и разорения, то бы таковых по объявлениям нашим при присутственных местах задерживать, покуда они обиженных довольствуют.

12. Во отводных наших по писцовым 131—132 гг.[1] книгам по речке Бакле дачах, за каковые прежде положенный кунный ясак платили без всякаго договора с нами, владельцами, и без всякаго платежа нам, к тому его сиятельством господином графом Иваном Григорьевичем Чернышевым построен в 1763 г. Ашинский медиплавиленый завод, к которому уже лесов, как на обзаведение того завода обывательских домов, так и на угольное сжение, знатное число вырублено и вырубается; також знатное число сенных покосов захвачено, и как для заводчиковых, так и для жительских лошадей, сена ставят. Да и сверх того приписные его сиятельства к заводам крестьяне по приказаниям от заводчиковых прикащиков селятся в наши татарския деревни, на наши земли без всякаго к тому и нашего договора, также и на лугах наших сено косят усильством своим, от каковых нам причиняемых притеснений претерпеваем самокрайнюю нужду и недостаточество.

13. В наших татарских дачах, за кои напред сего положенный кунный ясак платили, кто из татар найдет медную руду, то помянутого графа Чернышева его веренные те татарские прииски насильно отнимают и берут в свое ведение безденежно и без добровольнаго договора, и работать в оных и пользоваться татарам не дают, чем великую обиду нашим вотчинникам пригоняют. И во всей нашей

[1] *То есть 1623 и 1624 гг.*

вотчине воли ни в чем не дают. И всенижайше просим, дабы повелено было нам, вотчинникам, в своих дачах руду отыскивать не запрещать, и приказать деньги отдавать за поставляемую впредь нами на его сиятельства заводы руду без всякаго задержания. А ежели оную руду, также и не содержащую пробу, принимать не станут, то́ б повелено было оную ставить, куда нам заспособно признается, на другие заводы без всякаго запрещения. И ежели от таковых притеснений близ живущие его сиятельства к заводам наши татары от самосудных им обид и притеснений избавлены не будут, то по крайней нестерпимости принужденными себя найдут из своих домов во отдаленные жительства разъехаться, отчего последуют им великие убытки и разорения.

14. Напред сего конские пошлины, что касалось до иноверцев, в силу указа Правительствующаго сената 1727 г. июня 15 числа, повелено было по учиненной от татар простбе содержать нам, татарам, на откупу поочередно, по договорной цене, по которому указу с 1727 г. июня с 15 числа по 763 г.[1] тот конский сбор содержали и деньги по договору платили без продолжения. А с 763 до 764 г. во время здешних питейных сборов на откуп кунгурским магистратом содержание онаго конскаго сбору нам, татарам, отдавано не было, а збирался в тот магистрат и по уезду винной продажи целовальниками, от которых мы имели отягощения в том: когда, кто купит или продаст лошадь, за дольностью к записке, а иногда за болезнию чрез неделю не будет, то целовальники, наведавшись татар, бирывали под караул и на стенных цепах мучивали, от каковых мучений татары принужденными себя находили им платить чрезвычайные деньги, так что вместо 6-ти коп. — рубля по 3 слишком. Да и с 767 г. оный конный сбор состоит на откупу у новых откупщиков, московских купцов Петра Белавина с товарищами. Всенижайше просим, дабы повелено было конный сбор, что по окладу надлежит в иноверческих Кунгурского уезда четвертях, отдать нам, татарам, и кроме нас никому не отдавать, дабы впредь нам притеснения и наивящей обиды и разорения последовать не могло.

---

[1] *1763 г.*

15. Наших татар в Янычевских дачах, за кои напред сего платили положенный кунный ясак, в 1735 г. построены были на речке Югу 2 казенные медиплавиленные заводы и из казеннаго в партикулярное содержание отданы его сиятельству господину генерал-поручику и кавалеру Ивану Григорьевичу Чернышеву, в 1757 г., к коим довольное число лесов и сенных лугов из писцовых наших дач в отводе состоит. А по указам повелено, если на владельческих землях какие казенные заводы будут построены, то владельцев за те земли такими ж землями и против того ж или денежною платою по договору удовольствовать. Точию оные наши янычевские татары, как во время казеннаго, так и нынешняго его сиятельством содержания, за те земли, как прежде, так и ныне никакою платою и землями не удовольствованы, отчего крайне обиженными себя находят. Также в лесах и лугах претерпеваем совершенный недостаток. Всенижайше просим, дабы повелено было, ежели землями против тех мест и удовольствовать будет не возможно, то б за прошедшие годы по договору со владельцами удовольствовать денежною платою. И впредь каждогодно повелеть плату без задержания производить.

16. Прежде сего мы, татары, на данных по писцовым нам, татарам, книгам землях и реках строили мельницы, с которых рек и платили кунный ясак. А ныне мы, когда на данных нам по писцовым книгам реках и землях строить будем мельницы, то б повелено со оных мельниц никакого оброка не взыскивать.

Наказ подписан пермским горнаго начальства копеистом за татарских поверенных.

Сборник Русск. истор. о-ва, т. 115, СПБ., 1903, стр. 358—365

7

1767 г. июня... Наказ ясашных некрещеных удмуртов (вотяков) Арской дороги Казанского уезда в Комиссию для сочинения проекта нового уложения

1767 г. июня... дня в силе состоявшегося 1766 г. декабря 14 числа ее и. вел. публикованнаго манифеста велено из всякаго звания выбрать к сочинению проекта новаго уложения провинциальнаго депутата и ему поручить наши недостатки, коего во исполнение мы, Казанскаго уезда

Арской дороги ясашные некрещеные вотяки, разных сотен погостные поверенные (*следует 5 имен*), выбрали в провинциальные депутаты Казанскаго ж уезда и дороги ясашнаго ж вотяка Камаевой сотни Ямаева Бекчентея Байтуганова, коему мы свои нужды и недостатки поручили, и чтоб он оные, где надлежит, объявил в указном месте.

1. Прежде мы, именованные, положены в подушной оклад, — каждая душа по 50-ти по 5-ти коп., которые в казну ее и. вел. и платили всегодно бездоимочно. А в прошлом 1760 г. положено на нас с каждой души по 80-ти по 5-ти грошевых по 2 коп. с рубля в полгода. А как по нынешней третичной ревизии написаны мужескаго пола душ каждая без остатка, с которых довольно неимущих, старых, дряхлых, малолетних и протчих после той ревизии многое число померло, за которыя неимущия души подушныя деньги располагаем на наличныя души. На том платеже несем великия нужды, и от того приходим в недостаток.

2. В наших же дачах имеется заповедный дубовый и протчий лес, который всякаго звания людям под штрафом рубить запрещено. А между тем имеется и негодный к корабельному строению, только и онаго мы без клеймения Казанской адмиралтейской конторы за частым смотрением определенных вальтмейстеров рубить не смеем и через то всегда по отдаленности от нас от губернии принуждены бываем для того заклеймения ездить и просить от той конторы нарочных, от которой всегодно бывают и посыланы на нашем коште, в чем мы и несем себе немалое изнеможение.

3. Нам же, именованным, ныне по указам запрещено всякими товарами торговать, а особливо везде купечество не допущает. От наших жительств состоят города и ярмарки по отдаленности, а сельским и деревенским не только продать, а паче что кому надлежит купить для домашней своей надобности, и не дозволено ль будет покупные уездные всякаго звания товары продать оные в городах, ибо от оной покупки и продажи купеческим людям никакого помешательства не происходит, потому что мы в лавках не торгуем, но и покупной уездный товар продаем им же, купцам, с великою цены убавкою; в резон то, что бывает у нас собственный хлеб, мед, сукно, овчины, шерсть, кожи и протчие тому подобные не по большому

числу. Но ежели для продажи таких небольших вещей каждому ездить в города может происходить немалое отягощение, или б повелено было по данным нам от них же, купцов, или от тех поверенных, коим особливыми указами торговать велено, кредитным письмам дозволить и по граничным ярмонкам.

4. В производящихся между нами небольших делах, кои состоят в исках не свыше 30-ти руб., в долгах, спорах и драках, кроме татиных, дозволить судиться промеж собою или указом, кому нашему брату дозволено будет, словесным судом. Для того определить по выбору мирских людей достойного человека, приводя прежде к присяге, что он должен судить с самою истинною справедливостью, не наровя, ни же посягая никому. И им при той должности дозволено б было винных в силу закона наказывать или мирить, и принимать, с какого дела по скольку повелено будет, пошлин. Для записки оных впредь для справки иметь шнурованныя за печатью данныя из Казанской губернской канцелярии книги, которыя выбранные те собранныя пошлинныя деньги и с записными книгами подавали б каждаго года для записки в приход в губернскую канцелярию.

5. Которым принимать от обывателей и явочное челобитие или изветы и указныя пошлины с запискою ж в книгу, кои челобитные, изветы и собранныя пошлины по тому же чрез каждый год подавать в губернскую канцелярию, ибо за дальностью, особливо в летнее страдовое время, остаются таковые челобитные изветы без подачи, отчего приключается интересу ее и. вел. ущерб.

6. В заемных партикулярных долгах за рукою должников письмах, хотя без векселя и заемных от крепостных дел записей принять, принимая в действие и доправя с должников, заимодавцев удовольствовать.

7. А которые люди нанимаются из своей воли в работники на срок, со взятьем наперед заработных денег, коим бы повелено было до сроку от того хозяина не отойти, разве тому согласен будет хозяин.

8. Еще ж просить, когда кто привезен будет по татиному делу в присутственное место, который скажет хотя одно воровство, то б сослать его в каторжную работу в зачет рекрута, хотя б он воспринял святое крещение.

9. В случившихся у нас промеж собою, також с русскими и разных чинов с людьми в больших исковых делах, повелено б было по форме суда не производить, потому что мы незнанием о форме суда и силы указов разоряемся напрасно. И для того производить в присутственных местах, по доношениям кратким следствием со взятьем указных пошлин, что с челобитен взять надлежит, а убытков и проторей с нас в силу 194 г.[1] указу не взыскивать.

К сему наставлению погостные поверенные тамги свои приложили.

Сборник Русск. истор. о-ва, т. 115, СПБ., 1903, стр. 368—371.

8

1767 г. июня... — Наказ ясашных чувашей Казанского уезда в Комиссию для сочинения проекта нового уложения

1767 г. июня... дня, по силе состоявшегося прошлаго 1766 г. декабря 14 дня ее и. вел. публикованнаго манифеста, коим повелено к сочинению проекта новаго уложенья выбрать от всякаго звания провинциальнаго депутата, и во исполнение онаго мы, нижеподписавшиеся Казанского уезда ясашные чуваши, уездный поверенный Ухинка Трокин да погостный выборный мурза Максимов, выбрали в провинциальные депутаты ясашного ж чуваша Анюка Ишалина, коему все свои нужды и недостатки поручили, а какие, о том значит ниже сего.

1. Положены мы, вышеименованные, были в прежние генеральные ревизии обще весьма с престарелыми, дряхлыми и слепыми в подушный оклад, за которых и платили от ревизии до ревизии, также за умерших и отданных в рекрутные солдаты подушныя деньги, по раскладке на мир с протчими душами, и всякия государственныя подати, до подания к минувшим ревизиям сказок, за коих всегодно и платили подушныя деньги бездоимочно. А как по нынешней ревизии в тех наших жительствах написаны многое число таковых же слепых, дряхлых, старых, безумных, кои не только могут платить положенный оклад, но и себя кроме мирскаго подаяния пропитать не могут, за которых и ныне всегодно подушныя деньги и всякия госу-

[1] *1686 г.*

дарственныя подати платим всягодно бездоимочно. А как у нас за малоимением земли и протчих угодий, — едва можем и с настоящих своих душ положенный на нас оклад платить с великой нуждою.

2. За восприявших разнаго звания из иноверцев святаго крещения, за дачею им по указам трехлетней льготы, взыскивались с нас, именованных, за них подушныя деньги ежегодно. А что в котором году того платежа происходило, о том от подушнаго сбора имеем в наличности квитанции и поныне, отчего мы за вышеизъясненными обстоятельствами завсегда несли изнеможение и претерпевали немалые в том платеже нужды.

3. К нашей же домашней надобности потребно от лесов, — на оси, колеса и на протчее, то есть дуб, ясень, клен, вяз, который по указам нам, нижайшим, рубить не точию стоячий, но и валежника от определенных вальтмейстеров запрещают, без котораго нам, как и выше значит, при домах обойтиться невозможно, отчего в неупотреблении того заповеднаго леса несем немалыя нужды.

4. Между ж нами, народом безгласным, происходят иногда по разным делам домашним ссоры и драки, и о том один на другого подают в указных местах челобитные, и по тем по сыску, в силу о форме суда указов, велено производить суд по форме. А как мы, именованные, яко народ безгласный и не сведующий законов, и чрез то бедные, испродавая последний свой экипаж, к тем делам для хождения нанимаем разнаго звания поверенных, а те поверенные нас, безгласных, паче того чрез лакомства разоряют. И притом же к тем делам собираются свидетели и выносят многие справки, а между тем по оным делам происходит немалое продолжение, а челобитчик и ответчик между тем со обеих сторон несут себе немалое разорение и до того доходят, что и последнято своего экипажа лишаются, а особливо в летнее время и хлебопашества, и от того приходят не только к платежу государственных податей в несостояние, но и без пропитания себя.

Уездный поверенный Ухинкоа Трокин и погостный поверенный мурза Максимов поставили свои тамги.

Сборник Русск. истор. о-ва, т. 115, СПБ., 1903, стр. 379—381.

1767 г. июня...— Наказ приписных к камским железным гр. П. И. Шувалова заводам крестьян Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда в Комиссию для сочинения проекта нового уложения

1767 г. июня... дня, по силе состоявшегося прошлаго 1766 г. декабря 14 числа ее и. вел. публикованнаго манифеста и учиненнаго обряда, велено всякаго звания выбрать к сочинению уложения новаго проекта провинциального депутата. И во исполнение онаго мы, уездные поверенные, по данным нам от погостных поверенных достоверностям Казанскаго уезда, Арской и Зюрейской дорог разных сотен, сел и деревень бывшие ясашные крестьяне Тавилской сотни (следует 10 имен) выбрали мы провинциального депутат Казанского ж уезда Тавильской сотни села Сарсас Степана Тимофеева, коему все наши изнеможения и недостатки препоручили, а какие, о том значит ниже сего по пунктам, и чтоб он их, где надлежит, представил.

1. В прошлом 1758, в 759 гг. приписаны мы, именованные, насланным от Казанской губернской канцелярии капитаном Хвостовым к новозаводимым его сиятельства графа Петра Ивановича Шувалова к камским железным заводам, которые ныне взяты в казенное ее и. вел. ведение, где мы поныне в работе находимся безотлучно, а состоим в наших приписных в разных сотнях, селах и деревнях по нынешней последней третьей ревизии, написанных мужескаго пола 18 тысяч душ. Из того числа отдано на Камские заводы годных в мастеровые 350 человек, да имже отдано в подмогу от мира на одежды и на хлеб денег по 5-ти руб. каждому человеку; в том же числе старых, увечных, малолетних, умерших немалое число, которые не только быть годны для исправления положенных работ, но и совсем себя пропитать не могут, за которых всегда мы одни, годные, положенную на нас казенную работу и заработываем; а за ту, нижепоказанную нами, работу происходит платеж подушных денег, с души в каждый год по рублю по 70-ти по 3 коп. с половиной.

2. Какия при вышепомянутых Воткинском и Ижевском казенных железных заводах работы исправляем, а именно: рубим дрова на угольное сжение кубической саженью,

Одному человеку через 5 и 6 дней зачитают из казны платы по 20-ти по 5 коп. сажень. Возка земли в платину, разстояние более версты продолжается, человеку с лошадью в 5 и 6 дней из казны платы зачитается по 30-ти коп. сажень. Пешая поденная работа в летнее время человеку по 5-ти коп., а в зимнее по 4 коп. Из тех дров сваживаем в дровосек, кладем 20-ти саженныя кучи, дерном осыпаем землею 2 человека, при коих и 2 лошади бывают, и находятся при той работе не менее, как 3 недели, а женские тех куч также 2 человека безотлучно бывают, недель по 7-ми продолжаются, за ту работу каждой кучи зачитают из казны платы только по 3 руб. по 40 коп. В таком случае, ежели за болезнею своею или для посева на пропитание себе хлеба, за дальным разстоянием, долговременным нашим проходом зарабатывать сами не поспеваем, то принуждены бываем всегда нанимать посторонних людей дорогою ценою, а именно: к рубке дров п 50-ти коп. сажень и боле, возка земли обыкновенная сажень по рублю, пешая денная работа по 20-ти коп. в день, за кладку, дернение, посыпку землею с кучи даем по 7-ми руб. и более, за сжение и разломку с кучи таким же образом нанимаем по 9-ти руб. и более 2-м человекам.

3. К действию ж тех заводов уголь возим из разных куреней, кои бывают от заводов разстоянием не менее 21-ой версты, а за оный зачитают из казны платы только по осьми коп., и с 15-ти верст по 6-ти коп., и с 7-ми верст по 3 коп. с каждаго короба, который в дальном разстоянии съезжают один человек с лошадью зимним временем самою хорошею дорогою, в 2 дня; из прочих разстояний не равно, видя по доброте лошадей, в день, а другие, за худостию лошадей, в 2 дня короб, а который уголь остается кем в невывозке за приключившеюся болезнею, то из принуждения конторы нанимаем дорогою ценою поденно, и с 20-ти и с 15-ти верст по 50-ти коп. с короба, и с половины того куреня, и с какого бы не было разстояния, по 20-ти по 5-ти коп.; при той угольной возке при заводе покупаем зимним временем сена воз по 50 коп. и более, а другие, за неимением при себе достатка, не только чтоб он мог прокормить имеющуюся при себе лошадь, но и самому себя пропитать нечем, и оттого те лошади помирают с голода, ибо за все те наши работы происходит плата ма-

лая, а особливо мы от найма посторонних претерпеваем изнеможение.

4. А сего 1767 г. февраля 23 дня с показанных наших разных сотен пришлых крестьян посланы были на сплав с Ослянской да Докшинской пристани с чугуном коломенки, на тех коломенках 480 человек, котрые со сплавом прибыли мая осьмого числа, коим за оную производится из казны платы по 2 руб. по 20-ти коп. человеку. Да за прошедшие годы требовано было не менее. Состоят наши сотни в разстоянии до Ослянской пристани в 6-ти стах верстах и более, с наших-же сотен, сверх заводскаго окладу, потребовано 310 человек. На показанныя ж коломенки с железом вверх по Волге реке до Рыбной Слободы проходит лучшее время, когда бывает ярового хлеба сев и сенокос.

5. При вышеписанных казенных заводах каждый год высылаемы бываем для сплытья с чугуном и коломенок тянем до завода вверх Сивою и Воткою реками, и по всплытии и выгрузке из оных чугуна в самую великую пашку и сев, то-есть в мае месяце, по 6-ти и по 7-ми недель, отчего многие уже пашки для посеяния хлеба не пашут и пришли уже в нищету, а плата нам за привод тех коломенок до завода и выгрузку из оных чугуна повсягоды производится плата по 60 коп. человеку. Со оной же нашей Саралинской сотни повсягоды ж к той же отправке коломенок требуется по 100 и по 200 человек, из протчих сотен то ж число. А когда за болезнею и не хотя остаться без посева хлеба, быть голодом, то нанимаем на оный привод по 3 и по 4 руб. каждаго человека.

6. Спуск же бывает с железом коломенок со онаго Воткинскаго завода реками Воткою и Сивою до Камы реки от той нашей Саралинской сотни крестьянами с протчими приписными Воткинскому заводу крестьянами ж, и с добычею на те коломенки изделья и с грузкою до Камы реки по 2 недели, за что платы из казны производятся по 20 коп. каждому человеку, а сами вместо себя нанимаем на оный спуск коломенок по рублю по 50-ти коп. каждаго человека. Да сверх того на оный же Воткинский завод требуется с нашей Саралинской сотни, как на нынешний 767 г. в расклад расположено, лык 2750 пуд., а в прошлые года отправляли не менее, которые всегда покупаем каждый год по 9-ти коп., а самим того за положен-

ными заводскими работами исправиться никак не можно, а нам за оные платы — за каждый пуд по 2 коп. А как наши приписные сотни в дальном разстоянии, на которое имеем проходу дней по 10-ти и более, а в силу плаката никакого нам зачета не бывает, а заработываем мы всякою заводскою работою по раскладу подушных денег по рублю по 40 коп., а оставших за раскладом требуют в контору по 30 по 3 коп. с половиною с души.

7. При действии ж тех Воткинскаго и Ижевскаго заводов поставляем мы, именованные, со всех приписных наших сотен дегтя повсягоды, как прежде, так и ныне, по 7-ми тысяч ведр, котораго покупали, за неимением у них угоднаго леса, в других местах дорогою ценою, с поставкою на оные заводы по 20-ти по 5-ти коп. каждое ведро, а на заводе зачитают нам из казны платы только по 3 коп. с половиною за ведро.

8. С начала приписки в разных годах ко оным вышеписанным к Воткинскому и Ижевскому заводам заработываем мы, именованные ниже подданные, последние рабы, теми заводскими работами за всех тех годных и негодных старых, увечных, малолетных, слепых и умерших за души, тако высылают нас всех в самую деловую пору, не дают нам своей крестьянской земледельной работы исправлять, а хотя и отпукают нас в домы, и то не на долгое время, где и бываем всегда в проходе, зачем исправить домашней своей работы никак бывает не возможно. А хотя означенных сотен некоторые и сеют для своего пропитания хлеба по малому числу, но и того во время снять заводская работа не допускает. А прочие совсем в посеве у себя хлеба не имеют, чрез что и домов своих лишились, а находятся только из одного пропитания всегда при тех заводах безотлучно, чрез что не токмо плата подушных денег в состоянии, иной пропитать себя на тех заводах с великою нуждою может, отчего за тою наложенною тяжкою, многие, половина большая, на них работою и пришли в крайнее разорение и нищету.

Чего ради вас, провинциальнаго депутата, покорне просим сии наши нужды и недостатки принять, и о всем вышеписанном учинить по данному вам за нас наставлению, и где надлежит объявить. Июня дня... 1767 г.

Наказ подписан от имени сотенных погостных поверенных.

Сборник Русск. истор. о-ва, т. 115, СПБ., 1903, стр. 260—261.

10

1767 г. июня...— Наказ приписных, переселенных к Авзяно-Петровскому железному Демидова заводу крестьян Уфимской провинции в Комиссию для сочинения проекта нового уложения

1767 г. июня... дня, по силе состоявшегося прошлаго 1766 г. декабря 14 числа ее и. вел. публикованнаго манифеста, велено всякаго звания жителям выбрать провинциальнаго депутата и ему препоручить все наши мирския нужды и недостатки. И во исполнение коего мы, Уфимской провинции приписные переселенные крестьяне Авзяно-Петровскаго, господина дворянина Евдокима Никитича Демидова железнаго завода выборные *(следует 5 имен)* и всех тех переселенных, с мирскаго согласия, выбранному от нас погостному поверенному, Михаилу Васильеву, препоручили наши нужды и недостатки письменно отдать провинциалному депутату деревни Старой Мазике, Кузьме Петрову сыну, Якунину, и ему представить, где надлежит, в учинении с нами в следующих нуждах милостиваго разсмотрения.

1. Прежде сего имелись жительством в Казанском уезде по Зюрейской и Арской дорогам в селе Котловке, Чистом Поле, Бултыре и протчих жительствах. А в прошлом 1754 г. приписаны мы, именованные, к реченному Авзяно-Петровскому заводу для новости места и размножению заводских работ, который тогда в содержании стоял покойнаго графа Петра Ивановича Шувалова и кампанейщика его коллежскаго ассесора Козьмы Матвеева. И ходили мы на оные заводы в работы и по чередам своим с протчими нашей братьей, из которых в тогдашнее время удерживаны заводскою конторою ко обучению в разныя мастерства, которые обучены и доднесь на оном заводе с семействами жительство имеют. Да в прошлых же годах, а в котором именно году, того не упомним, по сенатскому указу на оный завод перевезено нас немалое число. В преждеписанных же жительствах наших находился тогда поверенный от показаннаго покойнаго графа Шувалова, отставной прапорщик Василий Кулалеев, управителем для нарядов и

высылки в заводские работы. И в тогдашнее время им, Кулалеевым, из оных жительств на оный завод переведены со всеми семействами, сверх же того и деревня Яжбулдина переведена вся без остатка. И только всего при оном заводе приписных переселенных крестьян и с мастеровыми по нынешней переписной ревизии состоит 992 души, с которых с 760 г. в Уфимскую провинциальную канцелярию подушныя деньги и всякия государственныя подати платим сами собой с прочими государственными ясашными крестьянами вровне. А сколько при оном заводе из показанных приписных крестьян имеется в разных мастерствах, того без росписания показать не можно. Только одним примером до 300 быть имеет, а прочие в разных заводских работах находятся. А как при тех заводах никаких угодий не состоит, кроме каменных гор, где только что хлебопашество иметь, но для последней крестьянской надобности в огородах под бакши исправляем с великою нуждою, ибо в тех заводских работах всегда находимся безотлучно. А сверх того пребываем ежегодно во все вешнее время при спускании коломенок и грузке железа, и на поплав посылаемся по реке Белой, кои состоят не менее 500 верст до пригорода Табынска.

2. А наипаче всего, без хлебопашества при показанном заводе мы состоим, по многолюдству и по многому числу в семействах негодных в работы и престарелых, малолетних, слепых и дряхлых, увечных мужескаго и женского пола, кои живучи пришли в самую бедность и нищету и одолжоны неоплатными долгами. А хотя в прежних наших жительствах для того хлебопашества земли и имеются, точию как оный завод от тех жительств разстоянием состоит в 500 верстах, тако же и сенными покосами исправляемся с великою нуждою. А как за выше писанных неимущих, а сверх того и умерших, положенные работы завсегда исправляем и подушные деньги по одним наличным душам располагаем и всегодно платим с великою нуждою, в том мы тебе, Васильеву, препоручаем наши мирския нужды и недостатки письменно с показанных всех, а тебе отдать провинциальному депутату, а ему объявить сии наши нужды, где надлежит, письменно.

Наказ подписан поверенным Михаилом Васильевым, по просьбе выборных от приписных переселенных крестьян.

Сборник Русск. истор. о-ва, т. 115, СПБ., 1903, стр. 302—303.

II. Идеология восстания Ем. Пугачева

11

1767 г. есентября 17.— Манифест («указ») Пугачева яицкому войску о пожаловании его рекою, землею, денежным жалованьем, хлебным провиантом и проч.

Самодержавнаго амператора, нашего великаго государя Петра Федаровича всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянном моем указе изображено яицкому войску: Как вы, други мои, прежным царям служили до капли своей до крови, дяды и оцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья отныне и до веку и у детей вашых. Будити мною, великим государям, жалованы: — казаки и калмыки и татары. И каторые мне, государю императорскому величеству Петру Фа[*до*]ровичу, винные были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершин и до усья и землею, и травами, и денижным жалованьям, и свиньцом, и порахом, а хлебныим правияитам.

Я, велики государь амператор, жалую вас.

Петр Федаравич.

1773 г. синтября 17 числа.

«Пугачевщина», . Iт, Центрархив, Гиз, М.-Л. 1926, стр. 25.

12

1773 г. . . — 20. — Манифест («указ») Пугачева киргизскому войску о пожаловании его землею, водою и проч.

Российского войска содержателя и великого государя, и всех меньших и больших уволитель и милосердой сопротивником казнитель, больших почитатель, меньших почитатель же, скудных обогатетель и всему российскому государству Петр Федоровичь и прочая и прочая и прочая.

Киргизскому войску содержателю Абулхаирову, приятелю и брату моему, имянной указ и протчим моим верным слугам.

Для осторожности вам объявляю.

Когда всевышни господь бог мне даст волю, то я вас всех не оставлю и буду вас жаловать верно, нелицемерно землиою, водою и травами, и ружьями, и провиянтом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую. И моим верным слугам и войскам обявить: и будет от меня вольным и невольным всем моим, которые меня почитающим, воля, чтоб и войска ваши не противились что я обиду за них стоять, також и оне для меня, великого государя, постарали бы. Которых непослушных — казнить и ныне и впредь буду. И оное ваше в войске генералов и бояр не послушали б. Которые прежде служили, то я их могу простить, вперед они того не могли делать. Кои прислать ко мне, великому государю, 200 человек военных людей для нынешнего войска. И вы сами известны: для вас неприятель, то ж и для меня. В том сей мои именной указ объявляется всем.

Российский государь Петр Третей руку приложил.

Написано при его императорском величестве 20 дня 1773 году.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз, М.-Л. 1926, стр. 26—27.

13

1773 г. конец сентября. — Манифест («указ») Пугачева башкирам о пожаловании их землями, водами, лесами, рыбами, пашнями, «телами», законами, денежным жалованьем и проч.

Я во свете всему войску и народом учрежденны велики государь, явившейся ис тайного места, прощающей народ

и животных в винах, делатель благодеянии, сладоязычной, милостивый, мяхкосердечный российски царь, император Петр Федоровичь, во всем свете вольны, в усердии чисты и разного звания народов самодержатель: и прочая, и прочая, и прочая.

На сем свете живущему в городах и крепостях мне подданному благодетельному и продерзательному народу з домашними, то-есть детьми и женами, объявляется — сии мои указы во всех сторонах, как-то: на всех дорогах, местах, деревнях, на перекрестках и улицах публикуются.

За нужное нашел я желающим меня показать и для отворения на сих днях пространно милостивой моей двери послать нарочного. И башкирской области старшинам, деревенским старикам и всем малым и большим так, как гостинец, посылаю мои поздравления.

Заблудившие, изнурительные, в печале находящиеся, по мне скучившиеся, услыша мое имя, ко мне итти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие.

Без всякого сумнения идите и, как прежде сего ваши отцы и деды моим отцам и дедам же служа, выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, безсумненно к моему светлому лицу и сладоязычному вашему государю для походу без измены и пременения серцов и без криводушия в подданство и в мои повелени [идите.] А особливо первая надежда на бога на сем свете. Мне , вольному вашему государю, служа, душ ваших не пожалейте против моево неприятеля проливать кровь. Когда прикажется, что будьте готовы, то изготовьтесь. А что верно я, то для уверения вас своей рукою во все стороны, как то и к вам, указы послал. Слушайте. И, когда на сию мою службу пойдете, то за сие я вас попрежнему, как вы от бога меня просите, так и я вас помилую. А что я ваш подлинно милостивый государь, признавайте и верьте. Ныне я вас. во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порахом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу. И пребывайте так, как степные звери. В благодеяниях и продерзностях всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и вну-

четам вечно. Повелени мои послушайте и исполните. А что точно ваш государь сам едет, с усердием вашим для смотрения моего светлого лица встречю выезжайте. А я уповаю на бога и вам подтверждаю: от таких продерзностей, размышляя, на себя сумнения не возлагайте. Когда ж кто, на приказани боярские в скором времени положась, изменит и постречается моему гневу, то таковые от меня благодеяния и уже не ожидайте и милости не просите и к гневу моему прямо не идите. Сие действительно божием имянем под присягою я сказываю: после истинно не прощу.

Доброжелатель, велики император, государь П е т р Ф е д о р о в и ч и царь сам Т р е т и руку приложил.

Сей мой указ писан и скреплен по исхоте сентября месяца во вторник, то-есть в покров.

14

1773 г. октября 1.—Манифест («указ») Пугачева башкирам и калмыкам о пожаловании их землею, водою, солью, верою, молитвою, пажитью и денежным жалованьем.

Великий государь и над цари царь и достойной император Петр Федоровичь, разсудя своим мнением ко всем моим верноподданным послать сей мой имянной указ, и протчая, и протчая, и протчая.

Да будет вам известно всем, что действительно я сам велики. И, веря о том без сумнения, знайте, мне поданныя во всяких сторонах и находящияся в здешних местах: — мухаметанцы и калмыки, сколько вас есть, и протчие все! Будучи в готовности, имеете выезжать ко мне встречю и образ моего светлого лица смотрите, не чиня к тому никакой противности, и пожалуйте, преступя свои присяги, чините ко мне склонность. Однако ж, естли имеются при башкирцах старшины, и Ногайской дороги все обыватели, то б в готовности ко мне приезжали и содержащихся в тюрьмах и у протчих хозяев имеющихся в невольности людей всех без остатку на нынешних месяцах и днях выпущали. И приказание от меня такое: естли будут оказываться противники, таковым головы рубить и кровь проливать, чтоб было детям их в предосторожность. И как ваши предки, отцы и деды, служили деду моему блажен-

ному багатырю государю Петру Алексеевичу, и как вы от него жалованы, так и я ныне и впредь вас жаловать буду. И пожаловал вас землею, водою, солью, верою и молитвою, пажитью и денежным жалованьем, за что должны вы служить мне до последней погибели. И буду вам за то против сего моего увещевательного указа отец и жалователь, и не будет от меня лжи: много будет милости, в чем я дал мою пред богом заповедь. И буде кто против меня будет противник и невороятен, таковым не будет от меня милости: голова будет рублена и пажить ограблена. Для чего сей мой указ со учреждением и написал.

Октября 1 дня в день суботной 1773 г.

С которого списывая копии, имеете пересылать из города в город, ис крепости в крепость.

Великий государь, царь российской, император руку приложил

Петр Третий.

Император сам Петр Третий руку приложил.

Великого императора Петра Федоровича посланной башкирским старьшинам и ко всем по Нагайской дороге обывателем и на Сибирской дороге жителям указ имеете публиковать всенародно.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз, М.-Л. 1926, стр. 30—31.

15

1773 г. не позднее октября 11. — Манифест («указ») Пугачева коменданту Красногорской крепости, сакмарским казакам и всякого звания людям о пожаловании их вечною вольностию, землею, водою, денежным жалованьем и проч.

Самодержавного императора Петра Феодоровича всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Сей мой имянной указ Красногорской крепости коменданту и сакмарским казакам и всякого звания люди.

Имянное мое повеление: как деды и отцы ваши служили, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до последней капли крови. Второе: когда вы исполните мое имянное повеление, и за то будите жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностию. И повеления

мое исполняти со усердием ко мне приезжайте, то совершенно от меня за оное приобрести можите к себе мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противитца будите, то в скорости возчувствовати на себя праведный мой гнев. Власти всевышняго создателя нашего и гнева моего избегнуть не может[е]: никто тебя от сильные нашея руки защищать не может.[1]

Великий государь Петр Третий вероссийский.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз, М.-Л. 1926, стр. 32.

16

1773 г. октября 17.—Указ Пугачева «всему миру» Авзяно-Петровского завода о пребывании к нему в верности и об изготовлении мортир

Самодержавнаго императора Петра Феодоровича всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая.

Сей мой имянной указ в завод Авзяно-Петровскому Максиму Осипову, Давыду Федорову и всему миру мое именное повеление:

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли крови и исполните мое повеление. Исправьте вы мне, великому государю, 2 мартила и з бомбами и в скорым поспешением ко мне представьте; и за то будите жалованы крестом и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провиянтом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию. И повеления моего исполнити, со усердием ко мне [приезжайте][2] то совершенно меня за оное преобрести можите к себе мою монаршескую милость. А ежели моему указу противиться будите, то в скорости восчувствуити на себя праведы мои гнев и власти всевышнего создателя нашего избегнуть не можете. Никто вас [от сильные][3] нашия руки защитить не может.

1773 г. октября 17 дня.

Великий государь Петр Третий всероссийски.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз, М.-Л., 1926, стр. 33—34.

---

[1] «Получен октября 11-го числа 1773 г.

[2] В тексте «приказчайте».

[3] В тексте «истинным».

1773 г. декабря 1.— Манифест («указ») Пугачева ко всем подданным Российской империи о пребывании к нему в верности и пожаловании их вольностью, землею, водою и проч.

Указ

его и. вел. самодержца всероссийскаго Петра Феодоровича и прочая, и прочая, и прочая.

Всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей, яко то от бога дарованной мне милости, всякаго человека тех, которые ныне желают быть в моем подданстве и послушании по самопроизвольному желанию. А естли кто сверх сего моего, до всего народа чинимаго милосердия, останется в своем недоразумении, тот уже напоследок восприимет от меня великое истязание и ничем себя не защитит. Сверх же сего и те, которые, как прежде, услуги приносили неизменные деду моему, императору Петру первому, такие, что за его и. вел. до жизни своей пребывали в неисчерпаемых службах, за что и воспринимали немалые награждения и похвалы, но и ныне кто таковы мне будут приносить неизменные услуги, а заслужа, и я про тех всеусердно слышать желаю и без награждения никого не оставлю за те их услуги. И естли кто ныне познает сие мое оказанное милосердие, действительно я уже вам всех пожаловал сим награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угодьями, также вольностию. Сверх же сего, как от бога дарованной мне власти, обещаюсь, что впреть никакого уже вы отягощения не понесете. А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко-то: помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона и общаго покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то-есть казнить смертию, а домы и все их имение брать себе в награждение. А на оное их, помещиков, имение и богатство, также яство и питие было крестьянское кошта, тогда было им веселие, а вам отягощение и раззорение. А ныне ж я для вас всех един ис потеренных объявился и всю землю своими ногами исходил и для дарования вам милосердия от создателя создан. То, естли кто ныне понять и уразу-

меть сие может о моем воздаваемом вам милосердии, и всякой бы, яко сущей раб мой, меня видеть желает. Но однако ж ныне еще не столько мне доброжелателей, как сколько общаго покоя возмутителей и ненавистников. Ныне ж всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами паки возведет нас на всероссийский престол, то уже не один без отмщения противу их оказанного до меня злодействия не останется; и тогда всякой познает тягость своего преступления. А хотя и восхощет обратиться к законному повиновению и будет стараться и споспешествовать и приносить неизменные услуги, но только ничего принято не будет; тогда уже и воздохнет из глубины сердца своего и воспомянет всемирное житие свое, да уже возвратить будет тогда никак нельзя. А кто ж сей мой милостивой указ получит в свои руки, тот бы тот же час как из городу в город, из жительства в жительство пересылал и об оном моем чинимом ко всему роду человеческому милосердии объяснял и всемирное житие воспомянул, как оное ныне также и впреть вышеизъясненное будет всем полезно.

На подлинном подписано (тако) собственною его императорскаго величества рукою тако:

Император и самодержец всероссийский Третий Петр. От 1-го декабря 1773 г.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз, М.-Л., 1926, стр. 35—36.

18

Не ранее конца 1773 г. — Прошение («доношение») поверенных от крестьян Кусельниковой сотни села Спасского Кунгурского уезда Пугачеву об освобождении их от заводских и уездных властей

Всепресветлишии, самодержавнешии, велики государь Петр Федоровичь самодержиц всероссийской, Малые и Белые России:

протчей протчей, и протчей!

Доношение.

Доносят вашему величеству Кунгурского уезду села Спаского отдельной сотни Кусельниковой от всей той

сотни от крестьян поверенные Корнило Прокопьев сын Ширяев, Устин Ананин сын Медвидев. А о чем наше нижайшии, о том пунты ниже значать:

1-е

Мы, божию милостию рабскии, услышив вашее им. вел. от южной страны от Оренбургской губернии в великих силах, о том же нача бога славить, что отдавна наше красное солнце, под землю скрыся, ныне от восток восходит на всю вселенную и своею милостию может обогреть нас, нижайша и сирых рабов, и приклонением мы, крестьяне, все единодушно свои главы до лица земли.

2-е

И мы рабски, показанной тоя сотни вси крестьяне, всепокорнейше просим от команды его царскаго милосердия, а не хочем каких противностей чинить. Его великого на нас гнева и поражения не учинил, о том просим его командующих господ, чтоб избавили от меча губительного, а что его повеления до [л]жны исправлять.

3-е

Еще великую надежду имеем, чтоб на него царьское величество сердечно как бы избавило от лютых и дивних зверей ядовитых, прелюмил бы вострые когты их, злодеев бояр и афицеров, как у нас в Юговских казенных заводах Михайло Ивановича Башмакова, также Ивана Сидоровича Никонова, да в городе Кунгуре Алексея Семеновича Елчанова, Дмитрия Попова, что оные господа уже нас возмущают, указами претят: имя его великое Петра Федоровича кто вспомянет, того человека за великого злодея почитают и до смерти поражают.

4-е

Того ради мы рабски, вси крестьяне, послали от себя надежных людей, чтобы об вашем величестве уведомить и поклон принести до лица земли твоим полководцам, а не противность иметь. Того ради пожалуйте, обнадежьте, чтоб мы, раби твои, ведали о твоем великом царского Петра Федоровича здравие, о том бы мы возымели вси великую радость.

Все на нашее рабское нижайшие прошение учинить вашему вел. милостивое смотрение, дабы от твоих воиского не было б нам, нижайшим, какого повреждения.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз, М.-Л., 1926, стр. 200—201.

19

1774 г. января 8. — Воззвание полковника революционной армии Ивана Грязного к жителям г. Челябинска

Находящимся в городе Чилябинску всякаго звания людям.

Не иное что к вам, приятные церкве святой сыны, я простираю руку мою к написанию сего: господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы, какой же, говорю я вам — всему свету известно. Сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж — вам самим то не безъизвестно: дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе божием и написано, чтоб оне крестьян так же содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали полян [*псов*] [1] своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в сылках тово никогда не бывало, да и нет. А напротив того, с женами и детьми малолетными не было ли ко господу слез! И чрез то, услыша, яко израильтян, от ига работы избавляет. Дворянство же премногощедрого отца отечества великого государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении, но то дворянем нежели ныне, но и тогда не пользовало, а кольми паче ныне изгнали всяким неправедным наведением. И так чрез то принужденным нашолся 11 лет отец наш странствовать, а мы, бедные люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягою, донским казаком Пугачовым,

[1] В подлиннике неразборчиво, скорее можно прочесть: хатуев (Г. А., VI. д. 512, ч. II, лл. 21—22), а не «полян» как это напечатано в сборнике «Пугачевщина», т. I, М.-Л. 1926, стр. 74—75.

а, напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но естьли б, други и приятные святые церкве чада, мы были прещедраго отца отечества, великаго государя Петра Феодоровича не самовидцы, то б и мы веры не поняли, чрез что вас уверяем, не сумневаться и верить — действительно и верно государь наш истинно. Чего ради сие последнее к вам увещание пишу: приидите в чювство и усердно власти его и. вел. покоритесь. Нам кровь православных не нужна, да и мы такие ж, как и вы точно, православные веры. За что нам делать междуусобные брани? А пропади тот, кто государю не желал добра, а себе самому. Следственно, все предприятии вам уже разуметь можно, и естьли вы в склонность притти не пожелаите, то уже говорю нескрытно: вверенные мне от его и. вел. войска на вас подвигнуть вскоре имею, и тогда уже вам, сами рассудите, можно ли ожидать прощения? Мой же совет: для чего напрасно умирать и претерпевать раззорение всем вам гражданам? Вы, надеюсь, подумаете, что Чилябинск славной по России город и каменную имеет стену и строение — отстоится. Не думайте, приятные: предел от бога положен, его же никто прейти не может. А вам наверное говорю, что стоять — не устоять. Пожалуйте, не пролейте напрасно свою кровь. Орды неверные государю покорились, а мы противотворникам. Затем скратя сим, остаюсь.

Генваря 8 дня 1774 года.

Подлинной подписал тако:
Посланной от армии его императорского величества главной армии полковник

Иван Грязнов.

«Пугачевщина», т. I, Центрархив, Гиз. М.-Л. 1926, стр. 74—75

20

1774 г. июля 31. — Манифест («указ») Пугачева помещичьим крестьянам о пожаловании их вольностию, землями, освобождением от подушной подати и пр.

Божиею милостию мы, Петр Третий, император и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая.

Объевляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподанными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно козаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без аброку и свобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцов — судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощениев. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалые бедствии. А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России прозцветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих помест[*иях*] и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет.
Дан июля 31 дня 1774 г.

Петр.

«Пугачевщина», т, I, Центрархив, Гиз, М.-Л. 1926, стр. 40—41.

III. Восстание Ем. Пугачева по показаниям его вождей

21

1774 г. июля 30.—Показание полковника революционной армии И. Н. Белобородова

Уроженец он Кунгурскаго уезду приписного к медному Осокинскому заводу села Медянки из крестьян. В прошлом, 759 г.,[1] того села от обывателей по очереди отдан в рекруты и определен в выборгской артиллерийской гарнизон, а оттуда послан был в Петербург на пороховые заводы в работу, где производилось жалованья ему, как и прочим, по 4 руб. по 20 коп. в год; но, не захотев более служить, начал притворно хромать правою ногою, сказывая, что оною болен, для чего и отослан он в лазарет и лежал тут с полгода, а в 766 г. за тою хромотою от службы отставлен канапером, с пашпортом, на свое пропитание, и, пришед в город Кунгур, явился в канцелярии. А хотя и назначено было ему жить в показанном селе Медянке, но, как он по отставке женился кунгурскаго посадскаго Федота Елисеева на дочери девке Нениле, коя тогда жила Кунгурскаго ж уезда в селе Богородском, то и разсудил он остатца в том же селе и жил своим домом, производя торг воском, медом и прочими товарами.

А сего 1774 г. генваря 1 числа, когда были их села жители все на базаре, приезжали во оное село: сперва Кунгурскаго уезду села Алтыннова крестьянин Данила Бурцов — и читал публично на базаре всему народу манифест от имени государя императора Петра третьяго, а потом баш-

[1] 1759 г.

кирцов 5 человек — и объявляли также публично всем, что называемой ими полковник Кансафар Исаев с 500 башкирцов чрез их село идет в Кунгур для приклонения народа государю Петру Федоровичу, и находитца де он, от села недалеко, а их послал для занятия квартир и запечатания питейных домов. И кто де ево встретит, тех домы не раззоряет и жалует всякою вольностию; а кто противитца или бегает, тех вешает и домы их обирает на государя; а государь де взял уже Оренбург и Уфу и находитца в Оренбурге. И, выслушав показанные слова, жители их села Богородскаго поверили, что это подлинно государь Петр третий, и выбрали лутчих несколько человек для встречи помянутаго Кансафара. А он, Белобородов, между тем, также поверя во всем сказанным от башкирцов словам и убоясь, чтоб дом его раззорен не был, поехал наперед, и, отъезжав от села версты 2, где и выбранные от сельских жителей люди, догнав ево, обще встретили с хлебом и солью. А Кансафар, увидя их, спросил, что за люди. Они сказали, что идут встречать команду государя Петра Федоровича и просили ево, чтоб он не раззорял их домы. Он же, приняв хлеб и поздравя их с императором Петром третьим, сказал: «Добрые вы люди, что встретили». А как приехали в село, то встретил того села поп Кузьма Ефимов со крестом и с хлебом и солью. По прозбе же ево, Белобородова, Кансафар стал к нему в дом, где приказал ему, Белобородову, собрать к себе сотника, старосту и лутчих людей; а как собраны были, то Кансафар приказал своему пищику читать всем вслух манифест такой же, как и прежде крестьянин Бурцов читал; и, выслушав оной, жители сказали, что они государю покорны. Потом велел тем сотнику и старосте выбрать из жителей половину к себе в казаки, а ему, Белобородову, над оставшими жителями из их же сыскать в начальники честнова и справедливаго человека, почему он представил к нему крестьянина Конона Змеиова, которой и определен сотником. А жители просили Кансафара, чтоб из них в казаки половину не брать, потому что, жительство хотя и велико, но по большей части живут из других деревень, да и жители бедны; а потому и приказано было от него набрать только 25 человек, кои выбраны с лошедьми и представлены к Кансафару, которой, присовокупя к ним из приведенных с собою, набранных им в деревне Бырме, 12 чело-

век, определил над ними, по желанию их, ево, Белобородова, сотником.

И, быв в селе их 2 дня, тот Кансафар с толпою и он, Белобородов, поехали в приписное к Сергинскому дворянина Ивана Демидова заводу село Алтынное, где встречены были попом и жителями, и, выбрав тут из крестьян в казаки 50 человек с лошедьми, прибыли на Осокинской Шуртанской завод, где все, что ни было разграбили, а из заводских крестьян взяли в казаки человек до 50. И в то время прислан был от называемаго графа Чернышева присяжной лист, по которому, как тутошних жителей, так и набранных в казаки, привели к присяге и тут же разделили толпу на 2 партии, из коей Кансафар ему, Белобородову, дал в команду 100 человек, да для публикования от имени государя манифест и наставление в такой силе: ежели кто будет противитца, тех вешать и рубить головы, а которые склонятся, тех жаловать вольностию, стричь волосы по-казацки и приводить к присяге.

Потом тот Кансафар пошел с толпою под Кунгур, а он, Белобородов, с своею в Сибирь, в Ачитскую крепость, которая прежде взята теми башкирцами, на заставу и, быв в той крепости двои сутки, отправился к Екатеринбургу. И, следуя чрез разныя крепости и заводы, кои добровольно ему сдались, набрал в казаки до 600 человек, 5 пушек, да пороху пуд с 5, и, не дошед до Екатеринбурга верст за 40, остановился на Шайтанском Ширяева заводе, откуда посылал он свои толпы 30 человек на Уткинской казенной завод с манифестом для приклонения, почему бывшей на том заводе ундер-шихтмейстер Павел Жубринской, приехав к нему, Белобородову, привез для продовольствия ево толпы казенных денег 1500 руб., за что, он, ему, Жубринскому, дав чин сотника, послал обратно на завод с приказанием набирать в толпу людей. После того с высланною из Екатеринбурга воинскою командою имел двоекратное сражение, и на оных из воинской команды взяли в полон: — на первом человек до 50, а на другом 6 человек; ис тех пленных — одного отставного солдата да крестьянина повесил, а 2-м отрубил головы, протчих же наказывал плетьми, приговаривая им, для чего они идут против государя; тех же пленных по приказу ево заводской поп привел в верности самозванцу к присяге, и велел он, Белобородов, им называтца

казаками. Потом, выбрав, он, с разных заводов лутчих, человек с 5, и одного из пленных, да из татар 4 человек посылал под Оренбург к самозванцу с репортом, в коем изъяснял свою к нему усердную службу и приказал им проведать от знающих людей, подлинно ли он государь. Из которых четверо русских, возвратясь, сказали, что подлинно государь, и при нем же есть такие люди, которые прежде в гвардии служили, и тогда они же привезли указ от самозванца о пожаловании ево, Белобородова, атаманом; а он, поверя сказанному и видя от самозванца к себе милость, начал еще усерднее ему служить и надеялся от нево более получить награждение.

И, находясь на Шайтанском заводе с месец, отправился на Уткинской казенной завод. В то время было уже в ево толпе людей тысечи до полуторы. К продовольствию ж оной брал с жителей для людей провиант, на лошедей фураж безденежно. И на том заводе, явясь к нему, реченной ундер-шихт-мейстер Жубринской представил набранных им в казаки 200 человек. Потом всех, на оном заводе бывших, в верности самозванцу чрез тутошнего попа привел к присяге и поехал на Уткинской же Демидова завод, где до приходу ево приготовлено было на сопротивление ему с разных заводов вооруженных человек до 800 с 15-ю пушками, с которыми и имел он сражение, а по немалом супротивлении их разбил, пушки же взял к себе, из взятых в полон одного крестьянина за побег повесил; в казаки из заводских взял 120, а вместо того из своей толпы оставил на том заводе до 700 человек, зделав над ними начальниками помянутого ундер-шихт-мейстера Жубринскаго да з Билимбаевскаго Строганова заводу подъячаго Петра Паркачева, и дал им чины есаулов. А с 400 человек послал на Ревдинской Демидова (завод) и столько ж на Ширяевской заводы для предосторожности от верных войск, а при нем тогда осталось только 25 человек, с которыми продолжал путь чрез заводы казенные: Сылвинской, Илимской; а с Шайтанскаго Демидова поехал паки на Уткинской Демидова ж завод, с онаго на Шайтанской Ширяева завод же. А как услышел, что с верными войсками маиор Гагрин идет на Уткинской завод, то он к оставленным (им) на том заводе 700 человекам взял из оставленных им на заводах людей с Ревдинского 200, да с Шайтанского 200 ж человек и с находивши-

мися при нем 25-ю человеками пошел на отражение того маиора. Но он, упредив ево, Белобородова тем заводом и оставленными 700 человеками овладел и, встретя ево с оставшими при нем 300, ушел на Каслинской Демидова завод, где начал, было, делать укрепление, но пришедшею воинскою командою он с толпою разбит, откуда и бежал во 170 человек на Саткинской Лучинина завод. Тут он, Белобородов, и посланные от него в других местах набрали в казаки 450 человек, а всех тогда в толпе ево собралось до 700 человек.

В бытность же на Саткинском заводе прислан к нему в помочь от самозванца Пугачова атаман, которой сказывал о себе, что он прежде служ[ил] в гвардии из дворян ундерафицером — Михайла Титов сын Голев, котораго он о Пугачове спрашивал, подлинно ли он государь Петр Федорович. Он сказал, что подлинно государь: «И я де потому больше ево знаю, что, когда находился в гвардии, то во время учения бивал из своих рук и пришиб к ружью персты, от чего де имею знаки»; чему он, Белобородов, и более поверил. А как потом он увидел, что тот Голев делал непорядки и пьянствовал, то, сковав ево, отослал обратно к Пугачеву, сам же пошел с толпою под город Кунгур; и дорогою в деревне Верхних Кигах по принесенной ему от мещерика жалобе, что сын ево не почитает, того мещерятскаго сына повесил. И как он пришел в деревню Нижние Киги, то тут явились к нему бывшие в злодейской толпе называющейся станичной атаман с казаком, а как их зовут, не упомнит, и сказывали, что они приехали с Китайскаго заводу к нему в команду; но как третьево их товарыща, оставленнаго назади с лошедьми, к нему привезли башкирцы, то он и донес ему, Белобородову, что они, все трое, отложась от злодея, ехали к нему с увещательным указом отвращать от того злодея, за что он тех 2 повесил. И в то же время получил от самозванца Пугачова повеление, чтоб итти под Магнитскую крепость, куда он с толпою и пошел, [но][1] за разлитием рек остановился в Саткинском заводе, где и стоял до слития оных и до просухи, всего недели с 4; потом вторично получил от злодея с илецким казаком, бывшим у того злодея есаулом, Иваном Шибаевым, указ о по-

[1] *В тексте:* по

спешении итти под Магнитскую крепость, — сам же Шибаев поехал обратно. А он, Белобородов вскоре после того, перед выходом с Шайтанского заводу, получил Косотурскаго Лугинина заводу от жителей известие, что оной Шибаев в том заводе хозяйской дом разграбил, у служителей лошадей и седла обрал, почему и послал вслед за ним 100 человек, с тем, чтоб ево, поимав, сковали; а как он, Белобородов, пришел на Косотурской завод, то и застал Шибаева уже скованова и уведомился, что оной Шибаев репортовал на него, Белобородова, к злодею Пугачову о том, что он, Белобородов, перваго, от него присланнаго Михайлу Голева сковал, а одного донскова казака убил до смерти, да и ево, Шибаева, сковав же, хотел сечь плетьми и бутто намеряется от него, самозванца, отложиться. И, как он отступил от Касотурского заводу верст с 20, то приехали к нему от злодейскаго ж полковника Михайловскаго, находившегося в Чебаркульской крепости, 6 человек казаков и объявили, что к оному Михайловскому от самого злодея прислан указ по репорту объявленнаго Шибаева, чтоб против ево, Белобородова, поступить военною рукою за то, что он хочет от самозванца отложиться; он же, Белобородов, сказал им, что служит злодею верно и изменить ему не желает, а потом оные уехали обратно. И, как он вступил в Чебаркульскую крепость, то полковник Михайловской объявил ему оной указ, но он, Белобородов, и ево, Михайловскова, уверил, что он к злодею Пугачову усерден, почему Михайловской и велел поспешить ему к назначенному месту. И, будучи в пути, от крепости в 30-ти верстах, повстречались с ним двое яицких казаков и объявили, что они посланы от самого Пугачева, подтверждая тоже, чтоб он шел, как можно скоряе, и, следуя с ним, говорил: «ты де был в службе и видал государя, то де ныне узнаешь ли ево»; на что он ответствовал, что государя видал и, естли подлинно он, то узнать может.

А как прибыли к Магнитской крепости, (коя до приходу ево уже злодеем взята была), тогда отобрали от него все оружие, какое имел, и представили те яицкие казаки ево с Шибаевым к самозванцу Пугачову; он же, Белобородов, став пред ним на колени, называл ево батюшкой, которой во всем том, что на него Шибаев репортовал, ево простил. А по выходе от злодея, ияцкой казак, называемой артилле-

риской полковник, Федор Федотьев спросил ево: «узнал ли де ты государя?», — на что он сказал, что подлинно государь; и, хотя он в лицо ево и не признал, однако, по уверению Голева и Тюмина, как они служили при бывшем императоре в гвардии, считал и в мыслях за истиннаго государя, да и другим во уверение объявил. По приказанию же Пугачова приведенную им, Белобородовым, толпу разделили на 2 партии, причем самозванец ему, Белобородову, и предписанному илецкому казаку Шибаеву дал чины полковничьи и поручил, — одну партию, 300 человек, Шибаеву, а другую, в 400, ему. И пошли все в Карагайскую крепость. Во оной был командиром прапорщик, а как ево зовут, не знает, к которому ездил он по приказанию Пугачова уговаривать, чтоб здался без сопротивления, и уверял того прапорщика, что самозванец истинной государь; почему прапорщик, не делав супротивлений, впустил в крепость, и по приказу того злодея, Пугачева, крепость сожжена, показанного ж прапорщика с командою, также годные пушки и пороху $1^1/_2$ пуда взяли к себе и пошли по крепостям, а как им звании, не упомнит, кроме только 2-х: Степной и Петропавловской, и во всех тех крепостях имели с верными войсками сражении, а по преодолении все выжжены; бывших же в тех крепостях жителей, забирая, вели с собою пленными и, пришед к Троицкой крепости, по многом с верными войсками сражении оною овладели и вошли в крепость, где так, как и в первых крепостях, всех взяли в плен, а денежную казну и обывательские пожитки разграбили. В то время вышереченной Тюмин сказывал ему, что де государыня изволила оставить российской престол, а великий князь и дядя его, принц Жоржа, идут в Казань с 2-мя полками на встречу ему, злодею. На другой же день, пришед к той крепости, генерал-порутчик де-Колонг с войсками злодейскую их толпу разбил, а они с злодеем не более, как в 1000 человеках, убежали к Кундравинской крепости, близь которой, напав на них, подполковник Михельсон с командою разбил же, откуда они, бежав к Кунгуру, дорогою набирали по жительствам людей в свою толпу, а заводы все, также и селении, где их не встречали, выжгли.

И, будучи в Челябинском уезде, в Башкирии, приезжали к самозванцу Кунгурскаго уезда татара и просили ево, чтоб шел к ним, опасаясь за первой их бунт себе нака-

зания; если де Кунгур не приведет он себе в послушение, то, им что делать, они не знают; на что им злодей сказал, что он Кунгур возьмет, и они будут в покое. Тогда ж говорил: будто он получил с петербургским купцом от великаго князя Павла Петровича в подарок пару платья, чулки, сапоги, шляпу и, многой цены стоющие, камня. Потом, будучи в Уфимском уезде, соединился с ними называющейся полковником башкирец Салават Юлаев с башкирцами, тысяч до 2-х. И все они, имев с помянутым подполковником Михельсоном в том уезде 3 сражения, пришли к Красноуфимскою крепости, где с пришедшею из Кунгура командою хотя и имели перестрелку, но оная от них ретировалась, а они с толпою пошли под пригород Осу и дорогою, з заводов и жительств забирая людей, умножали толпу.

Он же, Белобородов, между тем, заехав в село Богородское, в котором он жительство имел, взял жену свою Нenилу Федотову и 2-х дочерей: Авдотью и Марфу и, соединясь паки с толпою, пришли под пригород Осу, где прежде их был присланной из Казани майор Скрипицын с командою, с которою они имели сражение по 2 дни, а на третей посыланы были к крепости казаки для переговору с командою. Тогда майор Скрипицын просил их, чтоб с ним более сражения не имели: «и я де добровольно отдам крепость, естли узнаю, что государь подлинно жив и у них находитца». И того ж дни под вечер тот маиор из воинских одного прислал в толпу смотреть самозванца Пугачова; а яицкие казаки, взяв, представили того присланного к Пугачову, которой, дав ему на себя посмотреть, послал ево под караулом к крепости, которой, подошед ко оной, сказывал майору, что злодея видел, которой во всем похож на бывшаго государя, только имеет бороду. В четвертой же день все того пригорода Осы жители и священники со кресты, а маиор с командою, их встретили, почему и вошли они в крепость, где и еще из крестьян и салдат умножили свою толпу, маиора ж и офицеров Пугачев имел при себе; а потом, зажегши пригород, пришли к реке Каме, где того маиора Скрипицына и офицеров (кроме подпоручика Минеева и осинскаго воеводы) повесил, а за что — не знает, да и воеводу осинского хотел повесить же за то, что он оставался назади но, по прозьбе ево, Белобородова, не пове-

сил, а Минеева пожаловал полковником в названной тем злодеем Казанской полк.

От Камы пошли на казенные железные Воткинской и Ижевской заводы, куда пришед, некоторых командиров предали смерти, а другие, как он слышел, бежали; и, как те заводы зажгли, то и отправились к городу Казане. А, отъехавши от Ижевского завода несколько верст, в вотятской деревне злодей-самозванец Пугачев июня 29 числа торжествовал свое, под именем покойного государя-императора Петра третьего, и государя — цесаревича тезоименитства, сзывал всех толпы своей начальников и подносил водки чаркою серебреною, почему и пили все за здоровье его; во оной чарке был портрет императрицы Анны Иоанновны, то лжесамозванец, указывая на оной, говорил: «Этот портрет моей бабки». Следуя ж к Казане дорогою в жительствах крестьян забирали в толпу; в которых же селах священники встретят их со кресты, тех отпускали, а кои не встречали, тех вешали и так, приближась к Казане верст за 10, июля 11 числа стали лагерем у Троицкой мельницы. По объявлению самого Пугачова, в толпе ево было тогда тысеч до 20-ти, а у каждых 500 был полковник. И того ж дни под вечер Пугачев, отобрав яицких казаков человек с 50, ездил к Казане для осматривания городских укреплений и способных мест ко взятью. И, как возвратились, то казаки сказывали, что послали в Казань 3 манифеста, и что на Арском поле из садов вышел какой-то старик и сказывал Пугачову, что в Казани архиерей и все господа здатца злодею и ево встретить согласны, но запрещают де им недавно приехавшей из Москвы генерал да губернатор и говорят: «Естли де пойдут злодея встречать со крестами, то мы и кресты из пушек разобьем». А после того вскоре с теми казаками вторично и он, Белобородов, ездили к Казани для такого ж осматривания. А на другой день, то-есть 12 числа, призвав к себе Пугачев называемых им полковников и тайных советников — яицких казаков — Екима Васильева, Ивана Творогова, Федора Федотьева, Андрея Афанасьева, Григорья Леонтьева, татарина Идыра Бахмутова и всех полковников, в том числе и ево, распределил, каким образом зделать на город нападение. И говорили, что злодей Пугачов по взятии Казани намерен пройти в Москву и тамо воцариться и овладеть всем российским го-

сударством. Потом пошли с толпою к Казане полковник Минеев и он, Белобородов, с своими полками от реки Казанки на гору, что к загородному губернаторскому дому, где напали на бывшие у того двора верные войска; и по многом супротивлении толпа их, подбежав к батареям и сбив с места войска, овладели пушками и прорвались за рогатки, а он тогда остался назади, принуждая свою команду к наибольшему поражению. Злодей же Пугачов в то время разъезжал с яицкими казаками на лошеди верхом позади всех. И, как в форштат ворвались, то и он, Белобородов, верхом въехал и, быв недолгое время, ездил в лагирь обедать; а потом, как поехал, было, в город, то на дороге повстречался с ним сам Пугачов с яицкими казаками и приказал ему возвратитца для того, что идут к Казани войски, почему он и возвратился, не быв нигде при грабеже. Потом и вся их толпа из города выбралась и жителей, забрав всех из домов в плен, выгнали, то по приказанию Пугачова яицкие казаки город зажгли и ушли все в лагерь, взяв с собою пленных и пограбленное. И того ж дни, как готовились они к сражению с идущими к Казане верными войсками, то он, Белобородов, бывшие на Арском поле кирпишные сараи приказал также зжечь для того, чтоб они в сражении не зделали им помешательства. А потом злодей Пугачов, призвав ево, Белобородова, да называемого им Донского полку полковника Анисима Тюмина, (которой сказывал о себе, будто он служил в голштинской службе), приказал им, чтоб с их полками шли на воспрепятствование следующим верным войскам; но он, Белобородов, Пугачову говорил: как де слышно, что войска идет очень много, а им с такою малостию людей воспротивиться не можно, почему тот злодей оной наряд и отменил. К вечеру ж того дни верные войски под командою подполковника Михельсона пришли к их лагерю, то Пугачев приказал оставить тут от полку по сту человек, а прочим всем итти к реке Казанке в луга, куда, было, и пошли, оставя с теми, от полков наряженными, людьми командиром полковника яицкаго казака Федора Федотьева; но как услышали пушечную пальбу, то и побежали к тому месту и продолжали сражение до самой ночи, а, по поражении их, бежали они далее в луга. На другой же день и еще от перваго места отступили; и так тот и другой день, то-есть 13 и 14 числа, допол-

няли полки из пленных. А 15 числа поутру они паки, собрав все силы, с 10-ю пушками пошли ко взятью крепости, но до оной не допущены, а встречены были на Арском поле подполковником Михельсоном с командою; и тут вся их толпа по совершенном разбити разбежалась; сам же злодей в небольшом числе ретировался за реку Казанку чрез зделанной по приказу ево крестьянами села Савинова мост, а обоз, бывшей того злодея в селе Сухой-реке, пошел прежде их, увидя поражение.

А как в том обозе была жена ево з дочерьми, то он, нагнавши оной, взял жену з дочерьми и, отъехав в сторону, оставил лошедей и убежал с женою, с дочерьми и еще с тремя казаками в лес, и ходили трои сутки, разсуждая: естли итти им на Волгу, то они мест не знают; а буде пробиратца в дом, то опасались, что будут пойманы на заставах; и так, велел он, Белобородов, жене и дочерям итти х Казани и явитца, сказываясь отставного солдата Семена Шеклеина женою. А в вечеру того ж дни и он, раскаявшись во всех ево злодействах, решился, наконец, итти в Казань и явитца с тем, чтоб, скрыв прямое свое прозвание, именовать себя Иваном Шеклеиным, ибо он в жительстве своем называем был 2-мя прозваниями, Белобородовым и Шеклеиным. Почему, скинув с себя бывшее тогда на нем платье и сапоги, пришел с одним, бежавшим с ним, демидовским крестьянином Ефимом в село Сухую-реку и объявили десятнику, что они — злодея Пугачева команды и идут явитца в Казань; то им отвели квартиру, и, начевав, они, тут, пошли прямо к Казани и явились 19 числа июля в слободе, а как название — не знает, на пекете афицеру, от котораго того ж дни присланы они в бывшей близ крепости подполковника Михельсона лагерь. А как тогда во оном случился быть знакомой ему бывшей на Сергинских дворянина Ивана Демидова заводах служитель, Гаврила Володимеров, для выручки бывших же в плену у злодея демидовских крестьян, которой прежде был у него, Белобородова, в толпе, и коего посылал он с Шайтанского заводу к злодею под Оренбург с репортом и для проведывания, подлинно ль он государь, то он, Белобородов, и просил того Володимерова, чтоб он, назвав и ево демидовским крестьянином, взял к себе на росписку; но Володимеров, не зделав того, донес об нем господину подполковнику Михельсону,

которой, пришед к нему, спросил, он ли Белобородов, в чем он тогда ж и признался, почему от него и представлен того 19 июня в Секретную комиссию.

В бытность ево у Пугачева как от него, так и от сообщников, не слыхал, да и сам не знает, каким образом злодей мог укрыться из тюрьмы. Прежде сего не искал он случая от злодея отпатиться для того, что уверен был, что злодей — истинной государь, тем больше, что издавна слыхал в народной молве, яко бы государь жив и сослан в сылку, а вместо ево погребен гвардейской капрал (хотя и слышал чрез публикованные указы о кончине бывшаго императора), польстился надеждою, что будет от него, самозванца, пожалован; ныне же, познав он свое заблуждение, показал все вышеписанное от чистого сердца и ничего не утаил.

К сему допросу Иван Белобородов руку приложил.

«Пугачевщина», т. II, Центрархив, Гиз. М.-Л. 1929 г., стр. 325—335.

22

1774 г. августа 18. Показание революционной армии полковника Карпа Степанова, по прозванию, Карася

1774 г. августа 18 числа присланной из Заинска при репорте от капитана Крупеникова пойманной крестьянин и злодейской полковник Карп Степанов, прозванием Карась, допрашиван и показал:

От роду ему более 70 лет, жительством Авзяно-Петровского заводу, крестьянин села Котловки. В минувшем июле месяце, когда злодей самозванец Пугачов с своею сволочью приближился к селу Котловке, то в оное село приехав от нево, злодея, полковник Дорофей Макаров, прозванием Загуменной, а откуда он жительством — не знает, с 300 злодеев из разных народов, и больше из завотских крестьян; и, собрав всех мирских людей, объявил строжайшей злодейской указ, чтоб ево, Пугачева, все признавали императором Петром Третьим, а буде кто отречетца, уграживал смертию и раззорением жила. Почему боясь устращивания, как он, Карась, так и протчие обещались ему, злодею, служить и признавать за истинного, а не за самозванца. Притом же изъяснял, кто злодею будет верноподданной, то на 7 лет

обещал никакой подати не брать, а только служить будет ему несколько в казаках, о чем де ис Казани и указ пришлетца; потом начал с Котловки в злодейскую службу набирать казаков; и притом приказал священнику и мирским людем для всеподданнического поклона самозванцу ехать в толпу, почему священник с несколькими мирскими людьми, в том числе и он, Карась, поехали в толпу; и в 5-ти верстах от Котловки на Казылском поле самово злодея встретили на пути с хлебом и солью, а священник со крестом, которому злодею, как истинному государю и пали все на колени, причем он сказал им, чтоб встали и шли б домой, а за ним бы только отправили хлеба и рыбы до Мамадыш. Да притом же злодей спросил, что жив ли де котловской Карась, которому он и вызвался, что де здесь я, еще жив; причем ему злодей сказал: я де тебе, Карась, послал девку, которую у себя и содержи. Да притом же велел ему, Карасю, когда приплывут сверху Камы с семейством и провиантом суда, то б их при Котловке оставить, и людей всех взять по домам и довольствовать тем провиантом по препорцы до указу; и проговоря то, с толпою поехал к Мамадышам, а ему, Карасю, также с протчими велел домой ехать; и по прибытии домой показанной злодейской полковник Загуменной прислал за ним, Карасем, и отдал ему означенную девку, взятую злодеями в деревне Терсах из дому Тевкелева, которую он, Карась, взял к себе на содержание; а на другой день оной злодейской полковник Загуменной с набранными с Котловки в злодейскую толпу со 170 человеками в казаки отправился к злодею в толпу, да и он, Карась, тот же день за ними, по согласию мирских людей с выборным Иваном Зотиевым, крестьянином Иваном Александровым поехали к злодею в толпу ж в лагирь ево при селе Мамадышах для испрошения у самозванца милости о облехчении казаков; и приехатчи к нему в лагирь, подошед он, Карась, с протчими к самому злодею, пав на колени, подал хлаб и несколько огурцов, но однако, боясь ево, о облехчении казаков не просили. Причем злодей Пугачев сказал ему, Карасю, что знает ли он ево, а я де тебя, Карась, знаю; по которым ево словам он, Карась, узнал ево, что донской казак, потому что, назад тому лет с 6, в маие месяце оной самозванец пришол в село Котловку с одним товарыщем, и по отводу старосты, а как зовут, не упомнит,

затем что оные у них бывают подепно, поставлены были к нему в дом, где и начевали они 2 ночи, которых он, Карась, спрашивал, что откуда они, и из них самозванец сказывал, что оне донские казаки, пришли де для покупки товаров холста и дехтю — к сплаву до Царицына, и называл товарыщь оного самозванца Иванычем, а другова, как звали — не знает, да и от самозванца о имени ево не слыхал; где будучи оной Иванов с товарыщем своим, в селе Котловке купили у крестьянина Степана Вавилова целое малое судно з дехтем; да от разных крестьян же закупили несколько холстов и на то же судно поклали, которые казаки по прошествии 2-х дней, сошед от нево, Карася, из дому, были на судне с работными людьми дней с 5 и в село только прихаживали для закупки холстов; а потом отправились вниз по Каме с тем дехтем и холстами на судне к Царицыну, с которыми села Котловки и показанной крестьянин Вавилов отравился ж для получения с нево, Иванова, с товарыщем достальных за деготь денег. И тово ж лета он, Вавилов, возвратился в Котловку и сказывал, что де оные казаки остались в Царицыне; и хотя он, Карась, и бывшей с ним для поклону самозванцу крестьянин Иван Александров и признали, что он казак донской, бывшей у них в селе для покупки дехтю и холстов, но боясь в глаза ему сказать, из них он, Карась, ему злодею соответствовал, что ево не знает, а признавает де как и протчие истиным государем и в ево власти быть должным, прося ево, злодея, чтоб он, как своих рабов жаловал, и на то он, злодей, им сказал, что я де со всех крестьян 7 лет дани брать не буду, а только служить будут ему поочередно в казаках. А потом, отошед от него, самозванца, взял ево, Карася, и с ним бывших 2-х крестьян предреченной полковник Загуменной к себе в палатку, где и накормил их; а потом, оставя их при своей палатке, пошел к злодею самозванцу, и, пришед от нево вскоре, объявил от самозванца повеление, что он ево, Карася, жалует полковником над Котловскою волостью, и притом подтвердил: государь де приказал тебе, Карасю, чтоб ты ему служил верно и народ бы не разорял, а делал бы между ими справедливую управу; а кто де ему, самозванцу, окажется противным, на тех бы доносил; а ежели ты, Карась, народ чем обижать станешь, то без пощады будешь повешен; для чего и бывшим тут Котловской волости жите-

лям объявил; с которым повелением он, Карась, и бывшие с ним выборной и крестьянин поехали в село Котловку. И по прибытии выборной и протчие об нем, Карасе, мирским людем объявили, что он от самозванца пожалован над волостью полковником, и чтоб они ему были послушны и самозванцово повеление исполняли, а хто будет противен, те де будут казнены смертию; которой старшинской чин он, Карась, на себя и взял. И случилось ему, Карасю, через несколько дней быть в селе Мамадышах для покупки соли, и назад ехавши в деревне Яковлевой представили к нему ис помещичьей деревни Мурзихи бывшего регистратора Мурзина крестьяня ево, Яков Егоров с товарыщи, прикащика их Гаврилу Михайлова, и доказывали на нево, что он де их понапрасну бьет и разоряет, о которых де ево обидах и пугачевским казакам доносили, и те де казаки велели его отвесть к самозванцу Пугачеву в толпу, и затем ево, Карася, просили, чтоб он ево наказал или к злодею отослал в толпу, а если тово не учинит, то оне хотели ево, Карася, связав самово отвесть к Пугачеву; почему он, Карась, тово прикащика во удовольствие их наказывал плетьми; однако они и тем были недовольны, а просили ево, Карася, чтоб был повешен; однако он тово не учинил, а велел им, чтоб они ево, отвезли к злодею в толпу, где оную застанут, куда они ево, прикащика, и повезли. А после тово дни через 3 оные крестьяне, Яков Егоров с товарыщи, приехали к нему, Карасю, в Котловку и объявили, что де показанного прикащика, не доехавши деревни Комаровки, к злодейскому полковнику Каракаю представили, и по прозьбе оной прикащик от тово полковника повешен. А после того, как злодейская толпа под Казанью была разбита, и многие казаки в село Котловку из злодейской толпы в домы свои возвратились, да к тому ж за ним, Карасем, и за показанною Тевкелевскою девкою прислана воинская команда, то он, убоясь, из жительства своего бежал и, заведомо что он был злодейской полковник, крылся, во-первых Казанского уезду деревни Козылей у крестьянина Петра Сидорова, а от нево был отвезен в помещичью деревню Мурзиху к старосте Афонасью Васильеву, а из Мурзихи оным Васильевым отвезен в село Елово в дом х крестьянину Тихону Панфилову, где про нево, Карася, тово села и священник Яков Родионов знал; а из Елово, по приказу выборного Василья

Гаврилова, он, Карась, на подводе Панфилова сыном ево малолетным Степаном отвезен в деревню Яковлеву, где староста Матвей Васильев отвел ево в дом выборного Василья Дерябина, которого тогда не было, а оттуда отвезен по наряду от оного ж старосты крестьянином Иваном Ивановым в деревню Тонгузину к старосте Степану Потапову, а оттуда в деревню Ширши к выборному, а как зовут — не знает; оной же выборной, нарядя подводу с малолетною девкою, которая ево, Карася, отвезла в деревню Черенгу к волостному сотнику Якову Краснову, от которого в доме был и у брата ево, Ивана Краснова, и жил тамо 3 дни, куда приезжала ис Котловки и сноха ево, Анна Потапова, и звала ево, Карася, в дом; но он сказал ей, чтоб ехала домой, а после де будет в дом сам через 3 дни; а по отбытии ее он, Карась, не сказав никому, из деревни Черенги пошел пеш и крылся в Черенгинском лесу, где был недели з 2; а пропитание имел полевым горохом; а оттуда отошел в Котловский лес, где у нево по отлучке из дому запасено было хлеба, и тем питался с неделю и более; а оттуда, пробираясь лесом и полями, прошел в село Слутку в дом х крестьянину Федору Тюрину, которым крестьянином с мирскими людьми пойман и отвезен в село Котловку, где и отдан прибывшему в Котловку с командою прапорщику Кузнецову, а от нево отослан в Заинск. Будучи ж он злодейским полковником, у злодея в военной службе не был, а был действительно волостным старшиною, и жителям никаких обид и смертнаго убивства не учинил, и хотя злодея самозванца знал, что он казак, а не истинной государь, но однако в воле ево быть желал, а более из одного подобострастия, для чево и крылся, и искал способу злодейского защищения; сын же ево, Павел Карасев, и племянник, Иван Семенов, знали, что он от злодея полковником над волостью пожалован; какое ж злодей намерение имел впредь злодейской свой ад простирать, он не знает и ни от кого не слыхал, — в чем и утвердился. К сему допросу вместо выписанного крестьянина Карпа Карасева по ево прошению Черемуховой слободы поселенной малолеток Афанасей Коринев руку приложил.

Госуд. архив, VI разр., д. № 467, ч. III, д. № 179, лл. 15—18.

23

1774 г. сентября... — Из показания вождя революционной армии Башкирии, яицкого казака Ивана Зарубина (Ульянова, Чики, «графа Чернышева»)

В 1772 г. был он, Зарубин, для ловли зверей от праздника покрова богородицы даже до николина дни на степи, простирающейся от их городка Яика, а потом, приехав на свой хутор, состоящей от Яика в 20-ти верстах. И, как ево, Зарубина, хутор поставлен близ хутора ж на Пещаном озере, принадлежащаго яицкому казаку Никифору Гребневу, то пошел он, Зарубин, поить лошадей, и попался ему навстречу означенной Гребнев, которой шел от казака Ивана Шурыгина из хутора, и начел говорить: «Слышел ли ты вести?» — То он, Зарубин, спросил: «Что за вести?» — Отвечал Гребнев: «Вести добрые. А слышел де я от Григорья Закладнова, бывшего с ним для ловли зверей, что приезжал де на умет в осеннее время к Ереминой Курице купец, и Григорей Закладнов, бывшы тут же на умете, с ним разговорился. И стал де купец спрашивать: «Какие вам, казакам, есть обиды и какие налоги?» И Закладнов раскaзывал де ему, какие их обиды от командиров наших. После чего тот купец просил его, Закладнова, чтоб проводил ево до умету Михайлы Пономарева, которой от Яика верстах в 20-ти, почему Закладнов и проводил ево до того умета. И заезжал ли он к Пономареву или нет, не сказал, а только выговорил де, что поедет в Яик для покупки рыбы и приказывал мне, что, когда он из Яика возвратитца назад, на умет к Ереминой Курице, то хотел за ним прислать, чтоб Закладнов к нему приехал. И так Закладнов, оставя купца, возвратился и поехал для ловли зверей близ умета Ереминой Курицы. А потом означенной купец, возвратясь, послал Еремину Курицу сыскать Закладнова; и Закладнов приехал, на умете с купцом начевал и потом зачел распрашивать: «Скажи де ты нам правду, что ты за человек?» На то самозванец ему отвечал: «Ну, друг мой, господин козак, я де скажу тебе сущую правду. Ты меня признавай государем; а я не для рыбы вашей ездил в город, а только де приглядеть ваши обряды, и какие командиры вам делают обиды». Когда ж ево Закладнов спросил: «У кого де ты был в Яике?», — то он сказал: «Я де стоял

в доме у Дениса Пьянова». И Закладнов стал ему на то говорить: «Что де, батюшка! Обиды нам делают великие. Наши командиры нас де бьют и гоняют, жалованье наше затаивают, — и, тому уже 6 лет, государыня де наше жалованье жалует, а они, незнаимо куда, употребляют. И сколько тепереча уже перебито и померло наших козаков. А кто де только о жалованье станет говорить, то сажают под караул без государева указу и в ссылки рассылают, и государыня де о том не знает. И своих командиров выбирают: у нас де прежде сего не было пятидесятников, а теперь де и оные завелись; так мы де теперь и опасны, — прежде де в сотне-та был один сотник, а ныне де всио новое». И так поговоря, самозванец с Закладновым поехал с умета на Иргис, сказавши им: «Ждите де меня весною, я де к вам буду». Вот де какие вести».

И так Зарубин, поговоря о том с Гребневым, разошелса. А та молва по Яику и была, что государь был у Пьянова в доме, что услыша, их командиры, старшина Бородин и полковник Симонов хотели Пьянова взять под караул, но он бежал; то взята была ево жена и допрашивана, показала, что был де у нас купец, купил 2 воза рыбы и уехал, а подлинно, что за человек, не знает. И сидела она под караулом всю зиму, а, наконец, выпущена. Мы же де, козаки войсковой стороны, все уже о том думали и дожидались весны; где ни сойдемся, говорили войсковые все: «Вот будет государь». И, как приедет, готовились ево принять. Но во все де то время ево у нас не было, и где находился, не знает и ни от кого не слыхал.

А потом, в 773 г.,[1] в успенской пост, вышел де я на улицу и вижу, — стоят: Иван Харчев, Андрей Кожевников, Петр Кочуров, Тимофей Стракайкин, Борис Короваев; подошел, отдал де им поклон, и стали де при мне оные проговаривать: «Надо де за ним ехать». Услыша их слова он, Зарубин, спросил: «Куда ехать?» То Кожевников отвечал: «Разве де ты теперь слышешь, что государь де явился?» — Зарубин же спросил: «Да хто де вить сказывал?» — То Кожевников сказал: «Вот де Короваев тепереча только от него, — он де на умете у Ереминой Курицы». — На то Зарубин сказал: «Да что ж де, кали съездить, так и я за ним

---

[1] 1773 г.

съезжу; только де веть не одному мне ехать, — человека другова мне надобно. И, хоша я поеду, так куда мне ево деть». Сие выговорил для того, что к себе в дом привести думал бесчестно, и для того спросил, куда ево привести. А Кожевников говорил: «Ето де не твоя печаль. Прямо привози к нам на хутор», — у нас де есть и покои, куда ево деть, только де ты сыщи себе человека, с кем ехать». И Зарубин спросил: «Для чего на хутор, а не в Яик?» — То Кожевников отвечал: «В Яик де привести теперь нельзя, — все де козаки в городок сошлись, так де иные и не поверят, а старшинская сторона может ево и поимать. А как отвезешь де к нам на хутор, то де мы все туда будем. . .

Приехав[1] он, Зарубин, пришел к Короваеву и стал ему говорить, чтоб он сказал правду, что, дескать, это за человек, котораго они за государя почитают. На что он отвечал: «Глупый де ты человек. Разве де ты не слыхал, что и прежде, давно, идет молва у нас в городе, что он государь». А как, не уверясь на том, стал Зарубин ему, Короваеву докучать; «Скажи де мне и откройса, пускай, вы знаете об нем, вить де и я никому не вынесу, — ныне де дело будет общее».[2]

То Короваев стал прежде увещевать его: «Ну, слушай, брат Чика, не сказывай де ты ни отцу, ни матере, ни жене, ни детям, ни посторонним людем и дай де мне в том пред богом клятву», почему Зарубин и обещалса. А Короваев стал говорить, что «ето де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, — нам де всио ровно, лишь быть в добре». И он, Зарубин, услыша, положив о том, что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно. . .

В оное время Пугачев зачел о себе Зарубину россказывать: «Вот де, детушки, я страдаю уже 12 леть, и был де

---

[1] *На Яик.*

[2] *Пометы:* «А притом, выводя Караваева из ума, сказал ему так: «Ну што ты, Денис, таишь от меня. Вить он мне сам открылся, что донской казак. (Злодея донским казаком намекнул он, Зарубин, наугад, потому что, за год до сего времени, был у них на Яике слух такой, что в Царицине один донской казак также назывался государем Петром Федоровичем, и был оной пойман, но из-под караула ушел; а потому и думал он, Зарубин, что не тот ли самой и у них явился, ибо он о самозванце по подлому его состоянию усумнился, чтоб он подлинной был государь)».

я у черкасов на Дону и по России во многих городах, то примечал, что везде народ раззорен, и вы де также терпите много обид и налог». На что и он, Зарубин, отвечал: «Как де нам разореным не быть?», рассказывая всю тягость и налоги от командиров и о тяжбе между собою. А злодей говорил, что он о всем том слышел: «И всегда де так бывает: как де пастыря не станет, то всегда народ пропадает; как де был государь, то все де крепко да хорошо было». Причем Зарубин и стал ему говорить: «Как де, батюшка, скажи де сущую правду про себя, что ли де ты государь». Самозванец отвечал: «Точьной я де вам государь». А Зарубин на то говорил: «Вить де нас, батюшка, не сколько теперь, только двоечька; мне де вить Короваев росказал о тебе все точьно, какой ты человек». На то Пугачев и спросил: «Что же де тебе Короваев-ат о мне сказал?» Зарубин и начел говорить: «От людей де утаишь, а от бога вить не утаишь, — ты де донской казак». На что Пугачев сказал: «Вриошь де, дурак». То Зарубин говорил: «Я де в том Караваеву дал клятву, чтоб никому о том не сказывать, так теперь и тебе де, батюшка, даю, — вить де мне в том нужды нет: хоша де ты и донской козак, только де мы уже за государя тебя принели, так тому де и быть». Выслушав сие, злодей ответствовал: «Ну, кали так, то смотри же, держи втайне: я де подлинно донской козак Емельян Иванов. Не потаил де я о себе и сказывал Короваеву и Шыгаеву, также Пьянову».

После оного разговору, не дождавшись Мясникова (как он не бывал, то и считали, что команды за ними нет), поехали обратно к Кожевниковым хуторам; только у них не были, а пробыли у Коноваловых на хуторе и, начевав, взяли от Коноваловых хлеба, и котел круп, и мяса, а от Кожевниковых — полатку, поехали на Усыхину речку. Тогда с ними поехали уже многие: Кожевников Михайло Алексеев, Коновалов Василей, Кочуровы Алексей да Кузьма, Кожевников же Сидор Васильев. Приехав же, поставили полатку, а на вечер Мясников приехал и сказывал: «Команды де! Из городка выезду нету!» Итак, жили все на том месте дней 10. Во оное время Иван Почиталин привез Пугачеву бешметь коноватной, зипун зеленой суконной, шапку красную, кушак, а сапоги были куплены Мясниковым. А как Харчев привез 4 знамя, (которые оста-

лись у нево еще от тово времени, как они выходили против генерала Траубенберга и своевольством оные взяли, а старшин всех посадили под караул); из которых знамен переделали маленькие, разделяя каждое на-двое. Во оное же время приезжали уже многие из городка, в том числе Дмитрей Лысов, (которому он, Чика, тайно рассказывал о Пугачеве, что он — самозванец и по природе — донской казак Емельян Иванов), товарищи их злодейские, Кузьма Фофанов, Иван Харчев, Василей Кшынин, Максим Чернухин, Фирс Чибекеев, татарин Идорк, Аманычь татарин (но вместо его приезжал брат его, а не сам), калмык Малаев, Василей Плотников и другие, которых пересказать он, Зарубин, не упомнит. Оным проезжающим в розное время показывали Пугачева, называя государем Петром Федоровичем; а знали ли они верно то, что он, Пугачев, донской козак, а не государь, — он, Зарубин, не знает; только советовали все, как ево объявить народу и привести в Яик. Советы были разные. Иные, приезжая, советовали, что козакам собраться сот до 5-ти и приехать к нему на речку Усиху и с ним въехать в Яик. А другие говорили: как народ выдет из города на рыбную ловлю, то тут ево объявить всему войску, и которые хоша де и не склонятца противной стороны, то де можно и насильно приклонить; о войсковых же уверены были, что все ево примут; почему так, было, и положили.

Но Симонов, полковник, проведав (от кого — он, Зарубин, не знает), что бутто названной ими государь живет на хуторах у Кожевниковых, почему и послал из городка команду козаков; а брат Кожевников меньшей, Степан, узнав о том и выпустив из городка означенную команду, сев верхом, обскакал оную и, приехав к ним на речку Усиху, сказал о идущей за ними команде. Почему они, обще с злодеем, названным ими государем, поехали далея, к Будариным хуторам, верхами; с ними тогда были: Алексей Кочуров, Козьма Кочуров, Степан Кожевников, Василей Коновалов, Иван Почиталин, Сидор Кожевников, Сюзюк Малаев и он, Зарубин. Имея намерение уже признать его за государя, стараться утвердить его на царство, а потому, хотя и получили они публикованные манифесты, то, зная и бес того о самозванце, не помышляли отстать от него, льстяся тем, что завладеет он, злодей, царством.

А, по приезде, ночью же, объявили по всем тем хуторам, также поблиску на 2-х фарпостах и калмыкам, которых не более было кочующих человек с 40, что приехал государь Петр Федоровичь; почему из всех оных мест человек со 100 и собралось и поверили, что он — государь. А потом пошли все подле Яика, по хуторам, к городку Яицкому; то козаки с тех хуторов к ним приставали и были с войсковой и старшинской стороны — всех их уже набралось до 400 человек, с ружьями, а иные с копьями и сайдаками. И, не дошед до городка верст за 10, остановившись, написал он, злодей, к яицкому народу указ; и он, Зарубин, хоша грамоте и не умеет, но утверждает, что злодей писал прямым письмом, ибо видел то он сам...

...После праздника покрова богородицы с собранною своей толпою, коей было тысячь до 3-х, пришли под Оренбург, где, с высланною из города воинскою командою имея перестрелки из ружей и пушек, отступили вверх по Яику-реке и стояли по оной станом, откуда посланы были в разные места от злодея с приказами, а именно: Татарин Идорк к башкирскому владельцу с указом, чтоб он, собрав башкирцов, был к нему, почему и приехав оной владелец Кинзя и с ним башкирцов тысяч до 5-ти, и злодей принял ево с честию и на каждого башкирца роздал из взятых по крепостям денег по рублю. Вверх по Яику посылан был Максим Шигаев — по фарпостам забирать казаков, увещевать их и прославлять о злодее, что он государь, которой, возвратясь, привел с собою до 100 человек. На разные заводы посылан был из Оренбурга передавшейся злодею ссылошной, по прозванью Хлопуша, которой с тем от губернатора подослан был, чтоб злодея убить, но он, пришед, во всем оном признался,—злодей дал ему кафтан красной. К калмыкам посылан был яицкой казак Дмитрей Лысов и многие другие — для прославления ево, злодея, государем, уговаривания народа и приведения к нему. Из которых каждой приводил в толпу людей, и час от часу они свою сволочь умножали; а, между тем, старались город осажать почасту, но не удавалось.

В бытность же, ево, Зарубина, под Оренбургом в толпе, перехватили злодеи в Оренбург едущую почту и нашли в письмах ее и. вел. манифест о злодее; то оной читан был пред всем народом при Пугачеве, и по прочтении злодей

сказал: «Вот де меня как называют, Емельяном Пугачевым. Добро де. До времени терпеть будет, а то узнают, что я истинной государь». Но он, Зарубин, и другие, которые знали, что он — козак, как уже положили в сердце своем произвесть злодейство, то оному и следовали, говоря для прославления наиболея Пугачева государем: «Как де козаку принятца за такое великое дело». А чтоб кто тогда сказал или усумнился, что Пугачев не государь, — он ни от кого не слыхал, и все охотно к нему прилепились...

На другой же день [1] пошли они к Узеевой деревне, и тогда их повстречал генерал Кар, и начали стрелять из пушек, а потом и из ружей; и генерал Кар, от них отступая уже, начал стрелять, но они, не отставая от него, стреляли все по нем, и то сражение происходило до самаго вечера, а при наступлении ночи от него отстали; и дорогою он, Зарубин, мог приметить побитых военных тел до 30-ти; а с злодейской стороны не более 5-ти человек. Потом, начевав в Узеевой деревне, пошли, было, под Оренбург к злодею; то, будучи в деревне Биккуловой, увидели в стороне идущих башкирцов команду, тысячи с полторы, и во оной деревне поимали наперед приехавших из той команды башкирской 5 человек, которых обо всем расспросили; оные сказали, что главной в их команде — капитан князь Иван, Григорьев сын, Ураков, жительством из Уфы, и идут они на помочь к Кару, но злодеи о Каре сказали, что ими он разбит и с остальными бежал, а их уговорили на свою сторону, почему и послали к тем башкирцам из 5-ти 3-х человек, да от себя одного башкирца, племянника башкирца башкирского Кинзи, от которых князь Ураков, видя в его команде замешательство, сам третей от них ушел, а башкирцы все передались к злодеям. И так, пошли они уже под Оренбург, а, пришед, объявили злодею обо всем подробно, за что и благодарность получили, и велел им бочки выставить вино...

...По слуху, что идет Корф, послан был с 5-ью человеками для разведавания, велика ли с ним команда, и в которое время перехватить, не допуская в Оренбург, но тут он, Зарубин, для того не ездил, а пробыл у Овчинникова,

---

[1] После первой встречи и перестрелки восставших с генералом Каром накануне вечером.

напившись пьян, чрез что означенная команда в Оренбург и прошла, за что Пугачев хотел, было, ево повесить, но старшины об нем упросили.

Перед самым же Николиным днем отправил ево, Зарубина, с 2-мя яицкими казаками: Ильею Ульяновым и Яковом Антиповым в Уфимской уезд на Воскресенской Твердышева железной завод для литья пушек, где он и был с неделю. И тутошние заводские зачели уже лить чугунные пушки, то в то время получил он из Берды повеление от самозванца, чтобы ему, Зарубину, называться графом Чернышевым, и велено ехать под Уфу, — принять там команду от бывших их же злодейских сообщников, называемых: полковником — башкирца Кашкина-Самарова и подполковником — Губанова, которая была из башкирцов и русских, тысяч до 4-х, с коими ему и приказано было подступить под город Уфу. Куда по приезде, ту команду он принял и стоял под самою крепостью, и с высланными из города воинскими командами имел он неоднократное сражение, и потом, отступя от города, с своею толпою стоял в селе Чесноковке, в расстоянии от города в 10-ти верстах. И, как услышал он, что к защищению города идет с верными войсками подполковник Михельсон, тогда он, собравши свою толпу, пошел в преследование ево, но оным был разбит и с малым числом ушел в крепость в Табынск, где он тутошними жителями был пойман, куда подполковник Михельсон приезжал с командою и, взяв ево, Зарубина, с продчими пойманными, отвез в город Уфу и отдал под караул, где и содержался до привозу в Казань.

В дополнение еще к своему допросу Зарубин показал, что злодей Пугачев, будучи еще на хуторах у Кожевниковых, между разговорами проговаривал:

Что он, взяв Оренбург, поидет в Москву, примет там престол, к великому князю будет писать, чтоб к нему приехал. «А государыню де в монастырь сошлю и, утвердясь на царство, буду де старатца, чтоб все было порядочно, и народ не отягощен был; от дворян де деревни лудче отнять, а определить им хотя большее жалованье; вас же де, яицких козаков, буду жаловать всякою вольностию и деньгами. И так учредив все порядочно, пойду воевать в иные государства, — я де, ведаешь, служивой человек, мне де на одном месте не усидеть; пойдем де мы воевать по всем го-

сударствам, и то де мне удасса». Об оном говорено было самозванцом в разные времена: и почасту между разговорами в Берде, и прежде, как еще дорогою к городку Илеку шли, почему он, Зарубин, положа уже так свои мысли, самозванцу и усердствовал.

А, сверх того, самозванец, как разумножил уже свою над ними власть, то поступал и с ними строго и наказывал всех по своей воле: ибо яицкого казака Дмитрея Лысова, которой также знал, что самозванец — козак Емельян Пугачев, еще при начале прославления Пугачева государем и усерден в том ему был, но Пугачев ево повесил, а за что — Зарубин показать не мог, затем что я де был уже в Уфе, а равно (также) и его, Зарубина, повесить хотел за то, что он не ездил, будучи пьян, для проведования о идущей команде с Корфом. «И я де, Зарубин, думал, что, конечно, меня повесит», но другие участники их злодейства об нем упросили. На вопрос: «когда видели вы от самозванца такую строгость, чрез что иногда и не захотели бы вы ево иметь, то могли б ево убить», — «нет де, так зделать уже нам никак было не можно, ибо де он так властвовал, что боялись о том и подумать; а совет такой зделать, так скоро ли зделаешь; а естли б ево убили, так, узнавши б многие бы и против нас востали, ибо в окресностях ево гнезда, даже до Нагайбаку, все так об нем были уверены, что он подлинно государь, и редкой невольник был в ево толпу взят, по большой части сами прихаживали всякой день толпами».

В заключение допроса показаннаго Чики, спрашиван он был, для чево в прежнем своем допросе не показывал чистосердечно и по толь многом увещевании не признался, что ведал прямо о злодее Емельке Пугачеве. Отвечал он, Чика: «Боялся де, батюшка, что, как де другие мои сообщники в том запрутца, так я де один буду страдать, и муки больше мне будет; хотя де мне вы и говорили, что чрез это я себе зделаю лиогость, но мне де не верилось, ибо де между нами клятвами положено, чтоб, где кто не попадетца, не щадя живота своего, о том таить; а теперь де во всем принес чистое мое покаяние, в чем утверждаюсь пред богом клятвою».

«Пугачевщина», т. II, Центрархив, Гиз., М.-Л. 1929, стр. 128—136.

1774 г. сентября 18. Показание писаря революционной земской Осинской избы Михаила Голдобина

1774 г. октября 2 дня присланной от пример-майора и кавалера Гагрина дворцовой Осинской волости ис крестьян пищик Михайло Голдобин в секретной комиссии допрашиван и показал: прошлого 773 г.[1] в декабре месяце за неделю до Рождества Христова Осинской воевода Федор Пироговской, призвав к себе в дом того пригорода протопопа Ивана Попова, ево, Голдобина, старосту Илью Дьяконова, сотников Ивана Козлова, Ивана Занина и Ивана Поварницына и пахотных солдат, всего человек з 10, сказывал им, что посылал он переводчика новокрещена Николая Иванова в Тайнинскую волость в тулвинские жилища для забрания касающихся по делам башкирцов, и возвратясь де объявил, что в башкирской деревне Барде стоит называющейся полковником деревни Юсть-тунтура башкирец Абдей Абдулов с собранною сволочью вооруженных, и намерены итьти в Осу для взятья ее и приведения в покорение бутто государю императору Петру Федоровичу, а в самом деле злодею Пугачову, проговаривая, что в Осе оружия нет и противиться им нечем; но требовал де он совету и вспоможения Аннинского завода от управителя Берлинга, но он не дал, да и сам де намерен ехать на Юговские заводы; но воевода приказал им о том вернея наведаться, с чем они, пришед в земскую избу, и по совету с собравшимися крестьяны положено послать, чтоб ехать протопопу, старосте, ему, Голдобину, и переводчику Иванову, что они против их супротивления чинить не будут и им будут приклонны, с чем и ездили; где по приезде, протопоп со упоминаемым башкирцом Абдуловым говорил: от кого де он послан, чтоб ему объявил, на что тот башкирец сказал: послан де он от государя Петра Федоровича, которой де стоит под Оренбургом, и показал с манифеста от самозванца копию, которую вслух читал он, Голдобин, чему они и поверили, а затем чрез переводчика сказал, что де от государя будет им от государственных зборов облехчение, и будет всем вольность; а ежели, де они осинские будут противиться, то будут

---

[1] 1773 г.

истреблены, убоясь чего, преклонность им и объявили, и что они противиться не будут, испод неволи дали подписку, отчего возмущение и измена последовала; но по уверению же крестьян с того лже-составного манифеста он, Голдобин, списал копию; а чтоб от башкирцов не было им раззорения, всем 4-м человеком даны билеты; а сверх того злодей Абдулов велел старосте Дьяконову к приезду ево приготовить правиант и фураж и казаков до 100 человек, по возращени все оное объявили воеводе Пироговскому, который им сказал: пущай де в том будет воля божия, и списанную им копию взял к себе; а после призвав его, Голдобина, велел описать с той копии копию ж и отдать приехавшему с Аннинского казенного завода служителю Федору Кузнецову, которую он, списав, и отдал 19 числа декабря; собранным чрез сотника крестьяном читал он ту копию, по которой утверждал их и разглашал им о самозванце, чему крестьяня и поверили и почли за сущого государя; но что они 4 человека у Абдулова были и повиновались, сказавали, которые им ответствовали: очень де хорошо; и в казаки 100 человек выбрали; фураж и провиант изготовили, где слышно было, что воевода Пироговской башкирцами увезен в толпу. А 22 числа означенной Абдулов да другой называющейся полковником же, башкирец Канзей Абдулов, со многолюдством вооруженные в Осу приехали и расположились в Осе, и в деревне Устиновой квартиры ж имели — Авдей у протопопа, а Канзей у него, Голдобина. 23 числа и еще к ним приехал называющейся полковником же башкирец Батыркай Иткенев; 24 числа от бывших в той толпе сотников, Каньки Сугулаева, Батырки Иткенева, Абдюкорима Аитуганова, Абдула Шарыпова оным старосте Дьяконову и ему, Голдобину, дано наставление, что все в Осе и в уезде жители пришли в подданство, яко б государю, и посланных из Казани без данных от государя подорожен никого не пропущать и, поймав присылать в армию при репортах, и иметь смотрение над казенными напитками и соляною продажею, и деньги принимая записывать в приход и росход без утайки, а жителям быть послушным; а чтоб те злодеи меньше в казаки людей взяли, подарено от них Канзею 100 руб. Абдию 2 пуда меду, холста 150 аршин, за что взяли только 30 человек. И побыв в Осе двои сутки, поехали на 2 парти,

одна на Юговской казенной завод, приближаться х Кунгуру, а другая вверх по Каме; но через 5 дней те 30 человек возвратились, от которых слышно было, что они под Верхомулинским селом разбиты, и оттоле бежали, в том проезде башкирец Абдулов велел, выбрав казаков 100 человек, отправить в село Беляевское для супротивления против военной команды, ис которого села вскоре приехал пищик Григорей Бабушкин с товарищи, понаряде их то число людей взял, а 6 числа генваря на Аннинской казенной завод для того же супротивления 50 человек, но что с ними происходило, не знает; а потом приехал от называемого графом Чернышева их волости выборной Потап Белышев, с которым послано было в Сарапул подушных денег 844 руб. с копейками, и объявил, что де около реки Вятки он з денгами перехвачен и отвезен к тому злодею Чернышеву, и в приеме им денег объявил квитанцию; и словесно де чрез него приказано выбрать атамана и есаулов, 2 человек, и с выбором прислать в Чесноковку, почему крестьянами и выбраны ис крестьян же в атаманы Матвей Треногин, ясаулами Илья Дьяконов и Егор Высоков, над пахотными солдатами Степан Кузнецов, есаулом Дмитрей Юсупов, на коих, написав 3 выбора, которые с Треноговым и Кузнецовым отправили к злодею Чернышеву. А февраля 4 числа оные, возвратясь, объявили данные им от злодея наставлени, в которых предписано, чтоб все крестьяня были ему, Треногину, послушны, почему ими выбранными всякое исполнение производимо было. Да и с Кузнецовым от Сарапульского пищика Петра Поддубкова ис Чесноковки писано, которым уведомлял, что вместо того графа, за отъездом секретаря, подписывает всякие дела, но чтоб он, Голдобин, прислал к нему холста; но он, Голдобин, на оное не ответствовал, а между тем приехал шпион, бывшей в 773 г.[1] староста ему и Треногову объявил, что с Юговских заводов и из Верхомулянского села намерена команда итьти в Осу для обращения к верноподданической должности, и потому Треногин велел ему написать письмо к Тулвенским башкирцам, чтоб они с командою пришли в Осу, почему башкирцы и с ними и руские собрались в село Горы, над которыми были называю-

[1] 1773 г.

щейся полковник Сайфул Сайдашев и мулла Дегут Тимисев с таким намерением, когда де команда в пригород Осу вступит, то может быть и в башкирских жилищах; а в марте месяце из села Гор башкирцы ходили на лыжах под село Беляевское для склонения там жителей на их сторону, а к Треногину прислал письмо, просил ево, чтоб он приехал к нему для совету, чего ради тот Треногин и он Голдобин, к нему и ездили; а посоветовав, положили, чтоб, сабрав больше силы, итти в Беляевское село, и к тому собрав более 200 человек, к ним отправили. 12 числа марта Сайдашев прислал приказ в земскую избу, чтоб вынуть из бочки ведро вина для лекарства раненных и отдать от них присланному. Да он, Голдобин, писал к тестю ево, наименованному есаулом, Дмитрею Юсупову о присылке вина, в первых 3-х,[1] да от Треногова одного ведра, и вес бы с собою старосту Ивана Белышева с лыжами, а ежели не поедет, дается де дозволение учинить с ним казачей суд; а естьли де и он, Юсупов, не поедет, то причтен будет со злодейской партией, то-есть с верноподанной сообщинком. А 15 марта пошли под село Беляевское, где от них посланы были бывших в том селе уговаривать, чтоб они передались к их злодейской стороне, но как они от того отказались, то еще он, Голдобин, был послан на переговор, почему вышедшего одного человека он уверял, что они з государевой стороны и верели б тому лже-составному указу, напротив чего и ему от того человека было говорено, чтоб и он от злодеев башкирцов отстал, и, может де быть, тебя государыня в ызмене и бунте простит; но он, Голдобин, боясь, чтоб те злодеи домашних ево не истребили, преклониться не захотел, и увидя, что из села стали пробавляться к ним люди, от них ушел к башкирцам, а потом зделали сражение, на котором они отбиты и бежали все в село Горы, на тех же башкирцов за сожжение овинов и сена послали от Осинской волости называемого атамана Треногина в село Чесноковку к злодею Чернышову з жалобою; а для того б у башкирцов в послушани не быть, а стоять де будут против военных команд собою требовать дву пушек и пороху, с которым он послал к пищику Поддубкову и холста; и хотя он прежде сего по приказу называемых атаманов и

[1] *В подлиннике, вероятно, пропущено слово «ведер».*

башкирцов переписки чинил, но однако ж не из усердия, но поневоле; а наконец сказав народу, что он без выбору злодейских дел исправлять и в земскую ходить не станет, почему от всей волости и дан ему выбор, в котором написали, чтоб он был для исправления указов от государя и протчих письменных дел казачьим писарем, которой и подписали; а потом оной отослали в село Чесноковку к злодею Чернышеву; приехав в Осу уведомился, что приезжал де с Рожественского Демидова заводу от крестьянина, называющегося атаманом, Семена Волкова нарочной к башкирцом с требованием их на завод, чтобы против афицера Ялымова команды они пришли к ним, с чем они и отправились. 16 числа апреля, когда с Юговских заводов посланные от коллежского ассесора Башмакова штен-фервальтер Берлинг и шихтмейстер Яковлев с командою вступили в Осу, тогда он явился к тому Берлингу, и по приказу ево в верности ее и. вел. службы приведен к присяге и взят под караул; смертного убийства и грабежа он, Голдобин, не чинил, зборные за вино и за соль деньги он себе не брал и никому безденежно не отпускал, а брали вино башкирцы собою безденежно; деньги ж за вино и соль от целовальников усильно отбирал и называемой атаман Кузнецов, а 2 раза деньги отпускал в село Чесноковку; везенное ж с Шунбугского заводу приказщиком в Соликамск вино 25 бочек означенной Кузнецов з башкирцами, не допустя до Осы, захватил, ис которого 3 бочки роспили, а другое по требованиям башкирцов роздал; также и на Рожественской Демидова завод посылал, а достальные 22 бочки отослал в село Чесноковку. А в июне месяца в половине слух до них дошел, что пригород Оса злодеями выжжен, то вышеписанные Башмаков и Берлинг с Юговского заводу со всеми служители уехали в город Кунгур, а он и другие содержащиеся по неимению за ними присмотра ушли в пригородок Осу, где увидал все их домы вызжены и имение разграблено; по приходе ж заболел и был болен до сентября месяца. А во оном по выздоровлении, переславшись с показанным Высоковым, согласились ехать в Сарапул, чтоб явиться к управительским делам, для чего к нему, Голдобину, заехал тот Высоков, и оба они поехали к Сарапулу и дорогою заехали на Рожественской Демидова завод, где застали пример-майора Гагрина,

к которому они и явились; и от него присланы в Казань в секретную комиссию. В бытность ево в доме пригорода Осы, так и близь состоящих и дорогою к Сарапулу в деревнях Крюковой, Змеевой, Головнихе и в селе Частых крестьян, чтоб они были в должном повиновении, уговаривали, которые и явились ко оному ж майору Гагрину; посланнных же из Кунгура к подполковнику Попову с пакетами казаков не захвачивал и к деревам не привязывал, пакетов не распечатывал, а слышел он, что тех казаков захватя мучили и пакеты распечатывали села Гор крестьяня, Степан Копылов, Степан Козлов, Родион Кадулин, а протчих не упомнит; бежавших же ис-под Казани людей не захватывал и в толпу злодейскую к Тулвенским башкирцам не отсылал, — в чем и утверждается, — ныне злодея и самозванца почитает за сущаго бунтовщика и изменника. — От роду ему 28 лет.

К сему допросу дворцовой Осинской волости ис крестьян пищик Михайло Голдобин руку приложил.

Гос. Арх. VI, № 467, ч. II, д. № 278, лл. 7—10.

25

1774 г. октября 2—5. — Допрос Е. И. Пугачева в Симбирске. I. Вступление

Объявляет он, Пугачов, что первому помышлению его о побеге за Кубань был поводом донской казак Луганской[1] станицы, Андрей Кузнецов. Считая себя утесненным, как и прочие раскольники, советовал сей Кузнецов подговаривать яицких казаков к побегу, и говоря при том, что войско яицкое было неоднократно в смятении, что угнетаемо оное от старшин и начальников, и что они, яицкие казаки, яко раскольники, на предложение о побеге согласятся.

Намерение самого злодея Пугачова было бежать по подговору зятя его, Павлова (о сем значит в первом допросе на странице 7)[2]; но как он, Пугачов, перевез зятя своего за реку Дон и отстал, то усомнился еще тогда, чтоб за

---

[1] *В рукописи Лазунской, что очевидно описка.*

[2] *Первый допрос напечатан в Чтениях Об-ва Истории и Древностей Росс. при Моск. университете 1858, кн. 2, отд. II, стр. 1—36.*

перевозом показанного зятя своего не было взыскания, ибо по установлению положена казнь таковым, кто осмелится переходить или препровождать кого за Дон; того ради убежал Пугачов, но был пойман в станице. Тогда приказано было его, Пугачова, везти донскому казаку Худякову. Сей Худяков приказал сыну своему отпустить, о чем видно из первого допроса (на странице 3).[1] Сей препоручил везти злодея в Черкаск сыну своему, отпуская, приказал отпустить с дороги его, не по чему иному, что Пугачов с ним бывал знаком; взыскания же за то, что упустил колодника, не опасался для того, что сын его был малолетен. Ушедши, злодей с дороги пробрался, имея намерение итти в Польшу, в Слободскую Украинскую губернию, в Изюмской полк. Там в одной слободе был у одного крестьянина, по прозванию Коровки. Будучи у него несколько времени, узнал, что оный Коровка раскольник. А как он, злодей, знал, что раскольники беглым людям дают пристанище и вспомоществуют им, то, в надежде сей, спрашивал хозяина своего, каким образом можно пройти в Польшу. Коровка объявил злодею, чтоб он шел в раскольничий монастырь на Ветку и вместе с ним послал и сына своего, Антона, понеже сей писывал фальшивые пашпорты. Пугачов напротив того говорил, чтоб итти на поселение до Бендер; а соглася на свое мнение показанного Антона, пошли. А сей написал пашпорты как себе, так и злодею, с которыми бы могли пробраться они до Бендер. На дороге проведали, что в Бендеры не пропускают без печатных пашпортов, и поворотились на Ветку, по словам Коровки. Там был несколько времени (сколько, в первом допросе, на странице 4).[2] Нанимался на сенокосы, готовился с приобретенными деньгами итти на Добрянку. Таким образом, заработав несколько денег, пошел он, оставя на Ветке Коровкина сына, Антона, в Добрянку. На форпосте сказался он польским выходцем, как и в прежнем объявил, утаив прямое название свое для того, что если бы служивым, то бы его задержали. Желание его было поселиться на Иргизе ради тех причин, что, будучи в карантине, слышал он от многих, как велики выгоды поселянам. Вышед из Добрян-

---

[1] *Там же.*
[2] *См. там же.*

ского карантина, дошел вторично к показанному Изюмского полка к Слободскому крестьянину, Коровке, взял у него свою лошадь и поехал на Иргиз, имея себе спутником беглого солдата, сказывающегося о себе также выходцем (пространнее о сем видно в первом допросе). Проезжая от показанного Коровки вместе с товарищем своим, заехали на устье Медведицы в казачьи хутора и, спрося, кому оные принадлежат, пришли к хозяину. Сей хозяин есть Андрей Кузнецов, тот, который первый подговаривал его, Пугачова, возмущать яицких казаков. Когда он спрашивал пришельцев, куда они идут, и на то Пугачов ответствовал, что идут на Иргиз селиться, то Кузнецов говорил: «Ныне де, и на Иргизе стало великое гонение староверам, так не лучше ли пробраться в другое место». Пугачов, имея намерение и прежде с зятем бежать на Кубань, открылся в том Кузнецову, а сей отвечал, что намерение его несбытное: «Как, де, можно бежать в такой далекий путь малому числу. Слышно, де, здесь, что яицкое войско давно бунтует, так лучше де его подговорить бежать вместе». Сими мыслями воспользовавшись, спрашивал злодей: «Каким способом и каким путем пробраться на Яик». А хозяин ответствовал, чтоб шел он в Мечетную Слободу и явился у игумена раскольничьяго монастыря, Филарета, уверя при том злодея,что игумен его по расколу крайне знаком. При отъезде его Кузнецов дал ему денег 74 руб. с тем, чтоб оные деньги отдал Пугачов брату его, Кузнецова, живущему на Иргизе. Злодей, приехав в Мечетную Слободу, явился к игумену Филарету, объявил ему намерение свое, и отец игумен одобрил оное, сказав при том, что, «по обстоятельствам, яицких казаков возмутить не только не трудно, но и весьма возможно». С таким намерением отправился злодей на Яик, под видом, якобы за покупкою рыбы. Едучи дорогою с крестьянином Малыковской волости, Семеном Филипповым (сей самый Филиппов поймал злодея и к Малыковскому управителю донос представил), объявил ему намерение свое, а прибыв в Яицкой Городок, стал в доме казака Дениса Пьянова. Между многими разговорами спрашивал злодей о состоянии яицких казаков; а как усмотрел их неудовольствие, то и стал подговаривать их к побегу за Кубань Некрасовским путем, обнадеживая их награждением, как на него из Малыковки показано».

Соображая обстоятельства похождения злодея по всем сведениям, каковые секретная комиссия собрать могла, с показанием его, усмотрено, что злодей скрывал яд злости на сердце; для того учинено было ему малое наказание; и по доводам тем, что до поимки его, Пугачова, открылось уже, какие имел он замыслы и советы, будучи на Яике в доме казака Дениса Пьянова, убеждаем был злодей, и открылся против вопросительных пунктов.

II. *Ответы на вопросительные пункты*

1. Возмечтал он, злодей Пугачов, принять на себя высокое название покойного государя Петра Третьяго в Добрянке, по научению купца добрянского, прозванием Кожевникова. Когда он, злодей, был в карантине, то для прокормления своего нанимался в разные работы, между прочим, по найму работал и показал на покойного государя, Петра Федоровича, одному беглому солдату; сказывавшемуся также выходцем из Польши. Сей солдат объявил хозяину, что он, смотря на Пугачова, находит великое в нем подобие покойному государю Петру III. Кожевников услыша, спрашивал Пугачова, какой он человек и, лаская его разными образы, выведал из него о точном его звании и природе, и открывшись в звании своем, не утаил и того, что он из дому своего бежал, и объяснил причины его побегу. Кожевников, сведав верно, говорил злодею: «Слушай, мой друг. Если ты хотел бежать за Кубань, то бежать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучше намерение. Есть люди здесь, которые находят в тебе подобие государя Петра Федоровича. Прими ты на себя это звание и поди на Яик. Я, де, точно ведаю, что яицкие казаки притеснены; объявись там под сим именем и подговаривай их бежать с собою. Сей солдат скажется гвардейцем и будет всех уверять, что ты подлинно государь, и он тебя знает, а простой народ сему поверит. Обещай яицким казакам награждение, по 12-ти руб. на человека; деньги ж, если будет нужда, я вам дам, и прочие помогут, с тем только, чтобы вы нас, раскольников, взяли с собою, ибо нам здесь жить староверам стало трудно, и гонение нам делают непрестанное». Обрадуясь случаю сему, злодей утрудился принять на себя высокое название, и

советовали, каким лучше способом объявиться ему под именем государя. В совете еще был с ними добрянской кузнец, Крылов. И положили, чтоб ему ехать на Иргиз, в Мечетную Слободу, к игумену Филарету. Кожевников и Крылов приказали явиться у Филарета, обещая, что он, Филарет, подаст помощь и советы, яко лучше всех сведущий человек о состоянии яицких казаков, примолвя при том, что и все раскольники, если удастся ему, злодею, с ним пойдут. Таким образом, во уповании на сию помощь, отправился он на Иргиз с показанным солдатом, имея точное намерение назваться именем государя Петра III; а солдат всегда обнадеживал его, что будет уверять всех о сходствии с бывшим государем. Отправясь из Добрянки, заезжали они к вышеписанному Слободскому крестьянину, Коровке, а оттуда во Донские станицы, к Кузнецову. По прибытии на Иргиз, товарищ его, беглый солдат, от него отстал, и нанялся в рекруты, но какой ради причины, не ведает, а он, злодей Пугачов, пришел к Филарету, сказал ему свое звание, открыл ему советы Кожевникова, и Филарет принял сие намерение с радостию, обнадеживая при том, что яицкое войско его, Пугачова, примет, и что и сам отец игумен в том будет способствовать. Условясь, поехал он в Яицкой Городок, под видом покупки рыбы. Филарет дал ему, злодею, наставление таким образом подговаривать яицких казаков: велел ему прямо ехать к казаку Денису Пьянову, и первому ему объявить яко бы Пугачов был подлинно государь Петр III, и что он прислан от игумена Филарета. С сею надеждою прибыл он на Яик и сделал обнадеживание, открывшееся в Секретной Комиссии по допросу Дениса Пьянова, который в начале августа умре.

2. Понеже он, Пугачов, в сие время сказался купцом, и когда под сим званием взят был под караул, то управитель Малыковской ведая об нем прежде по пашпорту Добрянского директора, что он, Пугачов, назван был выходцем из Польши, стал его сечь и, узнав его прямое звание, послал его в Симбирск. Едучи дорогою, просил он проводников своих, коих было двое, чтоб его освободить; но они, соглашаясь на то, требовали с него по 100 руб. то Пугачов отрекся дать сию сумму, сказав, что он имеет только 77 руб. При сих словах убеждаем был злодей вновь, как самым письмом, писанным от него к Филарету, так и раз-

ными известными доказательствами, по показанию его сообщников.

Показанные деньги в письме 470 руб. имел он, злодей, подлинно оставленными ими у Филарета. Оные деньги получал он, злодей, во-первых, от показанного крестьянина Коровки, 370 руб., согласившегося с ним бежать и уговаривать других раскольников, да от казака Луганской станицы, по прозванию Долотина, 42 руб. и последние 74 руб., как выше сказано, от Кузнецова. Все оные деньги даны были ему, злодею, на вспоможение адского намерения назваться именем государя и возмутить яицких казаков, в том еще обнадеживании, что они, выше сказанные его пособники, так и все раскольники его помогать будут всеми способами и не щадя денег. Кузнецов, при отъезде злодея, уверял, что злодейству их помогать будет донской казак Вершилов, не жалея иждивения; что оный Вершилов, почтенный человек между раскольников, согласит многих, и что ему всеконечно послушают, утвердясь на таковых основаниях; потому, по многих обещаниях, приступил он к злодейству. А когда пойман был в Малыковке и представлен в Симбирск, то показал имя извощика своего, Попова, и что просил он, злодей, одного подъячего, знакомого Попову, о ходатайстве у воеводы, ассесора и секретаря, дабы его, Пугачова, освободить, и обещал им сказанные в письме 300 руб. за освобождение. Сей подъячий спрашивал злодея, имеет ли обещаемые деньги в наличности. А как он объявил, что готовых денег нет, но в Мечетном раскольничьем монастыре у Филарета, то писарь, обещавши приложить старание, ничево не исполнил. По усильной однако ж просьбе его написал письмо сие и послал с вышеписанным Поповым (имя сего Попова Василий Иванов сын). Вскоре Пугачов послан в Казань, где и объявили воеводе, что Пугачов за освобождение сулит 300 руб., но злодей не показывает, говорит, что поклепать напрасно не хочет в старании прочих людей, в разуме том, что показанные, Попов и подъячий, обещались ему помогать; Филарету угрожал для того, что сей игумен был злейшему намерению их сообщником и награждение сулил, ожидая не только успеха в предприятии, но и помощи от Кожевникова, как выше сказано.

3. Будучи еще в Мечетной слободе, слыхал он от игу-

мена Филарета, что в Казани есть купец Василий Григорьев сын Щолоков, крайний друг его и раскольник. По подозрению его, Щолокова, дающего пристанище раскольникам, и что у него жил в доме прошлой зимы сей плут, Филарет, писано было от Комиссии о присылке Щолокова в Петербург к генералу-прокурору князю Вяземскому и хотя ответствовано, что сей Щолоков взял откуп в Тверской провинции, будет 12 августа, но он не был, а жена его содержится в Комиссии. По этой надежде злодей Пугачов, когда содержался в Казани, просил одного мальчика, приносящего в тюрьму пироги на продажу, сведав, что сей мальчик был из дому Щолокова, чтобы он прислал своего хозяина в тюрьму для переговора с ним, злодеем. По сему позыву Щолоков в тюрьму приходил. Щолоков спросил его, за что он содержится. Злодей отвечал: что за крест и бороду. Сие сказано в том разуме, чтоб больше подвергнуть его к жалости, ибо он знал, что Щолоков раскольник. В самом деле обещал Щолоков делать ему вспоможание, присылал ему неоднократно милостыню, давал ему в разные времена по несколько денег, обещал за него просить губернатора и секретаря. По некотором времени паки приходил к нему в тюрьму, и сказывал, что уж, по обещанию своему, судей просил, и что губернатор велел повременить, секретарю же обещано было 20 руб. Тут открыл он, злодей, Щолокову, что оставил деньги свои у Филарета, и что из оных денег заплатит ему обещанные 20 руб. секретарю, и просил он Щолокова, чтоб постарался склонить купно с собою о свободе его, Пугачова, и московского купца, Ивана Иванова сына Хлебникова, ознакомившегося с ним, Пугачовым, чрез одного тюремного, Закилева. Сей послан на поселение. По сей просьбе Щолоков ходил к Хлебникову, и сей приходил в тюрьму к Пугачову и обещал об нем стараться. При свидании с ним сказывал, что намерен писать к Филарету, и злодей его просил, чтоб от него послать к игумену письмо, объявя также Хлебникову, что у Филарета оставлено его денег 470 руб. Письмо от злодея писал колодник Битюгов, и содержание оного было, чтоб Филарет старался о освобождении и прислал бы к нему деньги. Когда он, злодей, призыван был пред секретаря, то, по распросе его, просил он, злодей, о свободе, а тот сказал ему сими словами: «Будет, мой друг, время». Потом

вторично был злодей призыван к секретарю, и когда с него сняты ручные кандалы, дал ли секретарю Щолоков обещанные 20 руб., он, злодей, не известен. В то ж самое время сняли с злодея тяжелые ножные кандалы и заклепали в легкие. После того отослан Пугачов из Губернаторской экспедиции в обыкновенный острог; там будучи несколько недель, познакомился он с Дружининым (как значит в первом допросе), содержащимся по начету. В тот день, когда условились они бежать, подарили они тюремному надзирателю 10 коп. Офицеров он никогда не даривал. И священник о побеге его ни мало не знал. Впрочем, о уходе своем из Казани объявил так, как в прежнем допросе, прибавя, что Дружинин и он, злодей Пугачов, пивши у священника, старались напоить несогласного солдата, а сами весьма береглись, что, будучи оный солдат почти без чувств пьяным, не мог им в побеге препятствовать. Оный солдат прошлую зиму умре.

4. По переходе Пугачова на правый берег Волги отстал от толпы бунтовщичьей яицкой казак не Остафий Трифонов, а прозванием Ходин. Но сей скоро возвратился, набрав до 700 человек, и соединился с главною злодейскою толпою. При Саратове Остафья Трифонова он, злодей, никогда в толпе своей не имел и не знал. (О сем тоже показывает и Чумаков). Никого из толпы своей к Царицыну не отправлял, а отправил в Москву называющегося купцом Ивана Ивановича. Сей самый приехал в толпу бунтовщичью тогда, как злодей был в Уралах. Добровольно злодей объявляет, что никогда до того времени его не знал. Приехав в Урал, показанный Иван Иванов удостоверил мысли обвороженного народа тем, что разглашал повсюду, яко бы он прислан от государя цесаревича с подарками. Точно сие показывал в допросе своем старшина Казнафер и священным именем его высочества увещевал простой народ к преклонению к Пугачову, сказывая, что не Пугачов бунтует, а подлинный государь защищает престол, что способствовало злодею много усилиться. Сверх того рассказывал оный купец повсюду, что привез он от его высочества шапку, сапоги, а от ее высочества 2 камня. Все сие в самом деле было произведено. Но Пугачов, приняв подарки, не входил в подробности, от кого оные были присланы, радуясь только тому, что сей доброхот оттоль много

преклонил к нему народа. Когда злодей разбит под Троицкою крепостию, то первую подал ему мысль показанный Иван Иванов, собрав новую толпу, итти к Казани, сказывая ему, что он может там утвердиться, и потом следовать для принятия в Москву всероссийского престола. Народу же разглашал он, Иван Иванов, что государь цесаревич с войсками следует к Казани на помощь; что Казань ему, не противясь — покорится; и вняв его совет, злодей пошел к Казани и объявлял уже намерение сие в ложных манифестах. Когда злодей перешел за Волгу, то сей Иван Иванов, называющийся купцом, пред всею толпою просил его в Москву и в Петербург, говоря так: «Время теперь, батюшка, надежда-государь, ехать возвратно, (примолвя дерзновенно) к твоему Павлу Петровичу, и объявить ему, что ваше величество перешел с армиею за Волгу, и чтоб поспешал с обещанною силою к тебе на помощь скорее». Он, злодей, слыша сии слова, хотя и знал, что посылать к его высочеству не есть дело возможное, но, отправив его при всем народе, высыпал ему из полы своей 50 руб. денег и отпустил в Москву, дабы тем утвердить в мыслях невежд, что злодей не только не самозванец, но ожидает подкрепления себе. Отправление сие называющегося купцом весьма сходствовало с тем, как рассказывал о своем отправлении назвавшийся Остафием Трифоновым. Сходство примет по словам злодея дает подозрение, что он самый тот, который назывался купцом Иваном Ивановым в толпе злодея. В самом же деле весьма подозрительно, не был ли сей пособник злодея посылан от раскольников. В Царицыне же он, злодей, как выше сказано, никого не посылал, а приказал сему, называющемуся купцом, что когда он возвратится, чтобы искал его под Царицыным, и если его толпа усилится, то дал бы знать о состоянии Москвы и Петербурга; а если его разобьют так, что отправиться ему не будет способу, то искал бы его у царицынского жителя, Полякова, где, по некоторому знакомству, чаял он при несчастии искать убежища. Называющийся яицкой казак Остафий Трифонов показал точно сии слова, с той только разницею, что царицынского жителя показал он Попова, а не Полякова. Часто поминаемый Иван Иванов при отъезде своем спрашивал при всех, называя злодея высоким именем государя, как он велит приезжать его высочеству,

одному, или вместе с ее высочеством. А злодей ответствовал, для обольщения народа: «Пускай приезжает вместе, и чтоб они скорей из Петербурга выезжали».

5. Из чиновных людей в бунтовщичьей шайке у него, злодея, были из самого начала, после разбития генерал-майора Кара, из взятых 2-х рот второго гренадерского полку подпоручик Шванович (обстоятельства значутся самого Швановича в допросе). Сей офицер служил ему, злодею, и лично бывал на сражении под Оренбургом, при сообщнике злодея, яицком казаке Шигаеве; сказывал злодею о себе, что он, Шванович, крестник в боге почивающей г. и. Е. П..,[1] что умеет говорить многими языками, и может способен быть к установлению в то время злодейской коллегии, и перевесть ему на немецкий язык подложный манифест и указ к оренбургскому губернатору. И с тех пор подо всеми злодейскими указами подписывал он, Шванович, вместо самого злодея по латыни: Петр. Сверх того слышал он, злодей, от Горшкова, что он думный дьяк злодейской, обще с Швановичем, писали указы на немецком и французском языке, но куда оные указы послали, злодей не известен (что с очной ставки Горшкова с Швановичем изведать должно). Но с тех пор, как он, злодей, разбит вторично генерал-майором кн. Голицыным под Самарою, когда он ушел к Уралам, никого из дворян при себе не имел. Следуя ж к Троицкой крепости из под Татищевой, ни места, ни времени где, не помнит, какой-то прапорщик предался ему, злодею, в верные услуги. Имя сего прапорщика он не помнит. Вскоре потом злодей разбит был под Троицкою крепостию, а сказанный прапорщик, между прочим, взят войсками в плен. Впрочем, утверждается в том, что он никогда доверности к сему прапорщику не имел. Из под Троицкой крепости до самой Осы никогда из чиновных у него в толпе не было, а после похищения Осы, взяты были майор Скрыпицын, капитан Смирнов и подпоручик Минеев. Сей последний донес на майора Скрыпицына, что изготовил он в Казань рапорт, объявляя, что толпы его[2] ...за что Скрыпицын и Смирнов были повешены, а Ми-

---

[1] *Государыни императрицы Елисаветы Петровны.*
[2] *В тексте пропуск.*

неев назван полковником и атаманом. Потом сей нечестивец обещал злодею свои услуги, провести его в Казань и подать способы, как овладеть Казанью. О сем из допроса Минееева яснее видно.

6. По переходе на правый берег Волги, хотя избрал он несколько офицеров, кои от смерти и мучительства избавлены, но никакого совету с ними не имел, а были они употребляемы в разные должности, и никому из них самозванец поверенности не имел. Во всех местах, переходя до Царицына, никогда ни с кем переписок не было, кроме что, по предложению одного солдата, кто он таков, не знает, послал злодей ложный свой указ к поручику Алексею Матвееву сыну Гриневу (в допросе Неустроева показано о сем Гриневе). Сей солдат сказывал, что он с Гриневым весьма знаком, одобрял злодею оного поручика и обнадеживал, что будет к самозванцу преклонен. На сие послание никакого ответу не было. Прочия же показания Неустроева, по допросу, учиненному ему в краснокутском коммисарстве, отвергает доказательством, что после того, как он, злодей, прогнан из под Царицына, до совершенного разбития его было только 3 дня, поспешая схватить Черноярскую крепость, не имел времени посылать указы. Когда ж он переплыл Волгу на Яицкую степь, то не только посылать указы, но и воли уже не имел, ибо яицкие казаки не допускали никого с ним соединиться, и сколько ни желало к его толпе прилепиться, то казаки отнимали лошадей, говоря ему, что, допуская умножать толпу, будет замедление; да и бумаги и чернил с ним вовсе не было. Во все ж время злодейства своего рассыпал разные указы, но вообще или для устроения, или для обольщения народа.

III. Ответы на дополнительные пункты

По дополнительным пунктам, коими убеждали злодея:

1. Объяснен.

2. Объяснен.

3. Будучи в службе ее и. вел. под Бендерами, в команде генерала-аншефа и разных орденов кавалера, П. Ив. Па-

нина, случилось ему быть пьяному; тогда выговаривал он одному из казаков (имени не упомнит), который спрашивал его: откуда он взял саблю. Злодей, зная, что хорошие сабли жалуются от государей за заслуги, и что таковые казаки в почтении, ответствовал, что сабля его пожалована от государя; а как он ему заслуг тогда никаких не сделал, а отличным быть всегда хотелось, то сказал, что сабля ему пожалована потому, что он крестник государя Петра Первого. Сие сказано, заклинается злодей, не от каких намерений, кроме чтоб чрез то произвесть себя отличным от других (о сем обстоятельно можно исследовать с допросом Козицкого и первого допроса жены его, Софьи, с войсковою канцеляриею). Случай сей пронесся между казаков и дошел до полковника Ефима Кутейникова; но однако ж не поставили ему сие слово в преступление, а только смеялись.

4. Объяснен.

5. Объяснен.

6. Копиист Петр Алексеев взял с него 4 воза рыбы и 1 рубль, и за то не внес в допрос тех слов, которые он, злодей, говорил Пьянову, и в которых он признался. Управитель Малыковский убит, а копиист умре прошлого года.

7. В самое то время, когда ушел он из Казани и был у Кандалинцева, купил злодей, у него пару лошадей за 25 руб., и поехал на Яик, а Кандалинцев на Иргиз; но после уже, когда злодей под званием государя Петра Третьяго производил свирепство и бунт, явился к нему сказанный Кандалинцев, но был не долго, ибо, по разбитии бунтовщичьей толпы по Яицким городком, он, Кандалинцев, по приказу генерал-майора Мансурова, повешен.

8. Никогда и ни с кем он, злодей, из раскольников переписок не имел, а уповает, что начальный плут Кожевников о том старался, обещал всякого рода староверов приглашать к злодею на вспоможение, однако ж, он, злодей, о том известия не имел. Показание Макаева отрицает и самого Макаева под сим званием не знает, говоря, что может быть знает его в лицо.

9. Огородникова купца не знает. Огородников подтверждает показание Аристова, но от кого злодею денег приносили, не знает, заклинаясь, когда сказано было ему место, где Огородникова видел, что припомнит он только то, как незнакомый ему человек стоял вместе с Филаретом

в его палатке, но злодей никогда и никаких повелений ему не делывал.

10. Объяснен.

11. Заклинается живым богом, что ни от кого под Казанью денег не только до 3-х, но и малого числа не получал, а привозили ему деньги казаки, грабя по домам.

12. Показание Чики, яко бы называл он Ульянова пленником, клятвою отрицает, утверждая, что никогда он, злодей, до сего времени в Яике не бывал, в чем ссылается на станичные и войсковое правительство.

IV. Дополнительное показание

1. О донских казаках, бывших у него чрез одну ночь под Царицыным, объявляет, что оные казаки никакого подговору от него не имели, а во время нападения от него на Царицын оные казаки были от крепости отрезаны, и видя, что им противиться не можно, сдались ему, злодею, но, переночевав, в разные часы разъехались; оставалось только до 200 человек, и те во время сражения перебежали все в соединение с верными войсками. А посыланы были от него разные ложные указы на Дон, когда он был под Саратовым, чрез 2-х волжских казаков: имен их не упомнит. В Петровской передались к нему 60 человек донских казаков, да под Саратовым до 70 волжских казаков. В Саратове все казаки без сопротивления предавались, да и войска некоторые не противились. В числе командиров в Саратове взят был майор Симонов, коего солдаты одобрили, и поэтому злодей послал Перфильева спросить у показанного майора, будет ли он злодею, называя государем, служить верно. Симонов учинил ему присягу, и поручена ему была команда до самого разбития злодейской толпы. А капитан артиллерии князь Баратаев также присягал, но куда он девался, не знает; а слышал, что он бежал, а прочие сказывают, что он заколот. Потом, когда он подходил к Камышенке, все волжские казаки его встретили; но когда он звал с собою, отреклись они, сказывая, что неисправны, обещавши после с ним соединиться; но видит теперь, что его обманули, ибо после к его толпе не прихо-

дили. Будучи в Дубовке, встретил его большой брат войскового атамана Порицкого; злодей спрашивал его, где другие Порицкого братья. Порицкой на то отвечал, что они ушли. Злодей спрашивал, как же ты остался. Порицкой говорил, что он хочет умереть за отечество и места своего не оставит. В каком рассуждении сказал сие слово, для того ли, что ревновал службы, и столько же государыне и самодержице, или мыслил угодить тем ему, не известен; ибо злодей не объяснился и оставил его, как человека престарелого. Прочие дубовские казаки все без изъятия присоединились к бунтовщичьей толпе.

2. Будучи еще в Берде, посылал он, злодей, письма, называя себя государем, во-первых, к калмыкам, кои откочевали в Китай; но посланные от него пропали. Потом посылал он указы к Нурали, хану киргизского народа и Бдурали султану. Последнего сын был прислан в толпу бунтовщичью с обнадеживанием помощи и находился у злодея до разбития его. Пугачов подарил сына султанского 50 руб. и 8-ми человекам его свиты, по 12 руб. каждому, и 2-м лучшим по кафтану, но куда делся он, после разбития злодея, не известно. В те времена посылал он главного пособника своего к форпостному атаману в Гурьев с указом, и Овчинников объявил, что ложный его указ сказанный атаман переслать обещался, но известия уже никакого не имел. От калмык Дубовских посылал он письма, подходя к Дубовке. Старший князь оных калмык прислал к самозванцу одного старшину, и при нем 4-х калмык с объявлением, что он сам князь, и 3000 человек его войска покоряются злодею, яко государю. Злодей послал к нему казака Пустобаева с тем, что он его приемлет и будет его дарить. Вскоре после того прибыли калмыки, и с толпою бунтовщиков соединились. Князь, старшины и проч., пришедши к злодею, становились на колени перед ним и целовали руку, обнадеживая его в верности. А самозванец, лаская их, благодарил и дал 50 руб. старшему князю, 2-м его сыновьям по 30 руб., а прочим князьям, коих было около 50 человек, дарил сукна на кафтаны; всему же их войску высылал бочку медных денег. Калмыки шли с толпою до самого Царицына, а когда из-под Царицына злодей пошел, то просились они заитить в улусы свои, и, получа позволения, пошли, но уже не возвраща-

лись. Более сего ни с какой державою никакой переписки не имел, и помощи ему обещаемо не было, да и не ведает он, как можно было с ними иметь переписку. Напоследок показал он, злодей, Пугачов, когда, по разбитии его шайки между Царицыным и Черным Яром, принужден он был уловками своих ближних сообщников переплыть Волгу, то говорил ему и прочим яицким казакам яицкой же казак, Трофим Горлов, чтоб итти в Сибирь, на что злодей и согласился, но прочие не восхотели. Потом советовали итти на Каспийское море, но и на то не склонились. А как по причине неимения при себе пищи, и что большая часть из них перешли помянутую реку в одних только кафтанах, а другие в рубашках, тогда стали искать своего спасения прямо степью, но при разных, выше объявленных, его, Пугачова, предложениях своей шайки, наконец уговорились они сими словами: «Чем нам умереть на степи с голоду, и жажды, и стужи, то лучше поворотиться к Волге; а там хотя бы и попались мы в поимку, то лучше ж нам всем бросить свои беззакония и грехи, заслужить казнию, нежели погибнуть без покаяния на степи, как диким зверям». Впрочем, приносил повинную в дерзновенном намерении своем принять звание государя Петра III, объявляя, что не иначе принял сие высокое звание, как, под сим названием возмутя яицких казаков, с ними и с раскольниками итти некрасовским путем; но будучи заведен успехами и обстоятельствами, простирал далее свое злодейство; объявляет при том, что угрызение сердечное его не покидало, что имел он намерение пасть с чистым раскаянием пред милосердной государыней и самодержицей, звал для того яицких казаков в Москву, и говорил: «Если в Москве его не примет государыня, так он сам в руки отдаться пожелает». Наконец признается и в том откровенно, что все оные дерзновенные слова, о коих разные допросы явствуют, произносимые им пред народом о ее величестве, справедливо на него показаны, и что он предает на мучение богу душу свою и тело всем казням, предписанным законом, по возможности его преступления.

Чтения в Об-ве Истории и Древностей Росс. при Моск. университете. 1858, кн. 2, отд. II, стр. 37—50.

1774 г. ноября 4. — 14? — Допрос Е. И. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве

1774 г. ноября 4 дня присланной из Синбирска от генерала-аншефа графа Панина пойманной государственной злодей и бунтовщик Емелька Пугачов, за караулом лейб-гвардии Преображенского полку капитана Галахова, в Москву в Тайную експедицию привезен пополудни в 9-м часу, и того ж числа в присутствии генерала-аншефа сенатора, лейб-гвардии конного полку подполковника, ея и. вел. генерал-адъютанта, разных орденов кавалера, князь Михайлы Никитича Волконского в Тайной експедиции обер-секретарем Шешковским о учиненных оным злодеем Пугачевым злодействах и о чом надлежало роспрашиван.

А в допросе сказал: отец его Иван Михайлов сын Пугачев был Донского войска Зимовейской станицы казак, от коего он слыхал, что ево отец, а ему, Емельке, дед Михайла, — а чей сын не знает и не помнит, — был Донского ж войска Зимовейской же станицы казак, и прозвище было ему Пугач. Мать ево, Емелькина, была Донского ж войска казака Михайлы дочь, но чей он сын, не знает, и звали ее Анна Михайлова. И оные отец его и мать померли, а имянно — отец помер лет с 15, — а подлинно не помнит, — а мать его умерла, тому ныне третей год, а имянно, после побегу его, Емельки, из дому.

Он, Емелька, родился, как слышал он от помянутой матери своей Анны Михайловой — тому было тогда 30 лет, а ныне щитает он от роду себе тритцать третей год. Родился ж он в помянутой Зимовейской станице в доме показанного деда своего Михайлы, где он и вырос. Брат ему родной одного отца и матери Дементей Иванов большой, оной же станицы казак, но жил с ним в разделе, в своем доме, и женат на казачей же дочери Кабылянской станицы казака Никифора Хомутихина, зовут ее Настасья Никифорова. У оного брата ево 2 сына: один — Никита, а другого, как зовут, не знает, и 2 дочери, а как зовут, не помнит, — только обе малолетние.

Слыхал он, Емелька, от отца своего и матери, что он крещен в показанной Зимовейской станице в церкве Ка-

занскія богородицы священником Тимофеем Авдеевым, которой был ему и отец крестной, а мать крестная была казачья дочь, по отечеству Игнатьева, а прозванием Ермолова, но как ей имя, не помнит. С самого ево малолетства в церковь божию он, Емелька, ходил и отца духовного имел и святых тайн ежегодно причащался, и отца духовного имел он показанной церкви Казанския богородицы священника Федора Тиханова, которой и ныне жив.

Жил он, Емелька, в помянутом доме отца своего безотлучно до 17-ти лет, где кормился он, пахав сам свой казацкой участок земли, а в самом бывши малолетстве боронил за отцом своим землю. Как же ему минуло от роду 17 лет, то он еще при отце своем и при матере женился [на дочери] Есауловой станицы казака Дмитрия, а чей сын, не знает, но по прозванию Недюжев; отечества ж тестя своего не знает он, Емелька, потому, что теща ево, а жены ево мать, Аксинья Кононова, вышла, когда уже он женился, за другова мужа, казака ж, Королева. Жену ево, Емелькину, зовут Софьею Дмитриевою, венчан он с оною своею женою по церковному чиноположению в Есауловской станице в церкве Михаила архангела священником, а как зовут, не помнит, — оная ж станица, в коей он женился, от Зимовейской станицы в 10-ти верстах.

По женитьбе ж, пожив он с оною своею женою одну неделю, выслан он с протчими казаками в команде казацкого полковника Ильи Денисова, есаула Романа Пименова, в пятисотной каманде, в Пруссию чрез Киев, и по приходе сперва в Тарун, а потом в Познань (главной же над сею камандою был граф Захар Григорьевич Чернышов, где и бывал он, Емелька, под предводительством помянутого полковника Денисова с протчими своею братьею, рядовыми ж, как и он, Емелька, казаками, против неприятеля на Шермицах). Но однако ж ничем не ранен. По кончине ж покойныя государыни, когда мир у России заключен с Пруссиею, то оная пятисотная команда и другие полки под командою ж графа Чернышева по указу покойного государя Петра Федоровича отданы оне все были прусскому королю, где оне и были месяца с полтора, ибо они поход свой продолжали до Пруссии, кажетца, около 4-х месяцев, а потом, как перевели их команду за Одер, то получили указ, что ея и. вел. изволила принять престол рос-

сийской, и велено уже короля прусскаго почитать по-прежнему неприятелем, и потом вся их пятисотная команда в походной церкве приведена в верной ея и. вел. службе к присяге, где и он, Емелька, с протчими своею братьею казаками полковником Денисовым был привожен, и целовал крест и святое евангелие, и потом вскоре после сей присяги та их пятисотная команда отпущена домой на Дон. По приходе ж домой получен в войско указ, что его и. вел. государь Петр Федорович скончался, о чем и во всех станицах были указаны ж, которой и ему, Емельке, ото всех живущих казаков на Дону сказывано было, ибо он, Емелька, грамоте ни на каком языке ни читать, ни писать не умеет и никогда не учился, потому что как он, Емелька, так и отец его, как выше он показал, были простые казаки.

По приходе ис Пруссии жил он в доме своем года с 1½, в кое время жена его родила сына Трофима, которой и крещен в церкве Казанския богородицы священником, помянутым отцом его духовным, Тихановым, а воспреемником был живущий в их станице в работниках малороссиянец Алексей, а чей сын и прозвания и откуда он в их Зимовейскую станицу пришол, не знает. Из своей же братии казаков в кумовья не позвал для того, что в то время была пора рабочая, и все были в поле. Выжив же в доме своем 1½ года, был камандирован он в каманде есаула Елисея Яковлева в Польшу для выгнания бывших тамо беглых раскольников, коих оной есаул и привел в Чернигов, но, сколько было числом тех раскольников, он не знает, а ис Чернигова отпущен оной есаул с командою, так, как и он, в домы на Дон, где был он года с 3 или 4, а подлинно не упомнит, откуда посылыван бывал в разныя партии, но не более бывал в тех партиях где месяц, где 2 и потом возвращался паки в дом свой.

А потом, как объявлена была с турками война, то командирован он, Емелька, в команде полковника Ефима Кутейникова, атамана Тимофея Грекова, с другими его братьею казаками в Бахмут, где и зимовали, а по наступлении весны пошла сия каманда под Бендеры, где были с турками и сшибки, но как Бендер взять было неким, что мало людей, то и отошла сия каманда прочь. По прошествии того лета оной полковник Кутейников с оною камандою зимовали на реке Донце в 2-х селах — Веревкине и

Протопоповке, а по прошествии зимы веспою пошел полковник Кутейников с своею камандою под Бендеры в каманду графа Панина, а ис под Бендер, по взятии оных, в Елисаветгород пришла сия казачья каманда на зимовыя квартиры, и стояла оная каманда в селе Голой Каменке, где он, Емелька, был весьма болен, и гнили у него грудь и ноги. Перед сырною ж неделею прислан был из армии к полковнику Кутейникову ордер, чтоб из оной каманды для исправления казакам лошадьми отпустить при старшине 100 человек, по которому ордеру в числе 100 человек и он, Емелька, отпущен за показанною болезнию, и был харунжим, а в оной чин выбран он, Емелька, был помянутым полковником Кутейниковым.

По наступлении ж весны, как оные отпущенные казаки стали збиратся по-прежнему итти з Дону в поход, то он, за означенною своею болезнею, в тот поход итти не мог, а вместо себя нанял он Лазуновской станицы казака, Бирюкова, коему он за то дал 2 лошади с седлами, саблю, бурку, зипун синей, харч всякий и денег 12 руб., а сам он, Емелька, остался в доме своем и лежал болен ногами и грудью, кои у него, как и выше он показал, гнили без мала год. А как он остался дома, то старые казаки, приходя его навещать в болезни, советовали ему, Емельке, проситься в отставку и ехать в Черкаск, по коему совету и что он уже столько времени был болен, выпросил у станишного атамана Трофима Фомина пашпорт, поехал в Черкаск на собственной лотке водою, а жену свою и упомянутого сына Трофима и 2-х малолетних дочерей, Аграфену и Крестину, коим от роду — Аграфене шестой, а Крестине четвертой год, а сыну 10 лет или двенадцатый год, оставил в доме своем. По приезде в Черкаск, и имянно спустя после петрова дни дней 12 или 13, стал он на квартиру к казацкой жене, вдове Скоробогатой, а имяни и отечества ее не знает (у которой сын Иван, и оной сын служил с ним вместе под Бендерами, почему оная вдова ему и знакома), и как оная Скоробогатая спросила ево, зачем он в Черкаск приехал, то он, Емелька, сказал ей, что приехал проситца за болезнию в отставку, и, сказав оной Скоробогатой, тот же самой день пошол он, Емелька, в войсковую канцелярию и по приходе в канцелярию данной ему станицы пашпорт подал войсковому дьяку Калпакову, и оной Калпаков

спросил ево, Емельку: «Зачем ты сюда, Пугачев, приехал?». И он ему сказал: «Я, батюшка, приехал сюда проситься за болезнию своею, что у меня гниют ноги и груть, в отставку», на что Калпаков сказал: «Тебя прежде отставить нельзя, как надобно тебе лежать здесь в лазарете и лечить, и когда уже тебя вылечить будет нельзя, то тогда отставят». На что он, Емелька, отвечал: «Нет, я в лазарет не пойду, а лутче стану на своем коште лечитца». И потому, поклонясь оному Калпакову, пошол из войсковой вон. Но в то ж время и есаул войсковой, а кто он таков по имени и прозванию, не знает, говорил ему, Емельке: «Да на што тебе отставка? Вить коли ты болен, так тебя на службу не пошлют, а коли выздоровиешь, так отставить нельзя».

И потом, простясь они с оным есаулом, пошел в квартиру показанной Скоробогатой, а как он пришол, то сказал ей: «Вот меня не отставляют, а говорят, чтоб лечитца в лазарете». На что оная Скоробогатая говорила: «Нет, Пугачев, не ходи в лекарство, вить оно очень трудно, покажи-ка мне ноги-та», — и он, Емелька, ей те раны на ногах и показал, и она, посмотря на те раны, говорила: «Лечись ты из убитых баранов лехким и прикладывай то лехкое к ранам, то тебе лехче будет». По коим словам, он, покупая лехкое, 3 дня к ногам прикладывал, отчего и стало ему лехче.

Быв он в городе Черкаске только 4 дни, захотелось ему повидатца с сестрою его родною, Федосьею Ивановою, коя в замужестве за донским казаком Симоном Никитиным сыном Павловым, и жил оной его зять в одной с ним Зимовейской станице, но как война турецкая началась, то оного зятя перевели на вечное житье в Таганрок, почему нанял он, Емелька, у оной вдовы Скоробогатой лошадь за 2 пуда пшена и за 2 ж пуда муки, кою он привез с собою из дому в лотке, поехал в Таганрок, и по приезде к Таганроку наведался о показанном зяте своем чрез стоящих на карауле казаков, что он живет в третей роте, куда и поехал. Приехав к нему в дом, увидел и помянутую сестру свою, и у оного зятя своего жил он 2 недели.

Во время сего житья зять его говорил ему, что де здесь жить трудно: во-первых, заведены полковники, ротмистры, и совсем уж не так с казаками поступают, как на Дону, второе — лесу нет и ездят за лесом недели по 2, и оттого многие уж казаки бегут. «Да и я уж согласился с че-

тырю[1] казаками бежать». И он, Емелька, спросил зятя: «Да куда ж ты хочешь бежать-та?» И оной ему сказал: «Коли де в Русь побегу, то з женою, а естьли без жены, то хоть в Сечь Запорожскую». И он, Емелька, говорил: «Как тебе туда бежать? В Прусь не попадешь, а на Руси поймают, в Запорожье ж коли один пойдешь, то по жене стоскуешься, а придешь за ней, так тебя схватают. И так, коли уж бежать, так бежать на Терек, там наши семейные живут, а сверх того тамошнему атаману Павлу Михайловичу дан указ, чтоб таких тако принимать». На что оной зять сказал: «И ведомо, это лутче, што мы будем жить вместе». И после сих слов сестра ево, по совету мужнему и его, выпросилась у ротмистра как бы для свидания с матерью своею в показанную Зимовейскую станицу, которой и дал ей билет, с коим она обще с ним, Емелькою, и поехала, условясь з зятем, чтоб он с показанными товарыщами своими 3-мя человеки бежал, после их спустя неделю-другую, для того, что естьли он скоро за женою побежит, то ротмистр догадается, что и жена бежала с ним вместе, то пошлют в погоню, и их тотчас схватают, за что и ему достанется так, как подговорщику.

И потом он с сестрою своею поехал, взяв с собою и дочь оной сестры, малолетнюю Парасковью, на 2-х зятних лошадях. И как они были в дороге с сестрою только дней с 5 и проехали Черкаск, то оной зять ево с помянутыми товарищами, ис коих один Зимовейской же станицы, а те двое, которых станиц и как зовут, не знает, его догнали и сказали, что оне все четверо бежали, и он, Емелька, говорил: «Што вы это наделали? Вить тово и смотри, што нас поймают! Вить я говорил, штоб помешкать недели 2, погубили вы меня и себя». Однако ж поехали оне все вместе, но, не доезжая до Зимовейской станицы, сестру и троих беглецов оставил в степи, а зятя взял с собою в Зимовейскую станицу, в дом свой, ночью, для того, чтоб не увидели соседи зятя его. И пришед матери своей, которая тогда еще была жива, и жене говорил: «Вот, матушка, знаешь ли, вить зять хочет из женою бежать на Терек да и меня зовут с собою». Мать и жена, услыша эти вести, стали плакать, на что он, Емелька, сказал: «Нет, матушка,

[1] *Так в подлиннике.*

не бось, я только их провожу чрез Дон, а сам никуда не поеду».

И поговорив об оном, тою ж ночью он з зятем поехал в степь, где оставлена была сестра его и зятнины товарищи. А по приезде, взяв он, Емелька, сестру свою, поехал в дом свой, а зятя оставил в степи, сказав притом, что де вам днем ехать никак нельзя, а разве приезжайте ночью. По приезде в дом сестра, побыв у матери ево часа з два, поехала к свекру своему, а он остался дома. Жена и мать уговаривали, ево, Емельку, чтоб он за Дон тех беглецов не перевозил, что за ето будет и ему беда, на что он согласился было. И как зять из степи приехал к нему ночью, то ему сказал: «Как хочешь, я не поеду, потому что жена твоя у отца; и как я ее возьму, так догадаютца в станице, што вы бежали». Оной его зять тою ж ночью пошел к отцу своему, сказал ему, што будто он приехал за женою, и потом, начевав у отца, детей своих — 2-х дочерей (ибо одна жила все у отца ево), оставя, взял жену, сказав, что он поехал в Таганрок, но вместо того поехал он в степь, где оставались означенные товарыщи его. Как же пришла ночь, то оной зять его опять к нему приехал, и как постучался у ворот, то жена ево, Емелькина, вышла к воротам и, не хотя, чтоб он от нее з зятем ехал, увидев зятя, сказала: «Што вы ездите? Вас уже ищут и знают, что вы бежали».

Зять испужавшись пошел от ворот прочь, но чрез 3 дни ночью паки оной зять его з 2-мя уже товарищами приехал к нему (а о третьем сказал, что де он отстал и пошол на родину) и по приезде просил ево, чтоб он конечно их за Дон с товарищами перевез да и сам бы с ними поехал. И он, Емелька, видя такую неотступную прозьбу и хотя оного зятя своего тем потешить, несмотря на слезы матери и жены (коих он однако ж уверил, что он с зятем не побежит и статное ли дело, чтоб он оставил отечество и поехал бы на Терек), взяв свою лотку и, посадя в оную зятя, сестру и показанных 2-х товарыщей, сел в оную лотку и сам и, спустясь на нис по Дону от дому своего верст с 7 против Зимовной луки, перевез на нагайскую сторону, а по перевозе, высадя всех на берег, сам с лоткою от берегу отвалил. Зять, увидя, что он с ними на берегу не остался и их оставил, кинулся, обнажа саблю, в воду и хотел ево, Емельку, срубить, но однако ж он уехал. Оной

зять гнался за ним с серцов, потому что он ево обманул, ибо, как оне вознамерились бежать на Терек, то он, Емелька, обнадеживал зятя, что и он с ними туда поедит. И потом, тою ж ночью приехав домой сказал жене и матери, что зятя и сестру проводил, и жил в доме своем после сего проводу месяца с $1\frac{1}{2}$.

А после сего времени услышал он, Емелька, что сперва сестра, а потом и зять пришли в их станицу, и казаки, приходя к нему, сказывали, что уже зять его отведен в станишную канцелярию и показывает на него, Емельку, что он ево перевез за Дон и с ним обще также хотел бежать, чего он, Емелька, испужавшись, зная, что всем казакам под казнию объявлено, что за реку беглецов не перевозить и самим не бегать, почему и боялся он, Емелька, наказания, из дому своего, взяв лошадь, бежал и шатался на Дону по степям 2 недели.

А как стало ему скушно, да и хлеб, который взял с собой, весь съел, приехал ночью в дом свой к жене. А по приходе в дом жена ево сказала ему, што мать ево, также и зять взяты в Черкаск. Он, услыша о сем, из дома поехал сам тот же день в Черкаск и торопился ехать для того, чтоб прежде ему приехать туда матери и зятя с таким намерением, что бутто он человек правой, то сам явился в Черкаск. Пришед, явился дьяку Калпакову и сказал: «Я де слышу, што про меня говорят, бутто я бежал, а я де не бегал», и показал тому дьяку пашпорт станишной самой тот, с которым он приехал того ж лета, как выше он показал, к дьяку Калпакову для отставки. Калпаков, посмотря пашпорт, сказал: «Кой же чорт пишут, что ты бежал, а у тебя пашпорт!» И потом ево, Емельку, отпустил.

На другой день привезли в Черкаск мать и зятя и, как зять показал, что он ево провожал и с ним бежать хотел, то и велели ево, Емельку, в Черкаске искать. Он, прослышав о сем, из Черкаска бежал в дом свой и только переночевал одну ночь, но пришли ис станишной избы и его из дому взяли. О приходе ж ево домой проведали так скоро потому — как он домой приехал, то пришла к нему повидатца сестра ево родная Ульяна (которая замужем той Зимовейской станицы [за] казаком Федором Григорьевым сыном Брыкалиным), а повидавшись с ним, пошед домой, сказала мужу своему, а муж объявил в станишной избе

В станишной избе держался он только 2 ночи, а в третью ночь, боясь, чтоб не отослали ево в Черкаск, оттуда бежал и лежал в камышах в болоте двои сутки. Но как есть ему было нечего, также и холодно, ибо сие время было в филипов пост, на третий день пошел в дом свой и, пришед сказал жене, чтоб она никому о нем не сказывала.

И прожил он в доме своем почти весь филипов пост скрытно, — в доме ж ево не сыскивали, потому что не могли старшины думать, штоб, наделав столько побегов, осмелился жить в доме ж своем. А за 2 дни до христова рождества, взяв лошадь и приказав жене, чтобы приготовила харчю, что она и исполнила, он, Емелька, сказав жене своей, что он поедет на Терек, и кали ево там примут, то он и за нею приедет, и потом он поехал чрез Дон по льду верхом с тем намерением, чтоб ехать на Терек. Ехал он 7 дней и, не доехав до Кумы, занемог, а лошадь пала, почему он лег и лежал, а отдохнув чрез великую силу пошел к Куме, а дошедши до берега, не мог больше ступать ногами, лег на берегу и лежал трои сутки, не видав ни одного человека. Чрез 3 дни пришли к нему 3 человека с ружьями русские и спросили ево, что он за человек. Он сказал им о себе, что он донской беглой казак. Оные 2 человека были на лошадях. Сжалившись над ним, посадили ево на лошадь, а сами сели на одну двое и поехали с ним по зделанному идущими в то самое время ис Кизляра донскими казаками мосту чрез реку Куму и, отъехав от реки верст с 30 привезли ево оные 2 человека в зделанной шалаш, где он, Емелька, лежал недели з 2. Кормили ж ево оные люди зверями, яблоками и терном. Оные ж люди сказывали ему о себе, что они беглые из Сибири з заводов и, наделав там бед, бежали. «Мы де были и в да Астрахани, да там де публиковано о нас, так мы и оттуда ушли».

Как же ему стало полехче, то увидел он, што оные 2 человека режут ис прутьев жеребейки, то он их спросил: «Што вы, братцы, пульки штоли режите и ети прутики свинцовыя што ли?» На что оне сказали ему: «Это не свинец, но золото». И он их спросил: «Да где ж вы берете?» На что оне ему сказали: «Да мы нашли здесь этова сокровища множество, да жаль де, что всемилостивейшая государыня етово не знает. Мы де бывали на многих государевых заводах, да только такого сокровища не видали. И он,

Емелька, спросил их: «Да как же де вы нашли?» И они сказывали ему: «А вот как. Увидели мы де лисицы и погнались за нею, хотели застрелить, и мы де к ней, а она от нас, и так она отвела нас от шелаша нашева верст з 12 и вдруг де бросилась в нору почти при наших глазах. Мы де стали ту пору рыть, а как де порыли аршина 2 в глубину, то и нашли тут это золото». И он, Емелька, спросил их, что не можно ли мне это место указать. И оные люди сказали: «Пожалуй, покажем, пусть во время, коли случится, то хотя ты детям своим покажешь». После чего оне все трое и пошли и, отойдя от шелаша как верст 12, взошли как бы на какой невысокой вал и ту нору ему показали и рыли, где он, Емелька, то золото видел, и потом ту нору зарыли и заравняли и пошли попрежнему в шелаш.

После сего, пожив в шелаше дней с 5 стосконулось ему по жене и детях, а к тому ж и на Терек попасть за болезнию ево нельзя, то, простясь с теми людьми, не спрося их ни о именах, ни о чинах, пошел к реке Куме и, перешед по тому ж мосту, шол прямо на Дон и в свой дом 2 недели. Но не дошед своего дома, зашол он в Нижнюю Курмоярскую станицу к казаку Дмитрию Плохову, у коего он переночевав, дал ему, Емельке, до дому ево доехать лошадь, на которой он в те ж сутки приехал в дом свой.

По приходе ж ево жена, сына и 2-х дочерей взяв, отнесла в дом к брату ево родному Дементью Пугачеву и оставила у жены ево, ибо брат его тогда был в армии. Детей же жена ево из двора увела для тово, чтоб они о приходе ево домой не разболтались. Жене ж своей, видя, что она плачет, то, обманывая ее, говорил: «Я де был на Тереке, и меня принять семейныя хотят, а как у них теперь нет атамана, а я человек честной, то оне меня и атаманом выберут». Но жена сим словам не верила и плакать не переставала, что видя он, Емелька, сказал жене: «Ну ин, коли так, так поди и скажи про меня, што я пришол». Жена пошед сказала братьниной жене, а оная сказала казакам, кои тотчас пришли и, взяв, отвели ево к атаману, а атаман на другой день поутру послал ево не скованного в Чирскую станицу в розыскную каманду к старшине Михайле Федотову, — прозвания не знает, — куда его чрез 3 дни и привезли.

А как привезли, то оной Федотов наедине говорил ему,

Емельке: «Ну, Пугачев, дай мне 100 руб., так я напишу тебя в службу, чтобы вину свою заслужил, и в Черкаск тебя не пошлю». За что он благодарил и сказал, что «у меня 100 руб. нет, а 50 руб. дам». И потом отпустили его за караулом Чирской станицы к старшине Карпу Денисову, к коему пришед, он сказал, что надобно подарить старшину Федетова за то, что он не хочет его послать в Черкаск, а хочет определить для заслужения вины своей на службу. И оной Денисов сказал: «На, возьми и отнеси. Это хорошо, кали он тебя запишет в службу». Он, Емелька, взяв деньги, понес Федотову, а как стал Федотову деньги отдавать, то Федотов спросил его: «Где ты деньги эти занял?» И он, Емелька, сказал: «Я де эти деньги занял у Карпа Петровича Денисова».

И оной Федотов сказал: «Нет, коли ты деньги эти занял у нево, то я у тебя их не возму. Он де свой брат полковник, так как он о этом сведает, что я с тебя взял, то он на меня донесет, и меня за это разжалуют. Поди де вон». И он, Емелька, вышед от него, тотже час те деньги отдал по-прежнему Денисову, сказав оному, что де Федотов у него их не взял. Денисов взял себе 40 руб., а 10 руб. дал ему, Емельке, сказав: «На тебе, в Черкасском згодятца».

Он, поблагодаря, пошол опять к Федотову, а Федотов того ж дня, за караулом 4-х человек казаков, послал ево в Черкаск. И везли его, Емельку, под таким караулом с неделю, от станицы до станицы. По приезде ж в Цымлянскую станицу посадили ево в станишную избу, и как он в той избе посидел не более часа 2, то не знаемо чрез кого уведал о привозе ево той же Цымлянской станицы казак Лукьян Иванов сын Худяков и, пришед к нему в станишную избу, говорил: «Я де, сведав про тебя, кто ты привезен сюда и везут тебя в Черкаск, то де я ходил к атаману и выпросил тебя у него на свои руки, чтоб тебя отвести в Черкаск». Он, Емелька, за то его поблагодарил, и потом оной Худяков, взяв ево из станишной избы, повел в дом свой, а по приходе в дом оной Худяков говорил: «О, Пугачев, жаль мне отца твоего хлеба-соли, погиб ты, а хочетца мне себя спасти, вот как я пошлю с тобою своего сына и велю, отъехавши отсюда несколько, тебя отпустить». И он, Емелька, поблагодаря того Худякова, сказал: «Чем мне твою любовь платить?»

И переночевав поутру оной Худяков дал ему свою лошадь, саблю, чтоб не признали ево за беглеца, синей кафтан, с помянутым сыном своим, дав оному другую лошадь, отпустил. И ехал он, Емелька, с тем его сыном верст со ста и потом простясь с ним, Емелькою, поехал в свою станицу, а он, Емелька, поехал на реку Койсуху, где поселены выгнанные из Польши беглыя раскольники. И по приезде в верхнюю поселенную раскольническую слободу и спросил у одного мужика, не наймется ли кто из онаго селения отвести ево к каманде, коя тогда пред ним шла с Краснощоковым. На что оный мужик сказал: «Есть де здесь такой человек, которой вашу братью возит». Оных лошадей он нанимал для того, что у него лошадь стала, а о Краснощекове говорил, чтоб не подумали о нем, что он беглец. И оной незнакомой мужик привел его ко двору другаго мужика, коего называют Алексеем, с которым договорился он, чтоб его отвести до села Царева за 2 руб. Оной Алексей впрег в телегу дву лошадей ево и повес, а своя лошадь шла за телегою на поводу.

И как пришол вечер и остановились в поле начевать и варили кашу, то, зная он, Емелька, что оной Алексей — раскольник, говорил тому Алексею: «Што, брат, доброй человек, мне хочитца пожить для бога, да не знаю, где б сыскать таких богобоязливых людей». И оной Алексей сказал: «Я де знаю такого человека набожнова, которой к себе таких людей принимает». И он, Емелька, просил того Алексея: «Пожалуй де, бога ради отвези меня к нему». А из-за того спросил ево, что де ето за богобоязливой человек, и где он живет, на что оной Алексей сказал, оной де человек села Кабаньи и живет де на своем хуторе, а прозывается он Коровка.

И, начевав на том месте, поутру поехал оной Алексей прямо на оной Коровкина хутор, куда и приехали на вечер. А по приезде на хутор послал он, Емелька, того Алексея к тому Коровке с тем, чтоб он спросил его, пустит ли он к себе такого человека, который хочет пожить для единого бога. Алексей по сим словам к Коровке ходил и немного погодя пришел к своим роспускам и с собою привел незнаемого ему мужика старого, которому оной Алексей, указав на него, Емельку, рукою, говорил: «Вот, Осип Иванович, этот человек, которой желает пожить бога ради».

И он, Емелька, встав с телеги, спросил: «Пожалуй, Осип Иванович, прими меня к себе бога ради». И оной Коровка на сию его прозьбу сказал: «Милости прошу, поди, брате, за мной». И он, Емелька, дав Алексею 1½ руб., ево отпустил; а он, взяв свою лошадь, пошел в дом Коровки и по приходе жил он у оного Корвки от благовещения за 2 дни даже до светлого праздника, да и после праздника еще пробыл у него в доме 2 недели.

Во время ж ево житья оному Коровке о себе объявлял он, что беглой донской казак, а бежал из усердия к богу, потому што де в службе никак богу угодить неможно. Оной Коровка говорил: «Ну, живи, у меня де много бывало и солдат беглых и всяких людей, и я их зберегал, но только де мне от них хлопот много бывало. И как де их поймают где, то они ис полков та приходя да меня ограбят, меня де всего раззорили. Я де и сам с сыном 7 лет страдал за крест, бороду и молитву и держался в Белгороде, да дай бог здоровье милосливой государыне, она дала свой о кресте и бороде указ, так меня освободили. Да я де и тебя, Емельян, больше та держать опасаюсь, что приезжают часто сюда каманды, а слышно де, што Бендеры взяты, и тамо де велят селицта всякому без разбору, так не лучте ли тебе туда и тамо поселиться?»

И он, Емелька, на те слова сказал: «Да я бы рад пошол, да бес пашпорта та поймают». И оной Коровка сказал: «Это — безделица. Я велю написать пашпорт сыну». Почему сын его Антон пашпорт и написал, где назвал его, Емельку станичным атаманом, а Антон назвал себя сыном ево, Пугачева, и якобы отправлены они из Донского войска к каманде. И по написании старик Коровка возил оной пашпорт в Изюмскую правинцию, а из оной правинции привез уже оной Коровка такой же пашпорт печатной, и скоро по привозе того пашпорта оной Коровка дал ему пару лошадей, на коих, оставя свою лошадь у Коровки, ево, Емельку, и сына своего отпустил.

Как же оне надлежащим к Бендерам трактом поехали, то разного звания встречающиеся с ними люди на вопросы ево сказывали, что де в Бендерах никакого нового поселения не заводят, и он, услышав эти вести, советовал с Антоном Коровкою, куда ж бы им ехать для спасения. И оной Коровка говорил: «Поедим де в стародубские слободы,

вить де туда и батюшка нам приказывал ехать», куда они и поехали. И по приезде в стародубскую Климову слободу оной Коровка спросил тутошняго незнаемого ему жителя, где живет поп Михайла, и оной житель сказал, что де поп Михайла живет в Стародубском монастыре, куда оне и поехали. И сыскал тамо оной Коровка того попа, однако ж его, Емельку, прежде отвел в келью к старцу Василью, у коего оне и жили оба недель с 15. Оному ж Василью рассказал он и о побеге своем з Дону, и оной Василий сказал: «Здесь много приходит всяких беглых, и отсюдова только нужно провесть чрез заставу, а там де пойдут на Ветку и, малое время побыв там, прямо придут на Добрянской фарпост и скажутца выхотцами, так де им с фарпоста и дают билеты в те места, куда пожелает, на поселение».

И он, Емелька, услышав о сем от оного старца, просил ево: «Пожалуй, батюшка, уж и нас ты бога ради также выпроводи». И оной старец сказал: «Понеровите де немного, покуда с тапершнева места перейдет застава в другое место, так я вас провожу». И после сего оной старец, сведав, што застава в другое место перешла, то, взяв их обоих, за границу и выпроводил пеших, а лошади остались в монастыре, и, выведчи их на небольшую тропинку, где нельзя инаково как ходить пешим, сказал: «Вот это прямая дорога на Ветку».

И потом, простясь со старцом, оной пошол в монастырь, а Емелька с Коровкой пошли на Ветку, куда и дошли они в третей день. И Коровка пошол к знакомому попу, имяни его не знает, а он остался в слободе и жил в доме у русского человека Семена Крылова, коего он прежде не знал. И как он, Емелька, ево, какой он человек, не спрашивал, так и оной Крылов ни о чем с ним не говорил, потому што в оной слободе живет всякой зброд, откудова кто не пришол.

И, быв в Ветке 7 дней, простясь с помянутым Коровкой, пошол прямо на Добрянский фарпост, а Коровка остался в Ветке, для тово, што отец ему при нем приказывал принести к себе от тамошних попов причастия. По приходе на фарпост увидел множество беглых русских, кои выдерживают карантин и спросил их: «Как братцы, здесь являютца на фарпост?» И оные ему говорили: «Та де как придешь к камандиру, и он тебя спросит, откуда ты и што за человек, так ты скажи: я родился в Польше, а же-

лаю итти в Россию, так больше тебя и не станут спрашивать, а коли де ты скажешся чьем из России, то де делают из этова привяски». По коим словам он, Емелька, прямо на фарпост к камандиру и пришол, а как его спросил: откуда ты, то он сказал: я де ис Польши, и как же спросил ево, что какой ты человек, и как тебя зовут, он на сие сказал: «Я де польской уроженец, зовут меня Емельян Иванов сын Пугачев».

Камандир велел записать ево имя в книгу и потом послал его в карантин, где его, не раздевая, а только перешод через огонь, лекарь посмотрел ему в глаза: «Ты здоров, но надобно тебе высидеть в карантине 6 недель», — и, дав ему солдата, отвели его в карантинной дом, где он был трои сутки безвыходно, где познакомился он с выходцом же Алексеем Семеновым.

А чрез трои сутки стали ево, також и оного Семенова из дому выпускать для работы, — и, как выпустили, то с оным Алексеем Семеновым пошли в дом живущаго в Добрянке купца Кожевникова, имяни и отечества не знает, и по приходе подрядились у него построить сарай за 2 руб. на ево хлебе. И ходя он, Емелька, на оную работу с Семеновым по 3 дни, ничего от Семенова не слыхал, а на четвертой пришол он, Емелька, с Семеновым и еще 4 человека выходцов, — кто оне таковы, и как зовут их, не знает, — для обеда к Кожевникову в избу, где и пообедали.

Во время ж обеда пришол тут в избу и Кожевников и сел на лавку. Означенной Семенов, сперва смотря ему, Емельке, в глаза пристально и потом, не говоря ничего, вдруг сказал: «Кожевников, смотри», указав на него, Емельку, пальцем. Этот человек точно как Петр Третий». А на то слово он, Емелька, сказал: Врешь, дурак!» И в тот час подрало на нем Емельке кожу. И потом отобедали, а отобедав означенныя 4 человека пошли из избы к женам своим отдыхать, а оне — Емелька, Семенов и Кожевников — остались в избе. И оной Семенов говорил: «Слушай, Емельян, я тебе не шутя говорю, что ты точно как Петр Третей». И он, Емелька, смотря на Кожевникова, говорил: «Слушай, старичок, ты знаешь, что нас за крест и бороду всех гонят, а я тебе сказываю, что я з Дону донской казак Емельян Пугачов, но на Дону жить нельзя, и я бога

ради бежал з Дону». И на сии слова Кожевников говорил: «Это правда, што нам, староверам, везде гонение. Ваши де казаки были многие и в Ветке и в Стародубе есть. Да вот де што была река Яик, и та де помутилась, так де ты возми на себя это имя, а тебя де там примут». А Семенов говорил: «Изволь, я от него не отстану, и кто меня спросит, то я сказывать буду, что он Емелька — Петр Третий. Мне де как не знать, я вить служил гвардии гранодером и государя та видал, так ты не бойся — прими на себя это имя».

И он, Емелька, говорил: «Хорошо, ну я приму, да с чем я туда пойду? У меня денег только 20 алтын, да и теми надобно пашпорт выкупить. Да пусть меня и на Яике примут, вить там хлеба не пашут, а казакам та дают по 12-ти руб. жалованья, так что ж я им буду давать?» И на сии слова оной Кожевников сказал: «А ты, как тебя тамо примут, то ты отпиши ко мне, я тебе хотя 30000 руб. тот-час пришлю, — у меня столько своих денег сыщется. А буде де этих мало будет, то у протчих приятелей достать можно, сколько потребуешь».

А по сим помянутого гранодера Семенова уверениям, что он, Емелька, похож на покойного государя, в душе своей возмечтал, что тот гранодер Семенов говорил ему правду, ибо он, Емелька, никогда покойного государя не видал и в Москве и в Петербурге во всю жизнь свою не бывал. А по словам Кожевникова, думая он, Емелька, что его на Яике, как казаки все находятца в возмущении, конечно, примут и Семеновым словам веру дадут, а сверх того и Кожевникова деньги много сему предприятию помогут, точное намерение итти на Яик и объявить себя Петром третьим и принял.

Оной же Кожевников говорил, что де еще, когда и тебя не было, то у нас был совет, чтобы итти за Кубань. У оного ж Кожевникова в доме видывал он, Емелька, живущего в Добрянке ж купца, — а имяни и прозвания его не знает, только приметами он — рот у него искривлен на сторону, також и косоглаз, — с коим оной Кожевников, поговоря с ним, Емелькою, о всем сказанном, да и пересказывает, — посему и думает он, Емелька, что и оной криворотой о всех его и Кожевникова злых замыслах знает.

Как же шестинедельной карантин вышел, то он, Емелька, пошол к карантинному камандиру обще с Семеновым

и объявили желание свое иттить поселитца на Иргис в дворцовую Малыковскую волость, по которому их желанию и даны им обоим для проходу по Малыковской волости 2 билета, которые и подписал маеор Мыльников. Взявши билеты, пошод он, Емелька, с Семеновым к Кожевникову, и сказали ему: «Ну, старичок, прощай, мы идем». И оной Кожевников сказал: «Бог с вами, час доброй, а я вот напишу к Коровке, который живет в Кабаньей слободе, и вы обо всем ему, што мы здесь говорили, не тая ничего, скажите. И он де, узная о тебе, также, как и я, помогать станет и не отречется. И потом, написав письмо, ему, Емельке, отдал. При отдаче ж письма говорил ему, Емельке: «Вот, как ты придешь на Иргис, то сыщи тамо игумна Филарета, он де нам великой приятель, и ты ему поклонись, и поведай о себе все; он де тебе не только даст совет, да и поможет, — тамошние де староверы к нему прибегают, да и я де, когда езжаю на Яик за рыбою, то никогда ево не проезжаю».

И потом дал оной Кожевников ему рубль и на дорогу хлеба, с ним простились, и как он, так и Семенов пошли из Добрянки чрез малороссийские местечки и деревни мимо Чернигова, которой оставался в левой стороне. Напоследок дошли они оба в помяпутую слободу Кабанье к крестьянину Коровке, о котором он уже выше сего показывал. И, пришод к Коровке, посланное от Кожевникова письмо он подал, и Коровка, прочтя письмо, говорил: «Спасибо Кожевникову, што он так старается». А потом спросил ево, Емельку: «Вот Кожевников пишет, что ты принял на себя имя Петра Третьяго и намерен итти на Яик. Бог с тобой, поди! И когда ты посоветуешь с яицкими казаками и они тебя примут за Петра Третьяго и поведешь всех им на Кубань, то отпиши ко мне. Мы вам помощь зделаем. Да мы, староверы, от нынешнего гонения и многия к вам пристанут».

А Семенов при сем разговоре сильно уверял, что он, Емелька, точно как покойный государь Петр Третий: «И я де везде уверять о сем буду, потому што я служил в гвардии гранодером».

Жили у оного Коровки неделю. Во время житья их у Коровки приехал к нему Луганской станицы казак Долотин, которому по приезде оной Коровка о всем, что к нему писал Кожевников, сказал, а потом и с ним, Емелькою, и

с Семеновым говорил как о приеме им, Емелькою, на себя имяни Петра Третьего, так и о намерении ево итти на Яик и возмутить казаков, чтоб все итти на Кубань, також чтоб и всех староверов вывесть туда ж, причем оной Долотин обещался делать ему, Емельке, помощь. И, переговоря об оном о всем, оной Долотин дал ему, Емельке, денег 42 руб. и, простясь с ним, от Коровки вечером уехал. А на другой день поутру и Коровкин[1] дал ему, Емельке, денег 370 руб. и, простясь с ним и с Семеновым, их отпустил.

На оставленной его, Емелькиной, как выше он показал, лошади и поехал он с Семеновым степями к Дону. И, доехав до перевозу чрез реку Дон, что называетця Медведицкой, переехавши Дон, ехали они мимо Островской станицы прямо на Глазуновскую станицу, а по приезде на хутор казака Андрея Федорова сына Кузнецова, которого он прежде ни почему не знал, а только как переезжали они Дон, то старик, донской казак, сказал им: «Вы де поезжайте на Глазуновскую станицу, там живет старовер и самой хлебосол Кузнецов, так де вы к нему заезжайте. Он де вам будет рад». Почему они к нему и приехали, и оной Кузнецов спросил их , что оне за люди. И он, Емелька, сказал, что оне с Ветки и едут с пашпортом на Иргис.

И как только Кузнецов услышал, что оне с Ветки, то оной им обрадовался и их накормил и потом разговаривали между собою. Кузнецов зачал говорить: «Вот де вы едите на Иргис, но ныне де и там великое гонение на староверов. У меня де там есть родной брат, да полно де, ево не выгонят ли оттуда». И он, Емелька, сказал: «Ну, кали на Иргисе худо, так мы пойдем на Кубань». А Семенов говорит: «Да он де затем и едет, вить он явитца сперва на Яик и там объявит себя Петром Третьим и, как казаки его примут, так он и пойдет с ними на Кубань». Кузнецов, выслушав сии слова, весьма порадовался и сказал: «Хорошо, и коли казаки согласятца тебя принять, то и мы к тебе придем». И он, Емелька, говорил: «Вить на этакое дело надобно помощь, а бес помощи што зделаешь? Нам добрыя люди, а именно Коровка и Долотин, помощь, спаси их бог, дали, да этова мало».

И оной Кузнецов пошел, принес к нему, Емельке, 74 руб.

---

[1] *Так в подлиннике.*

и, отдав ему эти деньги, сказал: «Здесь есть казак Вершинин, которой также с радостью пойдет со мною на Кубань». И потом, начевав у оного Кузнецова 2 ночи, от него поехали (которой дал им свою лошадь и на дорогу харчю) мимо Камышенки и мимо Саратова в Малыковку.

По приезде в оной явились оба управителю, и оной, посмотря их данныя с фарпоста Добрянского билеты, сказал: «Надобно де вам ехать в Синбирск и тамо записатца». Они оба стали его просить, чтоб он позволил им прожить в Малыковке хотя до рожества, чтоб лошадям дать отдохнуть, что им и позволил. А в Малыковку приехали оне еще до Филиппова посту, и он, Емелька, дав товарищу своему Семенову денег 12 руб. поехал в Мечетную слободу, а Семенов остался в Малыковке.

По приезде в Мечетную заехал сперва в монастырь к вышеупомянутому игумену Филарету и, увидя Филарета, отправил от Кожевникова и Коровки поклоны, а притом сказал, что он, Емелька, был в Ветке и в стародубских раскольнических слободах, чему оной Филарет был очень рад. А потом он, Емелька, тому Филарету говорил: «Вот, батюшка, был я вместе у Кожевникова гвардии з беглым гранодером, которой мне и Кожевникову, а потом и Коровке уверял крепко, что я точно похож на Петра Третьего, и Кожевников и Коровка мне присоветовали, чтоб оное имя мне на себя принять и объявить себя Яицкому войску, а как оно его примет, то, чтоб избавитца всем староверам гонения, то я пойду с ними на Кубань. А коли будет нужда в деньгах, то Кожевников и Коровка обещались помогать».

Филарет, выслушав сии слова, говорил: «Нет, ты на покойного государя не похож. Я его знал. Однако ж это хорошо. Яицкие казаки этому поверят, потому что ныне им худо жить, и все в побегах, и они тебе будут рады. Только разве кто из них не знавал ли покойного государя, но и это даром, они спорить не станут, только им покажись». А при том спросил оной Филарет: «Да где же тот гранодер?» Он отвечал: «В Малыковке остался». И оной же Филарет говорил: «Съездим де к малыковскому управителю, чтоб вам отсрочил ехать в Синбирск, а ты де между тем съезди на Яик». И он, Емелька, поехав с игумном, в селе Терса купил пуд меду и, приехавши в Малыковку, с игумном отвесши мед, просили управителя, чтоб он ему и

Семенову отсрочил ездить в Синбирск до крещенья. По сей прозьбе управитель, приняв мед, отсрочил до крещенья.

Оной же игумен Филарет еще в бытность ево пред отъездом в Малыковку в монастыре говорил: «Ты де, Пугачов, для записки, когда уже на Яике та тебя не примут и ничево там не зделаешь, то в Синбирск не езди, там де хотя и запишут, но нескоро, а поезжайте лутче в Казань». И он, Емелька, сказал: «Да вить у меня и в Казане та знакомых нету ни единова человека». И оной Филарет говорил: «У меня де есть в Казане приятель купец Василей Федорович Щолоков. Он де наш старовер и человек доброй и хлебосол. Так буде я с тобою сам в Казань не поеду, так де я тебе тогда скажу, где ево сыскать, а он де за тебя тамо постарается и попросит, так тебя скорее запишут. Он де тебя станет кормить, да и лошадь твоя спокойна будет».

И потом он, Емелька, и Филарет из Малыковки поехали в Мечетную, и, не доезжая Мечетной, Филарет поехал в свой монастырь, а он поехал в Мечетную и стал в доме той слободы жителя Степана Косова, и переначевав, на другой день взяв он данные ему от Коровки, Долотина и Кузнецова деньги 474 руб. боясь, чтоб их у него не украли, отвез к Филарету, и просил ево, чтоб он оные зберег до приезду ево с Яику: «А я де заговевшись на третий день в Яик к казакам поеду и погляжу на них, и, кали мне льзя будет, то я намерение свое им объявлю. А буде нельзя будет, то ничего не скажу». И Филарет сказал: «В доброй час, поезжай! Я бы де и старцов своих с тобою туда послал, да они уже уехали за рыбой. Да вот я б и сам с тобою поехал, да боюсь — там, видишь, живет розыскная каманда, так зараз поймают, и беда будет».

И, попростясь с ним, поехал он, Емельке, в Мечетную в дом помянутого Косова, а на третей день Филипова заговенья тесть оного Косова стал збиратца ехать в Яик с хлебом. А как он, Емелька, на другой день у оного Косова окрестил рабенка и стал ему кум, то оному тестю Косова, коего звали Семеном Филиповым, говорил: «Возьмите, Семен Филиппович, и меня с собою на Яик. Я де хочю ехать туда и купить рыбы». Почему они оба и поехали. (В пополнение к сему еще злодей показал, а что, значит ниже сего под литерою А. [1])

[1] Дальше идет неопубликованное показание об Оболяеве.

По приезде ж в Яик говорил он, Емелька: «Што, Семен Филипович, я тебе поведаю! Вить я в Яик та еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь де ты сам, какое ныне гонение и хочю я об этом с ними поговорить, согласятся ли они итти со мною на Кубань». И оной Филипов сказал: «Как де им не согаситца? У них де ныне великое идет раззорение, все де с Яику бегут, так де, как им о этом скажешь, то они с радостию побегут с тобою. Да и мы не отстанем, а пойдем все за вами».

И потом оной Филипов, привезши его на Яик, въехал прямо на двор яицкого казака Дениса Степанова сына Пьянова. И на другой день их к Пьянову приезда оной Филипов, будучи около своих лошадей, сказал ему, Емельке: «Ну, я Пьянову о том, што ты хочешь казаков вывести на Кубань, сказывал, и Пьяной де сказал: мы де ради куда б ни на-есть от эдакова раззорения все бежать,— а сверх того, ты сам с ним обо всем поговори». И того ж дня, как он, Емелька, взошел в избу и увидел, што в той избе один казак Пьянов, то он, Емелька, говорил: «Што тебе, Денис Степанович, Семен Филиппов говорил?» И на то Пьяной сказал: «Филипов де говорил мне, што ты хочешь нас, казаков, из нашей нужды вывесть и провесть на Кубань». И он, Емелька, спросил: «Што ж согласны ль вы будите итти со мною?» И Пьянов сказал: «Я де с радостию пойду, а протчих стариков я соберу и с ними поговорю, так услышишь, што оне скажут».

И он, Емелька, на сии слова Пьянову говорил: «Вот, слушай, Денис Степаныч, хоть поведаешь ты казакам, хоть не поведаешь, как хочешь, только знай, что я — государь Петр Третий». И оной Пьянов изумился, а потом, помолчав немного, спросил: «Ну, коли ты государь, так расскажи-шь мне, где ты странствовал».

И он, Емелька, говорил: «Меня пришла гвардия и взяла под караул, а капитан Маслов и отпустил, и я де ходил в Польше, в Цареграде, во Египте, а отголь пришол к вам на Яик». И оной Пьянов сказал: «Ну, все это хорошо, вот я поеду и соберу стариков хороших и все им, что я от тебя слышал, проговорю, и што мне оне скажут на ето, то я тебе скажу».

И на другой день, пришод оной Пьянов в избу свою,

и наодине сказывал ему: «Я де северня стариков Черепанова, Кановалова, Антипова собирал и им, што я от тебя слышал и што ты государь, сказывал, и оне де мне на те мои речи сказали: все это хорошо, и они ради, да только де у нас есть много бедных людей, так подняться нечим». И он, Емелька, тому Пьянову говорил: «Поди-ш ты и скажи им, что я обещаю им дать каждому казаку по 12 руб. И оной Пьянов сказал: «Да где ж ты деньги та возьмешь? Вить ты странствовал, так у тебя денег нет». На что он, Емелька, сказал: «У меня на границе тысяч 30 и более есть, да сверх тово там у меня и товар лежит, а коли и этово мало покажетца, то мы сыщим хоть до 100 000. И оной Пьянов говорил: «Ну, это все хорошо, да как же мы пройдем орды? Нас не пропустят». И он, Емелька, сказал: «Эта орда, которая здесь качюет, она нам рада будет, и она нас встретит и проводит». И на сии слова оной Денисов сказал: «Ну, так я пойду и о этом тем старикам, с коими я о тебе говорил, все, што от тебя слышал, перескажу».

А на третей день оной Пьянов также в избе наедине говорил: «Я с теми ж стариками виделся, им обо всем, то-есть о деньгах, товарах и што орда турецкая нам рада будет, сказывал, и они на то сказали: все хорошо, но таперь нет еще время, што народ весь в разброде, а скажи, де, штоб подождал он, то-есть он, Емелька, рождества христова, тогда де на багренья народ зберетца, и мы де поговорим обо всем этим с хорошими людьми, и, буде народ согласитца, то мы его, то-есть, ево, Емельку, примем, а буде де народ не согласитца, так мы к этому делу не приступим».

Показанных же казаков 3-х человек сам он, Емелька, не видал и кроме Пьянова о вышесказанном ни с кем в то время на Яике не говорил. Оному Пьянову при объявлении себя Петром Третьим сказывал, что ево, Емельку, взяла гвардия под караул и што капитан Маслов ево выпустил по научению вышепомянутого гранодера Семенова, который его научал: «Как де тебя кто спросит, кто ж тебя с престола та свергнул?», так ты скажи: «Пришла де гвардия да и взяла меня под караул, но капитан де Маслов, спаси его бог, ис-под караула меня выпустил, то я и стал странствовать», — и скажи де, что ты был в Цареграде, в Польше и в Египте», что он, Емелька, по сим словам, как

выше он показал, и исполнил, думая в себе, что эти слова достойны веры. О деньгах же он Пьянову говорил по словам Кожевникова, что он говорил, што у них денег много, а о товарах, также и о турецкой орде, что она их встретит, лгал, вымысля собою, желая этаким вымышленным лганьем больше приклонить к себе казаков. В Царе ж граде и Египте он никогда не бывал, да и быть, как выше сего он показал, никак не можно, а был только в Польше на Ветке.

И, пожив на Яике у Пьянова неделю обще с показанным Филиповым поехали в Мечетную слободу к куму своему Косову, а Филипов, за усталостию лошади, от нево на дороге отстал. По приезде в Мечетную пришел к нему, Емельке, показанной Семенов, а как он збирался ехать с Косовым для продажи купленой им 4-х возов рыбы в Малыковку, и оной Семенов просил ево, чтоб и ево с собою взял туда же, почему он, Емелька, пожив в Мечетной только 3 дни, поехал в Малыковку с кумом Косовым и с Семеновым и по приезде в Малыковку остановился на постоялом дворе, а Семенов пошол на другую квартиру. Но на другой день оной Семенов пришел к нему на квартиру с малыковскими мужиками и говорил «Прости, Емельян Иваныч, я нанялся у этих мужичков в салдаты, с коими я и еду в Синбирск». И он, Емелька, тут же с ним и простился и более уже оного Семенова нигде не видал и, где он ныне находитца, ни от кого не слыхал и не знает.

Пробыл он в Малыковке на свободе трои сутки, а на четвертой день пришли на постоялой двор от управительских дел россыльщики и, взяв ево, отвели в управительскую контору, где управитель спрашивал ево, какой он человек и откуда родиной, на что он сказал, что де он донской казак из Дону бежал. А потом управитель говорил: «Показывает на тебя Мечетной житель Филипов, что ты яицких казаков подговаривал на Яике к побегу за Кубань, и что тебя дожидается орда». И о всем выше сказанном, что он с Пьяным говорил (кроме того, что он, Емелька, называл себя Петром Третьим), оной управитель высказал, но он, Емелька, управителю сказал, что он этаких слов Филипову не сказывал и яицких казаков не подговаривал, а только пересказывал о побеге за Кубань Некрасова. И потом оной управитель сек ево батожьем, но однако ж он и ис-под батожья ни в чем не признался, а, как выше показал, за-

перся. Быв в управительской канторе 3 дни, а на четвертой послан он скованой в ручных и ножных кандалах из оной канторы под караулом розсыльщиков в Синбирск.

И, едучи дорогою, отъехав несколько верст от Малыковки, на другой день их езды бывшие при нем караульные розсыльщики, 2 человека просили с него, Емельки, 200 руб. говоря ему, что, ежели он им даст те деньги, то оне ево отпустят, — оных же денег просили с него 2 розсыльщика — один Василий Иванов Попов, а другого не знает, — на что он им говорил, что «у меня де со мною денег нет, а есть мои деньги 474 руб. у игумена Филарета, и коли де вы меня отпустите, то мне вить итти некуда, я пойду к нему и вам деньги тот-час отдам». Но розсыльщики ,видно, словам его не поверили, а отвезли ево в Синбирск.

И как приехали в Синбирск и стали на квартиру, то реченной Попов говорил: «Ты де обещай здесь господам судьям, кому 100 руб., кому 50 то де тебя и отсюда свободят». И он, Емелька, сказал: «Да мне де здесь знакомых нет, так кому мне обещать?» И оной Попов, також и другой ево товарищ, сказали: «Добро де, поговорим». И потом товарищ Попова ходил куда та с квартиры, а пришод, сказал: «Я де о тебе подъячему говорил, и он де хотел о тебе постаратца, но спрашивал де денег». И он, Емелька, сказал: «Вить я де вам сказывал, что деньги мои у игумена Филарета».

И потом того ж дня отвели ево в Синбирскую канцелярию и посадили в канцелярии, а как скоро он посажен, то подъячей, — имяни его не знает, видно только, самой тот, с которым товарищ Попова о нем говорил — подошед к нему, Емельке, говорил: «Што ж, где деньги те, што ты сулил?» И на то он подъячему сказал: «Деньги де мои у отца Филарета, так вы их роспишите, сколько воеводе, секретарю и тебе, да и возьмите, а коли де не возьмут, так пришлите ко мне в Казань».

А на другой день поутру позвали ево в судейскую, и только што судья на нево погледел, и, не спрашивая ево, выслали из судейской вон. А в вечеру того ж дня, то-есть на другой день после крещения 773 г.[1] из Синбирска послали его под караулом же в Казанскую губернскую канцелярию, куда дня через 4 или 5 дней ево и привезли и поса-

[1] 1773 г.

дили в покоях губернской канцелярии. А дня через 4 приехал в губернскую губернатор, к коему ево ввели в судейскую. Губернатор только што посмотрел на него, и, не говоря ни одного слова, вывели ево опять в канцелярские покои, где он и сидел. А черес 4 дни повели ево, Емельку, в деревянные покои, и, как привели, то секретарь, — а как его зовут, ныне сказать не помнит, — прочол ему Филипова на него донос. И оной же секретарь спросил ево, для чего он прописанные в доносе Филипова слова говорил, на что он сказал, что де «я Филипову говорил пьяной, а казаков не подговаривал, а я де это все пересказывал, как ушол за Кубань Некрасов». Секретарь, не говоря больше ничего, сказал: «Поди в прежнее место», куда он и отведен, то-есть в каменныя губернской канцелярии покои, где и сидел он с неделю времяни.

И как он в один день сидел с другими колодниками под окошком, то из оных колодников, — а кто не знает, — говорил: «Вот Василей Федорович Щолоков идет, — пикак он приехал уже с Москвы?» — И в тот же или на другой день пришел в канцелярию, где он содержался, мальчик с калачами, коего он спросил: «Чей ты, мальчик, и от кого ты ходишь с калачами?» И мальчик ему сказал: «Я де хожу со двора Василия Федоровича Щолокова». И он, Емелька, вспомня, что оного Щолокова Филарет называл своим приятелем и хвалил его, что он доброй человек, то оному мальчику говорил он: «Пожалуй, мальчик, скажи бога ради, чтоб Василей Федорович пришол ко мне, и скажи ему про меня, что я донской казак и имею до него нуждицу, пожалуйста, попроси, чтоб пожаловал повидался он со мною». После же сей ево, мальчика, прозьбы спустя недели з 2 оной Щолоков, пришод в канцелярию, спросил: «Кто здесь держитца донской казак?» И он, Емелька, сказал: «Я, мой сударь», и при том спросил Щолокова: «Што, не ваша ли милость Василей Федорович Щолоков?» Ибо он уже, как выше показал, в окошко ево видел. И оной Щолоков сказал: «Я». И он, Емелька, желая пользоваться старанием Щолокова, говорил ему: «Отец Филарет приказал вашей милости кланятца, а притом приказал просить вас, чтоб обо мне бедном, бога ради, постарались и попросили господина губернатора и ково надобно». И оной Щолоков спросил: «Да давно ли ты отца Филарета видел?»

И он, Емелька говорил: «Меня де взяли от отца Филарета с Иргиса еще в филиповки». И оной же Щолоков спросил ево: «Да по какому делу ты сюда прислан?» И он, Емелька, сказал: «Меня взяли по поклепному делу да за крест и бороду». А что он взят по произшедшему от него разглашению, також и что он назывался Петром Третьем, от того Щолокова утаил и не сказал. И оной Щолоков сказал: «Добро, миленькой, я к губернатору схожу и к секретарю и их попрошу». И он, Емелька, говорил: «Пожалуй, бога ради, постарайся о свободе моей, и посули губернатору хоть руб. сотину и больше, також и секретарю, у кого мое дело». И оной Щолоков сказал: «Добро, попрошу». Он же, Емелька, говорил Щолокову: «Пожалуй, обещай подарить кого надобно, вить у меня деньги, слава богу, есть, и оне лежат у отца Филарета, и как скоро вы к нему отпишите, то он к вам пришлет». И потом оной Щолоков, дав денег рубль, от него пошел.

И после сего зачали ломать губернскую и имянно, например, а подлинно не упомнит, как недели через 2 помянутой секретарь позвал его паки в деревянный покой, и, как его привели, то секретарь, не говоря с ним ни одного слова, а только сидя за столом, на него взглядывал, — то, видя он, Емелька, что оной секретарь ни о чем его не спрашивает, говорил тому секретарю: «Пожалуй, мой государь, постарайтесь о свободе, а вашей милости Василей Федорович Щолоков, что обещал 20 руб., отдаст». Ибо думал он, Емелька, что Щолоков, уже его просил и денег дать обещал, но о сем он тогда не знал, — при том же, показав на руках и на ногах положенныя кандалы, говорил, что де оне очень тяжелы и обломили ему руки и ноги. Но оной секретарь на все ево слова ничего не сказал, а только, махнув рукою, выговорил: «Поди в свое место». А как его вывели от секретаря, то в тот же час кандалы с рук и с ног сержант велел с него, Емельки, снять, а положили на ноги ему только легинькия железы, которыя тут же в канцелярии и заклепали.

Как же он, Емелька, содержан был в канцелярии, то никуда его ни на пядь не выпускали; спустя, как с него сняли тяжелые кандалы и наручни, дня с 3, отвели ево в острог, и именно на вербной неделе, где все колодники содержатца. На страшной же неделе великого поста стали

его отпущать из острога для прошения милостыни по городу, за караулом одного салдата, где он повсеместно и хаживал.

Во время ж содержания ево в остроге принашивал в острог к содержащемуся колоднику Замшеву (которой в Казане господам делывал кареты, и его тамо многие знали) называющейся купцом Иваном Ивановым Хлебниковым милостыню, где оной Хлебников, увидя ево, Емельку, и подав милостыню, спросил ево: «А ты де што за человек и откуда?» Которому он сказал, што он донской казак, а прислан сюда из Малыковки. И оной Хлебников спросил же ево, Емельку: «По какому ж делу ты сюда попал?» И он, Емелька, сказал: «Я попал по поклепу, да за крест и бороду, а взяли меня с Иргиса от отца Филарета».

После же сего, как ходил он, Емелька, в Казане за милостынею, то сошолся оной Хлебников с ним на улице, и, поклонясь он, Емелька, оному Хлебникову, спросил его: «Што, Иван Иванович, нет ли каких вестей от отца Филарета?» И о Филарете спросил он, Емелька, Хлебникова потому, што, как он пред сим в остроге сказывал Хлебникову о своем деле и упомянул о Филарете, то оной Хлебников сказал: «Я отца Филарета знаю, и как я у него, так и он у меня бывал». И оной Хлебников сказал: «Слава де богу, всё здорово, и я де за утро пошлю к Филарету человека для причастия». И он, Емелька, говорил тому Хлебникову: «Пожалуй, Иванович, отошли к отцу Филарету — я напишу письмо и к твоей милости принесу, у нево де есть мои деньги, так янапишу к нему, чтоб он пожаловал вашему посланному отдал». Хлебников сказал: «Хорошо, принеси, я перешлю». И потом, дав ему, Емельке, рубль, разошлись.

И по приходе ево в острог просил он содержащагося тут же колодника Ивана Никитина Бичегова, чтоб он написал от имени его к игумену Филарету письмо, чтоб он пожаловал прислал к нему оставленныя у него ево денги с человеком Хлебникова, которой ему по той его прозьбе и написал. А на другой день, как отпустили ево за милостынею из острога, то он пошол на квартиру к оному Хлебникову, которая неподалеку от кремля за мостом, и по приходе, не говоря ни о чем, отдал показанное письмо к Филарету, кое было и не запечатано. И оной Хлебников сказал: «Добро,

я отошлю, а коли отец Филарет пришлёт деньги, то я к тебе принесу». И потом, простясь с ним, он, Емелька, пошол для збирания милостыни по городу, оному ж Хлебникову ни о каких своих злых замыслах, тако же и о побеге своем, ничего не сказывал.

После сего времяни означенной Щолоков приходил к нему в острог 2 раза, а именно в первый раз приносил он всем колодникам милостыню, и в то время, увидя, он, Емелька, оного Щолокова, спросил ево: «Што, Василей Федорович, просил ли ты обо мне господина губернатора и секретаря?» На что оной Щолоков сказал: «Я де просил губернатора и секретаря, и они мне сказали, што, когда де они о тебе дело разсмотрят, тогда и резолюция будет». И он, Емелька, спросил: «Да што ж секретарю, батюшка, обещал ли ты?» И на сие Щолоков сказал: «Я де ему 20 руб. обещал».

А в другой раз Щолоков приходил к нему в острог спустя после первого раза недели с полторы и по приходе, не говоря ничего, подал ему 5 руб. сказав только: «Прими Христа ради», и он, приняв деньги и поблагодарив, спросил ево: «Што, Василей Федорович, не слышно ли чево об моем деле?» На что Щолоков, сказав: «Ничего не слышно», пошел от острога прочь. О злых своих намерениях, также и о побеге ис тюрьмы и что он назывался Петром Третьим Щолокову никогда он, Емелька, не сказывал.

Во время ж содержания ево, Емельки, в остроге познакомился он с содержащимся в том остроге колодником Парфеном Дружининым, и как случалось, что в Казане станут одного ис колодников сечь кнутом, то оной Дружинин говорил: «Што, Пугачов, вот тово и смотри, что как и нас так же выведут да пороть станут». И он, Пугачов, говорил: «Ну, как же быть? Чем переменишь? Вить разве отсюдова бежать?» И оной Дружинин говорил: «Да как же бежать та?» И он, Пугачов, сказал: «А вот как бежать: нас для работы гоняют на Арское поле, так, как туда пойдем, караул-ат за нами не велик, то, сев на судно (а тогда была еще полая вода), да и были таковы». И Дружинин спросил ево: «Да куда ж мы побежим?» И он, Пугачов, сказал: «Премехонько выедем на Иргис». По коим его, Пугачова, словам, как сказывал ему, Дружинин купил лотку, но однако ж, как не могли они найтить к побегу удобного

случая, а между тем реки упали, то сие намерение их бежать водою так и прошло.

Но после того стали они з Дружининым советовать, как бы бежать сухим путем. Но он, Пугачов, говорил: «Вить пешим бежать никак нельзя, а надобно б купить лошадь». На что Дружинин сказал: «Конешно, надобно купить». И он, Пугачов, сказал «Да деньги та где? На што купишь лошадь ту? И оной Дружинин сказал: «Да лошадь я куплю, только как уйдем, то куда мы денимся?» И Пугачов говорил: «Мало места, куда бежать! На Яик, на Иргис, а не то так на Дон! Уш о этом не пекись, найдем дорогу, лишь бы отсюда как выбраться».

После сего разговора помышлял он, Пугачов, что, не подговоря с собою к побегу салдата караульнова, уйтить не только трудно, но и нельзя. Но между тем случилось, что приметил он пришедшего в острог на караул салдата одного из малороссиян, и человек показался ему тихой, не так, как руской солдат, коего он спросил, смеючись: «Што, служивой, служить ли ты хочешь или на волю бежать хочешь?» И оной солдат сказал: «Я б давно бежал, да не знаю, куда бежать та, видишь, стал от своей стороны далеко». И он, Пугачов, сказал: «Бежим со мною да вот с этим человеком», указав на Дружинина, ибо, как он разговаривал с сим солдатом, то Дружинин стоял тут же и весь этот разговор слышал, — на что солдат сказал: «Пожалуй, я готов с вами бежать, куда хотите».

И потом Дружинин сказал ему, Пугачеву, а имянно перед петровым постом, что у него лошадь и с телегою уже куплена, на что Пугачов сказал: «Хорошо, таперь только нам надобно сыскать место, где б эта телега приготовленная стояла». И Дружинин сказал: «У меня есть знакомой поп, так мы поутру выпросимся у офицера для нужды к нему, и тут мы посидим, а сыну своему прикажу я, чтоб он с телегою дожидался нас у церкви, которая против двора того попа». И после сего, — а имянно, сколько он припомнить может, на третей или четвертой день петрова поста, — Дружинин говорил ему, Емельке: «Ну, Пугачов, я уж сыну своему приказал, чтоб сего дня приезжал к показанной церкви и нас бы смотрел у попова двора. Так попросимся-ка мы теперь у афицера». На что он, Пугачов, согласился, и оба пошли они проситца у караульного в

остроге афицера, — а как зовут того афицера, не знает, — и просили его, чтоб он отпустил их для нужды к попу, которой их тот-час и отпустил, за караулом салдат дву человек, в том числе показанной малороссиянин, с коим оне бежать условились, а другой им не знакомой, к попу. И пошли оне з Дружининым оба, но как пришли к попу, то его не застали дома и так, не мешкав ничего, возвратились в острог, и афицер спросил их: «Што вы так скоро пришли?» На то они сказали, что де попа не застали дома, но погодя часа с 3, а имянно как в самые полдни, паки они попросились оба с Дружининым к попу у афицера, который их отпустил за тем же караулом.

Пришли они к попу, застали ево дома. Дружинин, поздоровавшись с попом, как з знакомым человеком, тот-час послал Дружинин попа купить вина, пива и меду. И как поп принес, то пили все, а паче поили незнакомого салдата. И как покупное вино выпили, то Дружинин, еще дав попу денег, послал еще ево за вином. Поп еще принес штоф вина и так напоили опасного им салдата, и потом, простясь с попом, пошли все четверо со двора. Поп проводил их к воротам и, спустя со двора, вороты затворил, а они отошли несколько шагов от ворот, увидели кибитку с лошадью, которою правит Дружинина сын. Дружинин закричал: «Емщик, што возьмешь отвезти в кремль?» Оной Дружинина сын сказал: «5 коп.». Дружинин сказал: «Постой, отвези» и тот-час посадили сперва пьянова салдата в телегу, а подле него сел Емелька, Дружинин и другой салдат, их согласник. И, кибитку закрыв рогожею, поехали из города.

А как отъехали от города верст с 8, то пьяной салдат спрашивает ево, Емельку, «Што, брат, долго едим?» И он, Емелька, смеючись, сказал тому салдату: «Видишь, кривою дорогою везут». И после сих слов, отъехав еще с полверсты, остановились, и пьянова салдата Дружинин, взяв в ахапку, ис кибитки высадил, где салдат весьма оробел и стал, как изумленной (оного ж салдата никто из них не тронули ни волосом). А они, ударив по лошади, поехали большою дорогою, и ночью приехали они все в одну татарскую деревню, — а как зовут, не знает, — в которой жила Дружинина жена з дочерью.

Дружинин, взяв жену и дочь и купя у татарина лошадь, поехали в городок, но, как ево зовут, не знает, — и,

приехав, не ездя в город, в лес, дождались ночи с тем намерением, чтоб увести из городка 2-х дочерей Дружинина, ибо у него тут был ево двор. Но как ходил от них из лесу в город сын Дружинина и проведал, что уже в доме Дружинина стоит караул, то они тою ж ночью чрез город проехали, так что никто их не видал, и, доехав до Куравского перевоза, переехали чрез реку Вятку, а оттуда на Керженки, а от Керженки ехали на Котловку, где переехали оне реку Каму, и приехали в село Сарсас.

И по приезде пришло ему в память, что когда держался он в Казанской губернии, то в то время, привожены были из оного села на поселение крестьяня, и приводец оных, того же села крестьянин, Алексей Кандалинцов, узная о нем, Емельке, что он з Дону, и думая, что он раскольник, с ним познакомился и по тому знакомству сперва спросил ево, откуда он прислан, и как он сказал, что прислан с Иргиса от отца Филарета за крест и бороду, то оной Кандалинцов сказал, что Филарет и ему знаком и он к нему ездит, после чего оный Кандалинцов давал ему милостину и очень был к нему ласков, почему и захотелось ему с ним повидатца, и для того сыскал ево в том селе.

И, увидясь с ним, Кандалинцовым, спросил его, нет ли у него лошади, чтоб его, хотя ис платы, верст 20 подвес, потому што у них стали лошади. И оной Кандалинцов сказал: «Да куда тебе ехать? Ты побудь у меня». И он, Емелька, сказал: «Вить, видишь, нас — Садом: мы же бежали ис тюрьмы, так как тебе нас всех держать? Да и кормить та убытошно». И потом, запрягши лошадь в телегу, поехали — Дружинин на своих лошадях, а он с Кандалинцовым позади.

И едучи дорогою Кандалинцов спросил ево: «Куда де ты едишь?» Он сказал, што еду на Яик, а оттуда на Иргис. И Кандалинцов сказал: «Пожалуйста, отстань ты от товарыщей, а я с тобой и сам поеду. Готово[1] я один ехать хотел же». И так условились они Дружинина оставить: «Как де станим кормить лошадей, так де ты спрячься где ни есть, и они де поищут тебя, да вить стоять не станут, уедут, а как уедут, так и приди на ту фатеру, на которой остановились», что он, Емелька, и исполнил.

---

[1] *Так в подлиннике.*

И Дружинин, жена ево, сын, дочь и салдат малороссиянин поискали, поискали ево да и поехали одне. А он с Кандалинцовым поехал в село Сарсасы попрежнему и жил у Кандалинцова недель с 5, Кандалинцову ж ни о каких своих злых замыслах не ведал, и он ему, кроме что о бежании им ис казанской тюрьмы, ни о чем не сказывал. Где ныне показанные Дружинин и малороссиянин солдат, он не знает, да и прежде, до поимки ево, Емельки, в злодейской его шайке оные не были. Как он, Емелька, з Дружининым ис Казани бежал, то ехали они до показанного села Сарсасы большою дорогою и весьма тихо, но однако ж никакой погони они за собою не видали, да и по дороге ни от кого не слыхали.

Поживши у Кандалинцова, — как выше он показал, — недель с 5, оной Кандалинцов поехал с ним, Емелькою, на ево лошадях на Яик, и, не доехав до городка версты с 4, попалась им навстречу баба, которую он спросил: «Што, молодушка, можно ли пробратца на Яик?» И оная им сказала: «Коли есть у вас пашпорты, так, пожалуй, поезжай, а кали нет пашпорта, то тут есть салдаты, так вас поймают». И они, испужавшись сих слов, не ездя на Яик, поехали на умет, то-есть постоялый двор, к куму, называемому Еремина Курица. Но, не доезжая до оного умета, Кандалинцов, увидев едущих из Яика порожняком Мечетной слободы мужиков, говорил ему, Емельке: «Оставайся ж де ты здесь, а я поеду в Мечетную». И он, Емелька, сказал: «Мне де никак в Мечетную ехать нельзя, меня там схватают. Да как же мне остатца и здесь одному пешему на степи? Вить так поймают. Так продай ты, бога ради, мне своих та лошадей». На что Кандалинцов согласился и лошадей продал за 20 руб. И потом, с ним раставшись, поехал к умету Ереминой Курицы, но к нему не показался того вечера, а приехал к нему на двор по утру, накануне успеньева дни.

И как увидел ево Еремина Курица, то спросил ево: «Как ты, Пугачов свободился?» И он ему сказал: «Бог помог мне бежать, так я ис Казани ушол». И Еремина Курица сказал: «Ну, слава богу, што бог тебя спас!» И он, Емелька, спросил Еремину Курицу: «Што, брат, не искали ли меня здесь?» И он сказал: «Нет». Емелька же спросил: «Што слышно на Яике?» И Еремина Курица сказал: «Смирно». Емелька спросил же: «Што, Пьянов жив ли?» И Еремина

Курица отвечал: «Пьянов де бегает, для того что проведали на Яике, што он подговаривал казаков бежать на Кубань».

И, побыв у Ереминой Курицы 2 дни, оной позвал ево, Емельку, в баню, и он ему сказал: «У меня рубашки нет». И Еремина Курица сказал «Я де свою рубашку дам». И потом пошли только двое в баню. А как взошли в баню, и он, Емелька, разделся, то увидел Еремина Курица на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран знаки и спросил ево, Емельку: «Што у тебя это такое, Пугачов, на груди та?» И он, Емелька, догадался, что, конечно, ему Пьянов о том, что он (как выше сего показал), Пугачов, бывши на Яике, называл себя Петром Третьим, сказал, то он, Емелька, сказал Ереминой Курице: «А это знаки государския». И Еремина Курица, услыша оное, сказал: «Хорошо, коли так».

И он, Емелька, спросил Еремину Курицу: «Што ж, как ты думаешь, будут ли яицкие казаки согласны и примут ли меня?» И на сии слова Еремина Курица говорил: «А вот ко мне скоро будет казак Закладнов, так я ему поговорю, чтоб он прислал ко мне хорошева человека, ково я знаю».

После сих слов Закладнов к Ереминой Курице приехал, а как приехал, то Еремина курица сказал Закладнову про него, Пугачова, что он — Петр Третий: «И скажи де ты Караваеву, чтоб он сюда приехал, мне де надобно с ним поговорить». Закладнов, посмотря[1] на него, Емельку, и не говоря ничего, тот же день поехал на Яик, а как Закладнов уехал, то Еремина Курица сказал ему, Емельке: «Вить де я Закладнову о тебе, что ты — Петр Третий, поведал».

Спустя после сего дня с 3 приехал к ним Караваев и сперва говорил не знаемо что с Ереминой Курицей, а потом взошед в избу оной Караваев и подошед к нему, Емельке, говорил: «Мне де Еремина Курица сказывал про тебя, что ты — Петр Третей». И он, Емелька, сказал: «Так, подлинно есть я Петр Третей и примут ли меня ваши казаки?» На сие Караваев сказал: «Я теперь тебе ничего сказать один не могу, а поеду домой и скажу хорошим людем, так пускай и они приедут к тебе, так тогда и положим, как делу быть». И он, Емелька, спросил: «Да когда ж вы сюда будите?» И Караваев сказал: «Да мы де будем в середу»

---

[1] *В тексте: «посмотри»*

И он, Емелька, сказал: «Хорошо, приезжайте, а я между тем съезжу в Мечетную и в середу назад буду». И отобедав Караваев поехал на Яик.

По отъезде ж ево советовал он с Ереминой Курицой, что, как Караваев и другие казаки в середу приедут к ним и что-нибудь о нем положут, так «вить это надобно написать, а у нас грамотея нет, так я хочю съездить в Верхней монастырь и там взять писаря, — так он покуда и станет всякия дела писать, а к тому ж мне надобно съездить в Мечетную к куму и забрать у него рубашки и лошадь». И так Еремина Курица согласился и тот же день, севши в телегу на дву лошадях, поехали и сперва заехали на хутор Верхнева раскольнического монастыря и спросили, нет ли тут какого письмянного человека, где им сказали, что нет. И Еремина курица пошол в монастырь, нет ли тамо такого письмянного человека, но, возвратясь, сказал что и там такого человека нет.

И он, Емелька, Ереминой Курице говорил: «Съездим же мы в Мечетную к куму для взятья рубах и лошади, которая осталась после взятья ево в Малыковку под караул. И, оседлав он, Емелька, свою, а Еремина Курица выпросил у старцов лошадь, поехали в Мечетную верхами. А как приехал к куму, и его дома не было, а сказал сын ево, что он возит с поля хлеб, но однако ж скоро приехал и, как приехал домой, то он, Емелька, спросил того своего кума: «Што, братец, где мои остались у тебя рубашки, рыба и лошадь?» И на то оной кум сказал, што это все у него взяли в Малыковку, да и ему было хлопот. И он, Емелька, сказал: «И кому это взять? Оно все у тебя». И оной же кум спросил ево: «Да как же ты ис Казани та вышел?» И он на то сказал: «Слава богу, бог освободил!» И кум же ево спросил: «Да есть ли у тебя пашпорт?» Он сказал: «Есть». И кум спросил: «Да где ж он?» И Емелька сказал: «Вон де у меня пашпорт лежит в телеге для тово, што, видишь, идет дозжик, то, штоб не замочить, и оставил в телеге».

Догадался он, Емелька, что кум собирается его изловить, то, тот же час севши на лошадь, поехал с Ереминой Курицей в монастырь к старцу Пахомию. И коль скоро они в оной монастырь взошли, то монахи закричали: «Смотрите! За вами погоня!» И он, Емелька, услыша оное, говорил: «Еремина Курица, убирайся за Иргис», Он на то ска-

зал: «Ты поезжай себе, а мне чего бояться и от чего бежать?» И он, Емелька, сев в лотку, чрез Иргис переехал и пошел в лес, а Еремина Курица остался в монастыре. И как уже он переехал через реку, то слышен был голос Ереминой Курицы, что его били, и он кричал. Был он, Емелька, на той стороне Иргиса часа 3 ночи, а как уже люди угомонились, то он, переехав к хуторам монастырским и впрегши свою лошадь в телегу, тайно от старцов поехал на умет к Ереминой Курице.

И по приезде на умет только што выпрег лошадь, то пришол к нему Караваев и сказал: «Я де привез Шигаева, так пойдем де к нашей телеге, а здесь де много людей ездят, так еще кто увидит». Почему он, Емелька, и пошел. Тут, нашед Шигаева, поздоровались и, как время было около обеда, то они все трое сели есть, а как сели, то в степи увидел он, Емелька, 2-х разъезжающих в степи неподалеку от них на лошадях верхами казаков и спросил: «Што это за люди разъезжают?» Шигаев сказал: «Это де наши казаки — Зарубин, он же Чика (и после будет называтца Чернышовым), и Мясников». И как оные казаки стали подъезжать к ним блиско, то Шигаев сказал ему, Емельке: «Встань, пожалуй, да пойдем поодаль, чтоб они тебя не видали. Зарубин ать человек некрепкой, он разболтает, так де дела та мы не зделаем, а хлопот наведем». И так он с Шигаевым несколько сажен и удалились.

Зарубин и Мясников, подъехав к Караваеву, спросили: «Што ты делаешь здесь?» Караваев сказал: «А вот стреляем сайгов». И Зарубин сказал: «Што вы таитесь? Мы знаем, чего вы здесь ищите, да вить и мы того же ищем». И Караваев сказал: «Ну, коли вы уж знаете.», то Караваев закричал: «Шигаев, подите сюда», почему он и Шигаев и пришли и пришед поздоровавшись сели есть.

А как сели, то Караваев говорил ему, Емельке: «Ты де называешь себя государем, а у государей де бывают на теле царские знаки», то Емелька встал з земли и, разодрав у рубашки ворот, сказал: «На вот, коли вы не верите, што я государь, так смотрите — вот вам царской знак». И показал сперва под грудями, как выше сего он говорил, от бывших после болезни ран знаки, а потом такое же пятно и на левом виске. Оные казаки Шигаев, Караваев, Зарубин, Мясников, посмотря те знаки, сказали: «Ну, теперь верим

и за государя тебя признаем». И потом, поевши арбуза, встали, и Шигаев сказал: «Ну, братцы, я ево до времяни отвезу к себе на хутор». А Зарубин сказал: «Нет, у тебя на хуторе много людей ездют, так опознают, а лутче я ево возьму на свои руки». И Шигаев сказал: «Возьми хоть ты, только надобно зберечь».

И потом все они пятеро поехали под Яицкой городок, но, не доезжая до города, как был час ночи, заехали на умет, которой на большой дороге. Шигаев и Караваев, поужинав на умете, поехали в город, сказав притом Шигаев: «Нам надобно в город въехать так, чтоб никто нас не видал». А он, Емелька, Зарубин и Мясников, начевав на умете, поутру поехали, и, едучи дорогою, Зарубин сказал ему: «Я де тебя, надежо государь, повезу к Кожевникову». И потом ехали они трое целый день вместе, а как стало к вечеру, то Зарубин поехал наперед один, и потом скоро возвратился и идет уже им навстречу пешком сам друг. И подошед пришедшей с ним, то-есть Андрей Кожевников, поклонясь сказал ему: «Милости прошу, только опасаюсь я, чтоб не проведали». И он, Емелька, сказал: «Пожалуйте, детушки, поберегите меня и не выдайте, а я вас заступать рад». И потом пришли в дом Кожевникова, где и ужинали.

С сего времяни стали уже все казаки, которых к нему пристали, называть его, Емельку, надежой государем.

Отужинав, Мясников поехал в город, а Зарубин и он остались у Кожевникова. А на другой день поехал в город и Зарубин, но на другой день приехал опять и привез с собою казацкое знамя, сказав: «Вот, надежа государь, это знамя было в походе, но я его атаману не отдал, а теперь вашему величеству оно изгодилось», за что он, Емелька, Зарубина похвалил и сказал: «Да нет ли де еще знамен та?» И Зарубин сказал: «Есть кое у кого у наших, так де я поищу».

Пожив у Кожевникова в доме неделю, оной Кожевников ездил в Яик и по приезде сказал ему: «Ну, надежа государь, убирайтесь — из города собирается сыскная команда вас ловить». Он, Емелька, испужавшись, сев на лошадь и взяв с собою Зарубина и Мясникова, поехали, и оные Зарубин и Мясников провезли его верст 30 на реку, называемую Усиху. И по приезде, покормя лошадь, Мясников поехал в город для разведания, што там делаетца, и в кото-

рос место команда паряжена, а он, Емелька, з Зарубиным остался один на Усихе. Но как им стало скушно, а притом хотели сведать, што не была ли команда у Кожевникова, того же дня, как до вечера часа за 2 поехали на хутор к Коновалову, ибо оной подле Кожевникова в соседстве, а к Кожевникову ехать они побоялись.

Приехав вечером к Коновалову, спросили ево: «Што, Василей Семеныч, не было ли из города присылки?» Оной им сказаль «Нет, все было тихо». Потом пришли к Коновалову Михайло и Сидор Кожевниковы, и из них Сидор говорил (на спрос ево, Емелькин, што в городе делаетця), что де «в городе стали, было, наряжать для поимки вас сыскныя каманды и объехали кругом города, но, как никово не нашли, то каманды приехали в город, и таперь, слава богу, все утихло. Я де только што приехал из города». И потом тою же почью до свету из дому Коновалова он, Емелька, Зарубин, Коновалов, Михайла и Сидор Кожевниковы поехали опять на Усиху.

А как приехали на Усиху, то того ж дня в вечеру, приехал к ним из города показанной Мясников. И как он его спросил, што в городе говорят, то оной Мясников сказал: «В городе де старики положили, чтоб вашему величеству здесь жить до того времяни, как пойдут казаки все на плавную, а как соберутца, так де те, которыя с нами согласны вас принять, те все и отберутся от несогласных да и приедут сюды».

После сего спустя приехали к нему, Емельке, тут же на Усихину[1] казаки Дмитрей Лысов да Козьма Иванов, — прозвания не знает, — из городка, которыя, сказав ему, что в городе тихо, и казаки де положили принять ево, Емельку, как пойдут на плавную, и, побыв у него не больше, как час времени, поехали обратно в город, коим он, Емелька, говорил: «Пришлите ко мне писаря да кафтан», с чем оне и поехали.

После сего вскоре приехали из города 2 или 3 казака, — а имян их не помнит, — и привезли к нему 7 старых знамен казацких. А как оне были ветхи, то приказал он Михайлу Кожевникову, чтоб он их починил и совсем, как надобно, приготовил, почему оной Кожевников те знамена и отвес к

---

[1] *Так в подлиннике.*

себе на хутор. После сего вскоре ж приехали к нему казаки Иван Почиталин да Василий Якимов и привезли с собою канаватной бешмет да кафтан и шолковый кушак. И он, Емелька, спросил: «Кто это ко мне прислал?» И Почиталин сказал: «Это — мое, я вашему величеству кланяюсь». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую, я тебя не оставлю, и будь ты при мне секретарем».

После сего скоро ж приехал к нему Яицкого ж войска казак ис кибиток Идорка, татарин некрещеной, да другой с ним Баранга, коих он спросил, зачем они к нему приехали. И оне сказали, что приехали ево погледеть и проведать и служить ему. Он им сказал: «Хорошо, послужите, я вас не оставлю, бутьте при мне».

В тот самой день приехал из города казак меньшой Кожевников, — но, как зовут, не помнит, — и сказал ему: казак де, — коему сказал и имя, но он теперь не помнит, — при народе в городе пьяной выговорил, что де царь стоит на Усихиной, коего де казаки взяли под караул, а сюда де послана каманда, да брата де Михайлу также уж приезжая из города каманда взяла (это самой тот Михайло, которой чинил знамена, и оные уже опять переслал к нему, Емельке).

И как он сии вести услышал, то он, испужавшись, закричал: «Казаки, на кони!» И потом поскакали, а куда, не знает, но, как несколько от того места, где их был табор, отскакали, то он, Емелька, спросил Зарубина и Почиталина: «Куда-ж это мы едим?» И на то Зарубин и Почиталин сказали: «Ехать больше некуда, как поедим на хутор к Толкачовым». Сей хутор от их табора верстах в сороке, а от городка верст со 100. При отъезде их с табора остался у них безлошадной казак, приехавшей с Почиталиным, Василей Якимов, о коем опосле он сведал, что его взяла посланная каманда под караул.

Не доезжая Толкачовых хуторов, послал, он, Емелька, Почиталина вперед с тем, чтоб он их спросил, примут ли они ево к себе. Почиталин поехал, и чрез несколько часов едит он неподалеку от хутора Толкачевых к ним навстречю, и он, Емелька, спросил Почиталина: «Што, примут ли меня?» На что Почиталин сказал: «Я де только Андрею Толкачову сказал, что едит к вам на хутор государь, то вы ево примите ль? — и оной Толкачов сказал:

«Добро пожаловать, мы ево примем с радостию». Почему они и приехали прямо на его, Толкачова, хутор. Толкачов был ему рад.

Как же он поехал на хутор, то упомянутые татара, Идорка и Баранта, с ним не поехали, а сказали, што «мы де поедим домой и скажим об вас другим своей братьи татарам, и когда де вы пойдете в город, так мы вить вас увидим, то тогда за вами и пойдем вместе; ежели ж вы не пойдете, так мы и останемся в своих кибитках».

Разставшись с оными татарами и прежде еще посылки Почиталина к Толкачову на хутор, говорил он, Емелька, Зарубину и Почиталину: «Што мы едим к Толкачову собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас писменнова ничего нету, што б могли народу объявить». И потом сказал Почиталину: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко», ибо он не знал, чтоб сказать: «Манифест напиши». И оной Почиталин и все, остановясь в поле, писал, что хотел, ибо он не одного слова не знал, как бы написать надобно, и по написании ему при Зарубине, Коновалове, Михайле и Сидоре Кожевниковых оную написанную им бумагу прочол, о которой притом Почиталин сказал, что де это манифест и надобно де вашему величеству подписать самому. Емелька сказал: «Подпиши ты, а я до времяни подписывать не буду». А как Почиталин названный манифест прочол, то, как ему, Емельке, так и показанной его сволочи пондравился больно, и оного Почиталина как он, так и все хвалили и говорили, што Почиталин гораст больно писать.

И потом приехали к Толкачову, который его принял. По приходе в избу Чика говорил Толкачову: «Поди шь, Толкачов, скажи своим соседям, што государь приехал и штоб они к нему пришли», ибо подле оного Толкачова хуторов много поселено. По сим словам Толкачов пошол, и весьма скоро нашло к нему, Емельке, народу человек, — как помнитца ему, — больше 40, между коими были по имяном ему знакомы Яким Давилин да Степан Щолохов, а другим никому имя в той куче он не знал. И как эти люди вобрались в избу, то он, Емелька, приказал Почиталину показанную написанную им в поле бумагу читать, но прежде читанья говорил он собранной куче: «Слушайте, детушки, што будет читать Почиталин, и будьте мне верны

и усердны, а я вас буду жаловать». И потом Почиталин стал читать, а как прочол, то он, Емелька, всех спросил: «Што, хорошо-ль? И вы слышали-ль?» На што все единогласно закричали: «Хорошо, и мы слышали и служить тебе готовы!» А как Почиталин ту зделанную им скверную бумагу читал, то все люди были тогда в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весма прилежно.

И потом он, Емелька, той собранной злодейской его куче говорил: «Ну, таперь, детушки, поезжайте по домам и разошлите от себя по фарпостам и объявите, што вы давича слышали, как читали, да и што я здесь». И они единогласно сказали: «Слышим, батюшка, и все исполним и пошлем как к казакам и к калмыкам». И он, Емелька, им сказал: «Хорошо, и завтра рано, севши на кони, приезжайте все сюда ко мне». Почему сия толпа вся и разошлась. Сбираться ж он сей толпе приказывал для того что, как еще они ехали к Толкачову на хутор, то тогда положил он з Зарубиным, Кожевниковыми, Почиталиным, чтоб, сколько на хутор людей не зберется, мало или много, однако ж ехать в город и, ежели удасца, то завладеть городом, а противников наших всех перевяжем, а буде удачи не будет, и нас мало будет, то уже тогда бежать им, кто где спастись может.

А по сему условию он, Емелька, то свое намерение и исполнил, то-есть на другой день поутру с фарпостов и из домов съехались русских казаков и калмыков человек с 60, и, севши на лошадей и взяв с собою вышеупомянутые 7 знамен, пошли, распустя оные, к Яику. И как пришли к кибиткам кочующих татар, кои причислены к Яицкому войску, где вышел с татарами помянутой татарин Идорка з другими татарами, — но, сколько числом, не знает, — и Идорка, подшед к нему, Емельке, говорил: «Не изволишь ли, государь, написать письмо и послать к Марали хану, што вы здесь находитесь, и штобы он прислал к вам на помощь войска, а я думаю, что он пришлет человек 100 другое». И Емелька сказал: «Хорошо б послать, да кто ж письма та напишет?» И оной Идорка сказал «У меня напишет сын мой Болтай». И Емелька сказал: «Ну, хорошо, вели ж сыну та хорошенько написать», которой и написал, но, что было написано, он не знает. И потой оной Идорка с тем письмом послал каманды своей татарина, — как зовут, не

знает, — но как пришли они к татарским кибиткам вечером, то уже туту и начевали. Сия их станция была от города не более, как в 40 верстах, но только из города никакого поиска не было.

На другой день пошли оне к Яику и, не дошед до города верст 5 остановились. А как остановились, то толпа его стала час от часу умножатца, и собралось ее как, например, до двусот человек. А как оне пришли на оное разстояние, то[1] увидел он, Емелька, стоящую под городом каманду казаков и полевую лехкую каманду ж, которая стояла неподвижно. И он, Емелька, желая, чтоб его в город пустили без драки, то, по совету бывших при нем Почиталина, Зарубина, Кожевникова и Коновалова, велел он Почиталину послать к казачьему камандиру Акутину написанной им злодейский манифест с тем, чтоб он прочол ево во всем войске. И с тем манифестом злодейским послал Почиталин казака Быкова, который отвес и отдал Акутину, но Акутин не читав отдал офицеру Крылову, а Крылов, так же не читав, положил в карман. Быков по подаче Акутину возвратился к нему и об оном ему объявил.

За оным вслед пришол к нему из означенной городской каманды казак Андрей Овчинников и привел с собою несколько казаков, а за Овчинниковым пришол ис той же городской команды казак Дмитрей Лысов с другими казаками и по приходе сказали ему, что де «манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили, и казаки де почти все желают тебе служить». Но как уже стала наступать ночь, то он своею злодейскою шайкою пошол к реке Чиган. А как скоро он с прежнего места спол, то из городской каманды послана за ним в погоню каманда с старшиною Андреем Витошновым, человеках в 200, где был и вышеписанной Шигаев. Он, Емелька, увидя ту каманду, остановился и стал нажидать на себя, думая, что оне станут с ним дратся, ибо и у него было его толпы человек так же з 200. Но оной Витошнов дратца с ним не стал, а пристал с камандою к нему. А как пристали, то каманды ево, Емельки, казаки Овчинников, Давилин, Лысов, — одним словом, почти все привели к нему 11 человек связанных и приносили на них разные жалобы, — но, кто оные 11 чело-

---

[1] *В тексте «по».*

век казаки имянами, не знает, — и он, Емелька, на то их жалобы сказал: «Держите их до завтре под караулом, а завтре резолюция будет».

А потом того вечера перешли речку Чиган и тут начевали, а поутру означенныя просители все к нему приступили и говорили, чтоб он от оных 11-ти человек их избавил, и он, Емелька, видя столь сильную их жалобу и хотя их тем удовольствовать, чтоб оне к нему были усерднее, а другим, кои ему не хотят быть верными, подать страх, приказал казаку Ивану Бурнову тех 11 человек повесить, которой по собственному своему желанию и повесил, а показанные просители после тех повешенных разделили по себе бывшую на них одежду.

Запамятовал он, Емелька, выше сего показать, коим образом в первой день приходу его с своею сволочью под Город Яик, и имянно прежде еще посылки от него в стоящее подле города верное войско с злодейским манифестом казака Быкова, повесить он, Емелька, приказал верных войск казака Шкворкина. Как он с своею сволочью был на походе ис Толкачова хутора, то, не доходя до городка верст 12, привели к нему оного Шкворкина его злодейския казаки, — имян их не знает, — и сказали ему, Емельке, что де этава Шкворкина поймали они кроющагося в хуторах, а он де послан шпионом из городка разведать о вашем величестве. И он, Емелька, спросил сам того Шкворкина: «Зачем ты здесь по хуторам позади моего войска ездишь? И откуда ты послан?» На что оной Шкворкин сказал: «Я де послан от старшины Мартемьяна Бородина из городка проведать об вас, где вы идете и сколько у вас силы, а проведав о том, ему сказать, чево де ради стороною мимо вашей силы и пробирался опять с тем известием, что где вы идете в городок». И он, Емелька, выслушав сии слова, сказал тому Шкворкину, сидевши на лошади и не останавливаясь: «Ты — человек молодой, и должно было тебе мне служить, а ты еще поехал против меня шпионничать, а тебе б, коли мне хотел служить, так сидеть уже было дома, а проведать та бы пусть ехал кто постарея и посмышленея тебя. И потом, выговоря эти слова, оного Шкворкина так и оставил едущего в его шайке. Но, как приехал он с своею злою шайкою на хутор, — а чей не знает, — и остановились отдыхать, и он и все слезли с лошадей, то, тот-час подошед

к нему, Емельке, вдое казаков — Яким Давилин да Дубовов, — а как зовут, не знает, — говорили, приветчи оного Шкворкина с собою: «Надежа государь, прикажи сего злодея повесить. Отец ево нам делал великия обиды, да и он, даром што молот, но так же, как и отец, нас смертельно обижал». А притом и другия злодейской его артели казаки в розные голоса закричали: «Подлинно, он батюшка, плут, прикажи его повесить — таковской». И он, Емелька, не размышляя нисколько, сказал: «Ну, кали он такой худой человек, так повесить его», которого тот-час схватили и тут же при нем и перед всею сволочью повесили, — но, кто имянно вешал, не знает.

В самое то время, как повесили Шкворкина, пришол к нему татарской мулла и говорил чрез переvotчика, помянутого выше [*сына*] сего Идорки: «Киргиса-каисацкой Мурали хан приказал вам кланятца и прислал в подарок вам чекал», который ему и отдал. И он, Емелька, велел того татарина спросить, што он за человек и зачем прислан. И оной отвечал: «Я де мулла и прислан поклонитца, а притом и вас посмотреть для того, что я бывал в Москве и в Петербурге и государя видал». На что он, Емелька, велел спросить: «Што, узнал ли он меня, что я государь?» На что оной мулла отвечал чрез оного Идорку: «Как не узнать? Я узнал, что ты государь». И потом оной мулла говорил: «Марали де хан приказал ваше величество просить, чтоб вы написали к нему писмо». И он, Емелька, Идоркину сыну Болтаю приказал написать письмо в такой же силе, как и первое к нему было послано, то-есть, чтоб он прислал к нему на помощь своего войска хотя б человек 200.

И в оных обоих к Мурали хану письмах велел себя он, Емелька, именовать императором Петром Третьим. И по написании того писма оной мулла от него поехал. Что ж в письме Болтай написал, он не знает, оного муллу ничем он, Емелька, не дарил для того, что у него и у самого денег ни копейки не было. Оную ж от Мурали хана силу требовал он не столько для помощи разбойничать, как для славы такой, что ему и уже орды прикланяютца.

Коль скоро муллу он отпустил, то яицкие казаки, — кто, имяны не знает, — привели к нему сержанта и сказали, что де он из Яицкого городка от камендanta послан

по всем [*фарпостам*] до Астрахани курьером. И он, Емелька, спросил, есть ли у него письма и куда он едет, на что оной сказал ему, что «я де еду по фарпостам, чтоб стояли караулы осторожно, для того, што де орда пришла к Яику». И он, Емелька, сказал: «Ну, кали ты за этим послан, так поезжай», которой, было, и поехал, но подводчик, яицкой казак, не повезя оного сержанта в путь, а пришод сказал казаку Давилину: «Этот де сержант государя та обманул, вить де он везет указы во все места, чтоб государя та везде ловить, и называют его не государем, а донским казаком Пугачовым».

И оной Давилин того сержанта привел к нему, Емельке, и об оном о всем ему рассказал, причем и взятыя у того сержанта тем Давилиным бакеты ему отдал. И он, Емелька, те бакеты велел Почиталину распечатать и прочесть, который при всех злодейской его шайки людях и читал, в коих было написано, чтоб везде ловить его, Емельку, и точно сказано о нем, что он — беглый донской казак Емельян Пугачов. И он, выслушав, те указы велел изодрать и бросить, а сам говорил при всей своей сволочи слова такие: «Што Пугачова ловить? Пугачов сам идет в город, так пусть, коли я Пугачов, как оне называют, возьмут и свяжут, а коли я государь, так с честию примут в город». И потом кричал на того сержанта, для чего он ево обманул и не сказал правды, и тот-час закричал: «Приготовьте висилицу», кою и приготовили при глазах оного сержанта. Сержант, кланяясь ему в ноги и плачучи, говорил: «Виноват перед вашим величеством, помилуй, я вину свою заслужу вам». А злодейской шайки его казаки закричали: «Што на него смотреть? Прикажи повесить!» Но он, слыша, что оной сержант обещался ему служить да и показался ему человек молодой и что объявил, что он и писать умеет, а как у него был писарь только один Почиталин, то сего ради говорил он, Емелька: «Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, пусть ево и мне и вам служить станет», почему вешать его и не велел, а остался в команде Почиталина писарем.

После того как повешены [*были*] вышеозначенные 11 человек за речкою Чеганом, того же утра пошол он со всею своею воровскою артелью, коей уже набралось сот до 5-ти, и все яицкие казаки опять к Яицкому городу, и как подошли

на пушечный выстрел, то вышедшая из города команда стала по его сволочи стрелять ис пушек, но однако ж из его толпы не одного не ранили, да и ядры, как ниско опущены были пушки, до них не доходили. Он, Пугачов, простоя на том месте с час и видя, что к городку под пушки подойтить неможно, то, по совету Андрея Овчинникова и Дмитрия Лысова, Шигаева, Витошнова от города, не слезая с лошадей, поворотил со всею толпою прочь от городка и пошли вверх по Яику.

И, отошед верст 20 остановился для корму лошадей и потом собрал он круг, и в том кругу пожаловал он, Пугачов, злодейской своей толпы способников своих во всех злых его делах бывших яицких казаков, а имянно: Андрея Овчинникова — атаманом, Дмитрия Лысова — полковником, Андрея Витошнова — есаулом и других, — а кого имянно, не упомнит, — в разные казацкие чины, то-есть в сотники и хорунжия. И как он тех всех изменников теми чинами объявил, то они кланялись и целовали руку ево, Емелькину.

В то же самое время показанного сержанта, которого он не повесил, спросил он, Емелька, умеет ли он написать присягу, и оной ему сказал: «Умею», — то он, Емелька, сказал: «Поди-шь, напиши как водитца поварове [?]». Оной сержант, доколе еще круг не разошелся, тот-час написав, принес к нему, и он, Емелька, взяв присягу, отдал Почиталину и велел громко, чтоб вся его сволочь слышала, прочесть, которой и читал, а как прочол, то все единогласно закричали: «Готовы тебе, надежа государь, служить верою и правдою».

В сей злодейской составленной мерской бумаге написано было, сколько помнит он, что называли его Петром третьим и что тут же [*было*] написано, что он жалует Яицкое войско, которые ему, Емельке, верно служить будут, рекой Яикой с верх до устья, рыбными ловлями и всеми морями и лугами. Эти последние слова написаны по прошению злодейской его шайки яицких казаков, ибо они его о том просили, где также по прозьбе ж их написано, что жалует он их вольностью, крестом и бородою.

После сего злого совещания показанных Овчинникова и Лысова, как главных своих в сем зле сообщников, спросил он, Емелька: «Куда ж отсюда мы пойдем?» (о сем он спро-

сил потому, что он нимало о сей дороге не ведал, равно и какие там города есть). И оные ему сказали: «Отсюда де пойдем мы чрез все фарпосты нашего Яицкого войска, кои де с нами согласны, и их всех поберем за собою», а, не доходя до Илецкого городка, Овчинников в городок поедит один наведатца, примут ли ево, Емельку, илецкие казаки. И Лысов сказал: «Как не принять?»

И потом пошел он со всею своею сволочью по берегу реки Яика, проходя все фарпосты без малейшего супротивления, на коих фарпостах взяли они или, лутче сказать, фарпостные караульщики отдали, — 3 чугунные пушки со всеми снарядами. Сколько тех фарпостов прошол, и как те фарпосты назывались, и кто имянно на тех фарпостах камандиры были, он не знает, а может о том показать Овчинников, ибо он, как выше сего показал, в тех местах никогда не бывал.

Сколько помнитца ему, шли они до Илецкого городка трои сутки, и потом, не доходя Илецкого городка верст за 7 вся толпа остановилась, и он, Емелька, взяв от Почиталина 2 написанные злодейские возмутительные манифеста, отдал Овчинникову с таким приказом, чтоб он, кали ево впустят в город, то б один его злодейской манифест отдал атаману Лазареву, а другой — илецким казакам с тем, чтоб Лазарев тот манифест при собрании казаков прочол, а буде он читать не станет, то б прочли казаки сами. Оной Овчинников с сими скверными бумагами поехал, взяв с собою казаков 6 человек.

Овчинников поехал от него, Емельки, в Илецк уже вечером, а поутру на другой день рано прислал Овчинников к нему, Емельке, яицкого казака с тем, что де Илецкое войско принять его, Емельку, желают и встретят де его, Емельку, с хлебом и солью. И он, Емелька, услышав эти слова, тот-час собравшись со всею своею артелью, поехал в Илецк. И как подъехал он к городу, то встретили его за городом 2 попа в ризах со крестом, а казаки з знаменами, кои, как он равнялся против их, и уклоняли. Он, Емелька, а потом и вся его толпа спешились, и он, подошед ко кресту, приложился, а как приложился, то попы целовали его, Емелькину, руку. По входе в город пошол прямо в церковь и приказал петь за здоровье Петра Федоровича, знав он, Емелька, что он давно скончался, молебен, где

попы молили за него бога, а в эктениях ли или в чом другом, как он человек безграмотный и устава церковного ничего не знает, того сказать он не может, — только слышал он, што много раз пели: «Господи, помилуй».

По отпении молебна помянутой сержант отдал написанную Почиталиным изменническую присягу попу. Поп оную читал и после присягнул, а потом приводил илецких казаков к оной, но целовали ли крест и евангелие, он не знает, потому что он, Емелька, по отпении молебна ис церкви скоро вышел.

По выходе ис церкви пошол он в дом Творогова Ивана, потому что тут ему Илецкое войско отвело квартиру, а прежде ево не знал. По приходе к Творогову спросил он Овчинникова: «Где здешней атаман Лазарев?» Овчинников ему сказал: «Я его арестовал». И он, Емелька, спросил: «За што?» И Овчинников говорил: «А вот за што арестовал. Ваше величество приказали, чтоб посланной от вас манифест он прочол казакам, но он читать не стал, а положил в карман. Он же де разломать приказал чрез Яик мост и вырубил 2 звена, чтоб вам с войском перейтить было нельзя, а после хотел уже и бежать». И как скоро Овчинников сии речи окончил, то Творогов, Горшков и все сколько ни было в избе у Творогова илецких казаков все заговорили, что оной Лазарев великия им делал обиды и их раззорял. Он, Емелька, выслушав все сии слова, Овчинникову сказал: «Прикажи ево, Лазарева, коли он такой обитчик, повесить».

И после обеда, как пошел он, Емелька, за город, то в то самое время при нем, Емельке, того Лазарева на зделанной висилице помянутой же Иван Бурново и повесил. Но он, Емелька, с Лазаревым ни одного слова не говорил и прежде ево нигде никогда не видывал.

После сего в тот же день поехал он около всей крепости и, как объехал, то имевшиеся на крепости пушки приказал снять и, выбрав годных 3 или 4, велел под них зделать лафеты, ибо под ними оных не было, а валялись на земле, потом забрал весь порох, — а сколько, не помнит, — и свинец и к тем взятым пушкам ядры. К оным и ко взятым на фарпосте пушкам камандиром определил он казака Федора Чумакова. А оставшее после Лазарева имение все пограблено ево сволочью, имянно Зарубиным,

а о других он скажет, — а ему принесено денег 300 руб. да ковш, 2 бешмета, кафтан и коноватныя шуба да кушак.

Побыв в Илецкой крепости 2 ночи, переправился за реку, и того ж дня пошол он со всею своею сволочью, к которой пристали илецкие казаки, как думает он, человек с 300, к Рассыпной крепости и, отошед от Илецкой крепости, остановился и остановясь зделал круг и в том кругу упомянутого илецкого казака Ивана Творогова объявил Илецкого войска полковником, казака Максима Горшкова — секретарем, а есаулов, харунжих велел выбрать самому Творогову по своему усмотрению.

Как же он, Емелька, пошол из Илецкой крепости, то оную поручил эсаулу станишному, — а как зовут, не знает, только человек оной престарелой,— и потом, накормя лошадей и распустя означенной круг, пошли под Рассыпную крепость. И как Овчинников с ево сволочью стал подходить к крепости, то из оной стреляли небольшое дело из ружей, но сволочь ево усиливалась и, отбив в крепости ворота, вошла в оную. Камендант той крепости, — а какого чина и как ево звали, не знает, — запершись в камедантском доме, из окошек отстреливался, и казаки хотели, было, зажечь его дом, но как он, Емелька, в крепость въехал, то жечь, затем, чтоб не выжечь всей крепости, зажигать не велел, а приказал оного каменданта достать так. Казаки кинувшись выломали двери и оного каменданта и 2-х афицеров взяли. И он, Емелька, за то, что он противился и заперся в доме с афицерами и что он и те афицеры ранили из ево сволочи 2-х казаков, велел оных каменданта и обоих афицеров повесить, которых тот-час, выведя за крепость, и повесили при нем, Емельке.

И потом, взяв в той крепости 3 чугунные пушки, 5 боченков порсху и несколько ядер, ис крепости вышли, салдат же, кои в крепости были, также и казаков, потому што оне им не противились, взяли с собою и причислили к своей злой шайке, а крепость поручили тутошной крепости жителю, — а как зовут, не знает, — коего он назвал атаманом. Как они подходили к крепости, то ис пушек по них не палили. Потом от оной крепости пошли к Озерной крепости, но, не дошед, на дороге начевали, куда прислали к нему оставшие в Илецком городке казаки казака, — как зовут, не помнит, — в том, что тот казак по

уходе ево, Емельки, из Илецка послал с уведомлением о нем, Емельке, что он намерен итти в Оренбурх, сына своего к тамошнему губернатору, в чем оной казак при допросе Твороговым винился, за что он, Емелька, приказал того казака повесить, что Творогов и исполнить велел.

Как же пришол он с артелью своею к Озерной крепости, то стали из оной стрелять ис пушек, и продолжалась пальба часа з 2, но напоследок ево сволочь, отбивши ворота, ворвалась, где Давилин той крепости камендаита срубил до смерти, да еще видел он, Емелька, одного убитого афицера и человек 10 рядовых, но кем убиты, не знает. И потом, забравши оставших салдат, — а сколько числом, не знает, — также пушек, сколько не помнит, да пороху 5 бочек и несколько ядер, пошли под Татищеву.

Как оне шли к Татищевой, то встречю шол его толпе брегадир Билов, но, услышав, что толпа его, Емелькина, идет блиско, то он с пехотою и с казаками и с пушками и з 2-мя единорогами пошли назад к Татищевой крепости, а против толпы его оставил лехкую каманду человек со ста и одну пушку при дву афицерах. И как его толпа была больше, то афицер один приказал, было, стрелять, но его тот-час застрелили ис пищали, то салдаты оробев положили ружья, а другого афицера, коего называли Иваном Иванычем, казаки схватили. И как афицера, так и салдат приказал он, Емелька, отвести в свой воровской стан.

После сего послал он Татищевской крепости с казаком, которого толпа его поймала, бродящаго по полю пешего, воровской свой манифест, чтоб здалась крепость, а сам он с толпою к той крепости подходил, так что хотя ис пушек и стреляли, но ядры уже вредить толпе его не могли, а переносились через. Но как он еще приближаться зачал, то бывшие в той крепости оренбурхские казаки, человек с 600, под камандою полковника Подурова, верныя войска, изменили, и оной Подуров с теми казаками пристал к его воровской артели, и, соединясь с оною тут же, пошли все пешие с имевшимися у него пушками к крепости и, зажегши стоящее подле самой крепости сено, а потом взлезли казаки на стену, ту крепость при помощи пожара от сена овладели и салдат ис крепости выгнали, коих было сот до 5-ти, и оные все, вышед ис крепости, положили

ружья, коих он так, как и первых, отослал в свой злодейской стан.

Во время взятья той крепости Почиталин, наехав на брегадира Билова, уже раненого, его срубил. В сие время побили толпы его казаки и афицеров, но сколько, не знает, а из ево толпы побито 5 казаков: до смерти — 3, да ранено 2. И потом крепостью он, Емелька, завладел (помянутой сержант, которой писал присягу, найден в воде утоплен, но кем, не знает), а завладевши саженях в 50-ти расположил свой злодейский стан. И потом стаскали с крепости, как помнитца ему, пушек с 5 да 2 единорога, также небольшое дело пороху и ядер, сколько тут было. А крепость поручил живущим в той крепости казакам, приказав и камендданта в оной поставить ис казаков, кого они сами выберут.

А того ж дня вечером оные оставшие в крепости казаки привели к нему, Емельке, 5 человек салдат да камендданта Билова жену с тем, что они хотели ис Татищевой бежать и дать весть в Оренбурхе, что он, Емелька, овладел крепостью. И по допросе Овчинников лепортовал ево, Емельку, что оные салдаты и каменданттша во всех винах винились, и он, Емелька, велел их всех повесить, кои при Овчинникове и повешены.

Под Татищевою передневав, пошол он с толпою в Черноречьенскую крепость и пришли под оную без всякого супротивления. Жители той крепости встретили, где они и начевали. Как он был в Татищевой, то казаки взяли тут афицера, которой и шел в его толпе, но, как он житель Чернореченской крепости, то из его стана, как он под караулом держан не был, пошел в ту крепость и людем своим расхвастаясь сказал: «Я де сею ночью от злодея Емельки уйду и скажу в Оренбурхе, что он идет с толпою под Оренбурх».

И сказавши о побеге своем тем людем, сам пошол опять в его, Емелькин, стан. И как он пришол, а люди ево, коим он сказывал о побеге, пришли к нему, Емельке, и о говоренных им оным их помещиком речах ему донесли, за что он оного афицера велел повесить, а людей отпустил.

Ис Черноречья пошол он, Емелька, с артелю своею под Каргалинскую татарскую слободу, где татары встретили его с честию, и, пристав все, сколько их не было, к его шайке, были во все время его злодеяней безотлучны.

Потом пришол он в Сакмарской город, где живут яицкие

казаки, которые их без всякого супротивления встретили и также, как и каргалинцы, к нему пристали и были при нем, Емельке, безотлучны. И, перешед по мосту чрез Сакмару реку, остановились начевать, и вечером привели к нему объезжие казаки посланного с указами, — а откуда имянно, не помнит, — чтоб его, Емельку, ловить как возможно везде. И он, Емелька, велел того салдата повесить, а указы изодрать.

На другой день бытности ево в Сакмаре пришол к нему, Емельке, незнаемой человек, у коего вырезаны ноздри, которого он спросил, что он за человек и откуда, и на то оной человек сказал: «Я де оренбурхской ссыльной Хлопуша и прислал к тебе от оренбурхского губернатора с тем, чтоб в толпе вашей людем отдать манифест, коим повелено, чтоб от тебя народ отстал и пришол к ея величеству с повинною, да и тебя бы изловили, — также де приказано ему, чтобы у тебя сжечь порох и снаряды воинские, а пушки заклепать, но я де этого ничего делать не хочю, а желаю послужить вам верою и правдою», причем и отдал ему, Емельке, манифест, а он отдал Почиталину. А потом он и Овчинников спрашивали Хлопушу: «Полно, ты подослан к нам подмечать, и ты, подметя все здесь, отсюда уйдешь», причем стращали того Хлопушу: «Скажи правду, а то повесить прикажу». Хлопуша сказал, что он сказал уж всю правду, и потом велел отдать ево под караул. И Овчинников говорил ему, Емельке: «Воля твоя — прикажи ево повесить. Он, плут, уйдет и, што здесь увидит, тамо скажет, а притом и наших людей станет подговаривать». Емелька сказал: «Пусть ево бежит и скажет. В этом худова нет, а одним человеком армия пуста не будет».

Подержав Хлопушу под караулом одне сутки, велел освободить, но приказал за ним крепко примечать, што он будет делать. И так Хлопуша у него в сволоче и остался, и доносу на него никакова не было.

Ис-под Сакмары пришол он с толпою под Оренбурх и, прошед оной мимо версты с 3 остановился в лугах. Как он пришол с своею шайкою под Оренбурх, то у нево той шайки, по его тогда исчислению, и имянно — яицких казаков 500, илецких — 300, Разсыпной крепости — 40, из Озерной — 100, лехкой каманды, коя под Татищевою здалася, 100, оренбурхских и других казаков и калмыков в ка-

манде полковника Подурова 600, ис Татищевой салдат же здалося 300, каргалинских татар 500, сакмарских человек з 20 и пушек 20, в том числе 2 единорога, пороху, сколько помнитца ему, было бочек до 10.

По приходе под Оренбурх, того ж дня, по совету Овчинникова и одним словом всех яицких казаков и каргалинских татар, послал он, Емелька, для подговору в его злодейскую толпу с манифестами злодейскими 2-х человек, а именно — в русские селении помянутого Хлопушу, а в Башкирию каргалинского татарина — кто таков, не знает, потому што он тот злодейской манифест отдал каргалинскому старшине Мусалею, которой и послал от себя. Те манифесты писаны были по-русски Почиталиным, а по-татарски Идоркиным сыном Болтаем.

Как же оне еще с злодейскою толпою шли под Оренбурх, то, на походе будучи, послал он, Емелька, с казаком Иваном Солодовниковым такой же злодейской манифест, чтоб Оренбурх ему здался, которой, подъехав под самой город, ущемя в колышок ту скверную бумагу, воткнул в землю, а сам ускакал к нему в толпу. Как же оную мерскую бумагу в город ввезли, то, читали ль ее войскам верным, он не знает, только тот же час стали в его толпу стрелять ис пушек.

Как он пробыл под городом трои сутки, то пришол в его толпу башкирец Еман сарай и привел с собою башкирцов 500 человек. Чрез сутки после сего пришол еще старшина башкирской Кинжа и привел с собою так же 500 человек.

В сие время с выходящими из города войсками были небольшие сшибки, но толко большого убивства с обоих сторон не было. Во все время бытия его под Оренбурхом было, сколько он припомнит, сшибок с верными войсками с 40, но также почти ни с чем разходились, и, сколько побито верных войск, не знает, но с его стороны злодеев побито человек з 200. Да, и поймав он посыльных из Оренбурха для уговаривания его злодейской толпы, чтоб она отстала от него, злодея, казаков 2-х человек, повесил. Также и из его толпы бежали, было, бывшие у него в толпе салдаты, кои были в каманде взятого под Татищевою афицера 8 человек в Оренбурх, которых однако ж на дороге казаки схватили, и он, Емелька, велел их всех повесить.

В время ж бытности его толпы в сем месте пришло к нему с Яику под камандою казака Серебрецова 100 человек, и привез к нему старшину Копеечкина связанного, которому он, Емелька, за то, что он ездил ево ловить и что воровской его толпы яицкие ж казаки Овчинников и почти все принесли на него жалобу, что он их раззорял, велел он, Емелька, отсечь голову, коему и отсекли. Оной же Серебрецов сказывал ему, что он послан был с помянутыми казаки из Яицкого войска под камандою оного Копеечкина для сыску и поимки его, Емельки.

После сего поделал он, Емелька, батареи и навес пушки, ис коих и стреляли по городу без малого двои сутки, а равно и по его толпе стреляли с крепости, но крепости он одолеть не мог и в крепость влесть было неможно, почему он с толпою от крепости отступил и пришол в Бердынскую слободу. Злодейскою его артиллериею под Оренбурхом управлял, под камандою Чумакова, взятой в Татищевой салдат Калмыков, которой починивал и пушки и мартиры.

По отходе ево с толпою хлеб и скот возили к нему из лежащих по Яику крепостей, мимо коих он шол, а от Сакмары и до Оренбурха и несколько времяни под Оренбурхом давали ево толпе пропитание каргалинские татары и сакмарские жители, а жалованья ни полушки никому до сего времени не давали.

Как он с толпою стоял под Оренбурхом, то от киргисца Аблая гнаты были в Оренбурх 300 лошадей, 100 быков, 3000 овец для продажи, кое все он побрал. А как он спросил киргисцов, сколько им за все то надобно денег, то киргисцы сказали, што «нам денег не надобно, а дайте товаров». Он, Емелька, и сказал: «Таваров теперь нет, а подождите». Оные киргисцы, коих было 70 человек, остались при нем и служили во все время злодейства его при нем.

По приходе в Берду пришол к нему черемишской старшина Мендей и привел с собою в его злодейскую толпу с 500 человек. А после ево пришол тут же башкирской старшина Альвей и привел башкирцов до 600 человек. Тут же пришол ставропольских калмыков старшина Федор Иванов сын Дербетев и привел с собою калмыков 300 человек. Эти все старшины во все время его злодейств при нем были неотлучны и с людьми.

В бытность ево в Берде, как с неделю времяни приехал к нему, Емельке, ис Чернореченской крепости казак, — а как зовут, не помнит, — как лет 17-ти, — и сказал в его злодейской толпе, что де мимо Чернореченской крепости прошол полковник Чернышов с командою и пробираетца де в Оренбурх, — оная крепость от Берды например верстах в 15-ти. По словам сего казака он, Емелька, весма скоро собрал своей толпы тысяч до 2-х да 2 пушки, поехал навстречю того Чернышова и, не допуская его до Оренбурха не больше, как версты 4, оного Чернышова с командою перехватил и стал его атаковать. И не больше, как выпалили из его толпы ис дву, а ис Чернышовой команды ис 4 пушек. оного Чернышова конница ево, Емельки, задавила, ибо солдаты выпалили не больше как по одному разу, а Чернышов взят был в сером кафтане сидящей на козлах. Салдаты тот-час положили ружье, а афицеры взяты, коих было и с Чернышовым 33 человека, и из них, как афицеров, так и рядовых ни одного не убито ни ранено не было.

Как же афицеров и все оружие и амуницию привезли в Берду и афицеров посадили под караул, между тем Давилин казак шол мимо одной повоски и узнал сидящего на оной вместо извосчика человека, непохожего на мужика простого, — а паче по рукам признал, что оне не рабочие, — подошед спросил того извозщика, что он за человек, на что оной сказал: «Я де извощик». И оной Давилин спросил стоящих тогда около телеги салдат. «Скажите, салдаты, правду, что это за человек?» И салдаты, сколько тут их было, сказали: «Это ста наш полковник Чернышов», коего тот-час и взяли под караул.

И того ж дня, призвав Чернышова и афицеров перед себя, говорил он, Емелька: «Для чево осмелились вооружиться против меня? Вить вы знаете, што я ваш государь. Ин на салдат нельзя пенять, что они простые люди, а вы — афицеры и легуру знаете». «А ты, — Чернышову сказал, — еще...[1] полковник, да нарядился мужиком. А кабы ты был в порятке, то б можно тебе попасть было в Оренбурх. Вить у тебя была пехота. И за то я тебя и всех вас велю повесить, чтоб вы знали слово государя». И, выговоря оные слова, сказал Овчинникову: «Вели их перевешать», кото-

[1] *Одно слово не разобрано.*

рой тот же час всех 33 человека и велел повесить, кои и повешены при его, Емелькиных, глазах. Оные афицеры ни один, чтоб их избавить от смерти, не просил.

В тот же день прибежал к нему, Емельке, с поставленной около Берды заставы яицкой казак, — а как зовут, не знает, — и сказал ему, што де идет от Озерной крепости генерал Корф с камандою и пробирается де к Оренбурху. Он, Емелька, услышав о сем, закричал: «Казаки, на кони!» И тот-час тысяч до 2-х толпы его собралось и поскакали, но догнать ево не могли, што он убрался в город, ибо он шол по берегу реки Яика. И потом возвратилась его толпа в Берду.

А как возвратился, то приехал к нему сын киргис-кайсацкого Дули салтана сын Салтан и при нем 7 человек киргисцов. И как оне пришли к нему, то он татарину, показанному Идорке, велел спросить, что оне за люди, откуда и зачем к нему пришли. Оной Идорка с ними говорил и потом сказал ему, Емельке, што де Дули салтан прислал оного своего сына к нему, Емельке, послужить. И он велел ему сказать: «Благодарю Салтана. Пусть он при мне будит». И притом дал ему, Салтану, 50 руб. да одному при нем приближонному кафтан красной и каждому киргисцу по 12-ти руб.

Как скоро он, Емелька, в Берду пришол, то всякой день почти умножалась его толпа кучами — из разных селений русские мужики, боярские люди, из заводов заводские работники и приписные крестьяне. Но сколько оных было, то не только он, но думает, что Овчинников, не знал.

Коль скоро пришол он в Берду, то приказал он Овчинникову, чтоб завести для письменных дел военную коллегию и в оной судьями посадить Андрея Витошнова, Максима Шигаева, Ивана Творогова, Данилу Скобычкина (и сей Скобычкин — яицкой же казак), — из оных только грамотей был Творогов, а те безграмотные, — секретарями посадил Ивана Почиталина и велел писатца дьяком, а Максиму Горшкову велел писатца секлетарем, повытчика Супонева, — имяни его не знает, — из яицких же казаков.

По учреждении сего злодейского сонмища пришол к Овчинникову, незнамо откудова, приезжей мужик и сказал: «К Сакмаре идет енарал Кар с камандою». И Овчинников

спросил: «Велика ли каманда?» Мужик сказал: «Не добре де велика, однако де таки и не мала ж». О сем как лепортовал ево, Емельку, Овчинников, то он приказал ему, Овчинникову, взяв с собою 500 человек казаков, 4 пушки и 2 единорога, итти навстречю Кара, чтоб ево до Оренбурха не допустить, куда он и поехал, а он, Емелька, остался в Берде. Чрез 4 дня возвратился Овчинников, приехал в Берду и, явясь к нему, сказывал: генерала де Кара встретил, и прогнал; и в Оренбурх не пропустил таким образом: как он наехал на передовых Каровых гранодер, кои де сидели по возам, и ударил, то де гранодеры, было, скоча с возов, стали хвататца за ружья, но ево казаки окружили возы, то гранодеры бросили ружье, коих он, Овчинников, також и 4 афицеров взял, и из них гранодеров и дву афицеров привез в Берду, а другие де 2 афицера истреблены. Как же де он сих афицеров и гранодер взял, то пошол навстречю к Кару, которого нашли, идущего с камандою верстах от передовых гранодер в 6-и, где встретился с ним Овчинников и помянутой ссыльной Хлопуша с камандою человеках в 500-х и на оного Кара кинулись. Кар, отстреливаясь пушками повел каманду назад. И он, Емелька, спросил: «Да для чего ж вы его упустили?» И Овчинников сказал, что де «не достало у нас картузов».

Потом он, Емелька, позвал к себе помянутого афицера, которой взят под Татищевою, також и привезенных Каровой каманды афицеров, ис коих Овчинников сказал, что один — Шванович, а о другом сказал же, но таперь не помнит, и оному первому афицеру приказал Шваныча и другова афицера взять к себе, також и гранодер причислить к своей каманде, и им обоим велел называтца одному атаманом, а Швановичу эсаулом.

После сего, увидя в тот же день Хлопушу, благодарил ево, што он ему верен и што прислал ему в Берду провиант, порох и денги, и потом спросил Хлопушу, сколько у него каманды. Хлопуша сказал: «500 человек и 3 пушки». Емелька спросил: «Где взял людей?» Оной сказал: «На Завьянских заводах, а ныне де пришли из других жительств» Он, Емелька, спросил: «Порох, пушки и правиант и деньги, кои ко мне присылал, где брал?» И Хлопуша сказал: это все брано им было на заводах, а провиант возили из разных мест, куда он посылал от себя каманды. И как он все

пересказал, то он, Емелька, сказал тому Хлопуше: «Будь же ты полковник!».

В то же время пришол к нему бежавшей из Оренбурха мужик русской, — но, чей и как зовут, не знает, — сказал ему, Емельке, што из Оренбурха пошла в Озерную казацкая исецкая каманда в 600-х человеках и засела в редуте. И он, Емелька, взяв с собою яицких и оренбургских казаков 50 человек и одну пушку и один единорог, пошол к помянутому редуту. А на другие сутки пришли туда и уговаривали казаков, чтоб здались. Казаки, бежавшие из редута, сказывали ему, што де «мы тебе служить рады, да нас не пускают старшины наши». И он, Емелька, пошед с своими казаками, в редут вломились, потому што казаки не стреляли, и, вломясь в редут, взяв атамана Протопопова и еще 2-х старшин, — а как зовут, не знает, — за то, што оне ему противились, казаков к нему не пускали и што один исецкой казак Балдин на оных старшин жаловался, что оне брата ево сослали в сылку, повесил при себе и потом оному Балдину велел быть над оною исецкою камандою полковником.

Из оного ж редуга пошол он, Емелька, со всею своею толпою к Озерной крепости затем, что, по уведомлению исетских казаков, узнал он, что там довольно правианта и пороху, а к тому ж, как выше он показал, посланной в ту крепость из Берды Хлопуша назад не возвратился. И как он пошел к Озерной, то, на дороге сведав, что Хлопуша от Озерной отступил и стоит в одной нагайской деревне, то послал за оным, чтоб он пришол с камандою к нему, которой тот-час и пришол, ибо сие было от него не больше как верстах в 7-ми. И он, Емелька, соединясь с Хлопушей, пошли под крепость, но сколько с своею толпою не заботился, чтоб оною овладеть, но отойтить принужден ни с чем, где у него ж убили 3-х да ранили 2-х казаков.

И как отошел и зашол в нагайскую деревню, где живут татара, которые сказали ему, што де пробираетца в Оренбурх легулярная каманда, и при них есть и исецкие казаки, и эта де каманда идет в Ильинскую крепость, услыша он, Емелька, со всею своею воровскою шайкою пошол в Ильинскую крепость. И по приходе верные войска, хотя и крепко оборонялись, но по превосходству их толпы

ворвался он в крепость, где нашол он много афицеров и салдат побито, но сколько, не знает, только видел он живых 2-х афицеров, одного раненого и другого больного, коих и оставил в крепости, а оставших после драки здоровых салдат, — сколько числом, не помнит, — взял к себе и причислил к своей толпе.

Из Ильинской пошол он в помянутую нагайскую деревню и по приезде, оставя в оной Творогова над своею пятисотною командою, а Хлопушу при своей каманде, взяв с собою только 8 человек яицких казаков, поехал в Берду, а оным Творогову и Хлопуше приказал, чтоб оне с камандою шли не торопясь туда ж.

По приезде ево чрез несколько дней пришла из Ильинской крепости каманда, и он, Емелька, взятых в Ильинской крепости салдат отдал в каманду реченному афицеру. Потом помянутой афицер Шванович ходил к нему почасту, и он, Емелька, в одно время, и имянно в рождество христово, увидя Шваныча, спросил, откуда он. И оной ему сказал: «Я де ис Петербурга, и меня де государыня Елисавет Петровна крестила». Он, Емелька, зжалился по нем и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку и потом спросил ево: «Умеешь ли ты по-немецки?» Шванович сказал: «Умею». И он, Емелька, дав ему бумаги лоскут, велел написать по-немецки, и Шванович, написав, показал ему, Емельке. Он, взяв бумагу, хотя и ничево не смыслит, однако ж дал знать, что он бутто читал, и потом сказал: «Хорошо пишишь. Так будь же ты в военной моей коллегии. Так там што по иностранны случится писать, так пиши».

И потом говорил же он: «Ну, Шванович, напиши по-немецки к оренбурхскому губернатору, чтоб он принял меня в город с щестию и драться бы перестал». Шваныч писмо написал. Он, посмотря ево, сказал: «Хорошо», и тот час то письмо отдал казаку Ивану Солодовникову и приказал отвести оное в город. Солодовников, взяв письмо, повез и потом, возвратясь назад, сказал ему, што письмо, подвесши к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел он, что высланной из города казак то письмо взял и поскакал в город. Но он, Емелька, на то письмо из города в ответ ничего не получал.

После сего пришли к нему, Емельке, Овчинников, Лы-

сов, Шигаев, Витошнов и другие, — только, кто имянно, не помнит, — и говорили ему, Емельке: «Надобно де послать на Нижней Стапалинской фарпост Михайлу Толкачова с манифестом, чтоб он, начав от оного фарпоста, до самого городка брал везде всех казаков, а к Дусали салтану яицкого казака татарина Тангаича также с манифестом, чтоб он дал вам помощь человек хотя 200. А как Толкачев наберет казаков, а Тангаич приведет киргисцев (ибо Дусали салтан кочевал тогда от оного фарпоста и Яицкого городка неподалеку), то б они и ударили на Яицкий город». По коим показанного Овчинникова с товарыщи речам 2 злодейския манифеста Почиталин порусски, а Болтай по-татарски и написали и отдали — руской Толкачову, а татарской Тангаичу. И с вышесказанным обоим приказом они оба вместе и поехали.

После отъезда Толкачова спустя неделю или больше, не помнит, приехал к нему, Емельке, в Берду яицкой казак Афанасей Перфильев (о коем ему в тот же самой день Овчинников репортовал, что оной Перфильев был в Петербурге и приехал в Берду), коего он спросил: «Был ты на Яике?» Оной сказал, что был. И Емелька спросил: «Зачем же сюда приехал?» И оной Перфильев сказал, что «я де приехал служить вашему величеству», и он, Емелька, сказал: «Хорошо, служи».

А потом на другой день оной Перфильев паки к нему пришол, и он, Емелька, увидя ево, спросил: «Што скажешь, Перфильев?» И оной Перфильев, поклонясь ему, при многих казаках говорил: «Виноват я пред вами, что вчерась вам правды не сказал и от вас утаил». И он, Емелька, сказал: «Бог простит, кали винишься, но скажи, што ты от меня утаил». И Перфильев говорил: «Я вить был в Петербурге, и меня оттуда послала на Яик государыня и велела все Яицкое войско уговаривать, штоб оно от тебя отстало и пришло б с повинною к ея величеству и тебя б связав привезли в Петербург. Я де с тем и на Яик ездил и об оном Симонову рассказал, и Симонов де меня сюда, а товарища моего, которой со мною ис Петербурга приехал, к Толкачову послал уговаривать казаков, но я де этого, так и товарищ мой, творить не хотим, а хочим служить вам верно».

И он, Емелька, спросил: «Да што ш народ про меня

говорит?» И оной Перфильев сказал: «Народ де ничего не знает, а только де бояра меж себя шушукают. А збираются де они, да и государыня та ехать за море». И он, Емелька, усмехнувшись, зная, что он лжот, говорил: «Ну, да бояре таковские, пускай едут, а государыне та зачем за море ехать? Я небось не помню ее грубость. Пусть бы она пошла в монастырь».

И потом он, Емелька, спросил: «А Павел Петрович каков?» И оной Перфильев сказал: «Хорош и велик, да он де уже и обручон». И он, Емелька, спросил: «На ком?» И Перфильев сказал: «На какой-та из немецкой земли пренцесе, и зовут ее Наталья Алексеевна». И потом оного Перфильева за добрыя вести напоил допьяна, дал ему кармазинной кафтан и своего серого коня.

После сего на другой день поехал он, Емелька, взяв своей толпы тысячи з 2, в том числе и Перфильева, подъехал под Оренбурх для того только, чтоб его, Перфильева, увидели бывшие в Оренбурхе яицкие казаки, также послухать и тово, што будет говорить. И, увидевши яицких казаков, и как он с толпою под Оренбурх дале пушечнова выстрела подъехал, то выехали и под пушками стали яицкие казаки, коих увидя лишь Перфильев, то и закричал: «Что, угадаите ль вы, казаки, меня, кто я?» На что казаки сказали: «Мы видим, што ты казак, но, кто ты таков, не знаем». И Перфильев весьма громко при всей его сволочи кричал: «Я — Перфильев, которой был в Петербурге и прислан оттуда к вам от Павла Петровича с тем, чтоб вы шли и служили его величеству Петру Федоровичу». И казаки несколько как усумнились и потом говорили: «Коли ты подлинно прислан с эстим от Павла Петровича, так покажи нам руки его хотя одну строчку, так мы тот-час все пойдем». И на то Перфильев сказал: «На што вам строчка? Я сам все письмо».

И потом, не имев никакой сшибки, поехал он с своею сволочью в Берду. После чего вскоре прислан к нему, Емельке, из Яицкого городка от помянутого Толкачова лепорт, что он городок Яицкой взял, с яицкими казаками, потому что бывшие в том городке казаки не противились, а противился один старшина, коего он и истребил, камендант же Симонов ушол в город, а у меня каманда не велика, а Дусали салтан киргисцов ни одного человека не

дал, — и тем лепортом просил, чтоб прислать к нему еще каманду и пушек. По тому репорту послал он в Яицкой город Овчинникова и с ним 3 пушки и единорог да казаков 50 человек. А после оного Овчинникова, спустя 3 дни и он, Емелька, туда же с 8-ю человеками казаков поехал, а в Берде над всею толпою главным оставил Максима Шигаева и Дмитрия Лысова.

По приезде в Яик велел зделать батарею и потом против яицкой батареи, с которой по его толпе стреляли, хотелось ему оную подорвать, и для того приказал отрыть[1] мину, которую и вырыли, но как оную взорвало, то увидел он, што та мина ведена была вместо батареи в пустой погреб, почему вся работа и пропала втуне. Яицкие казаки уверили его, што вся пороховая казна в кремле лежит под колокольнею, которая служила и вместо батареи, и што пушки много его толпу с той колокольни шкотили, то и приказал и под ту колокольню весть мину, и приказавши сам поехал в Берду, а работу поручил отставному служивому, которой жил у Толкачова, а Овчинникова послал в город Гурьев для взятья тамо пороху.

По приезде ево в Берду послал он, Емелька, Зарубина, Илью Ульянова, Якова Антипова на Воскресенской Твердышева железный завод для литья пушек. В то ж время послал он казака Дмитрия Лысова с камандою по реке Самаре в лежащия тамо крепости, даже до Бузолака, для взятья в тех крепостях пушек и пороху.

А сам, побыв дня 3 в Берде, поехал паки в Яицкой городок. По приезде в Яик Овчинников сказал, что де я в Гурьев городок ездил, а старшинской де стороны казаки (и то-есть послушной) не допустили, было, ево в город, но войсковой стороны, кои в том же городке были, казаки однако ево впустили и противных казаков, кои, было, заперлись в кремле, он взял, и из них 2-х или 3-х человек, в том числе и атамана, повесил, а достальных взял в свою толпу; пороху ж взял тамо 60 пуд.

В ту его в Яицком городке бытность бывшие с ним в том городке толпы его главные способники Овчинников, Никита Каргин, Семен Коновалов, Денис Пьянов, Михайла Толкачов говорили ему, чтоб он, Емелька, женился казака

---

[1] *В тексте: «от рыть»*

Петра Михайлова сына Кузнецова на дочере девке Устинье: она де девка изрядная и постоянная. И он, Емелька, говорил, что ему женитца еще время не пришло, и оные сваты ему говорили ж: «Ты де как женисся, так де войско Яицкое все к тебе прилежно будет». И он, Емелька, без дальнего размышления, што у нево уже, как и выше показал, жена Софья Дмитриева есть, так и дети, женитца и от оной живой жены (которая и взята им в Казане с сыном), согласился и сватам, утая однако ж о этой жене, сказал, что только б та его невеста пошла за нево волею. Сваты сказали, што она такому благополучию рада. И потом на другой день он на той девке женился, и венчали его в яицкой церкви именем не Емелькиным, а государем покойным Петром Федоровичем, да и Устинью в церкве поп поминал императрицей.

Женившись пожив в Яике с неделю, оставя новую жену поехал в Бедру. Однакож до отъезду его в Берду за день приехал к нему помянутой Перфильев и сказал, что в Берду приходили верные войска, и было с твоею сволочью сражение, на котором твоя толпа взяла у верных войск 13 пушек, 2 ящика с зарядами, и верное войско прогнано в Оренбурх, а сею де толпою командовали Шигаев и Лысов. По приезде в Берду оные Шигаев и Лысов сказанные Перфильевым речи подтвердили.

В ту же его в Берде бытность пришол к нему, Емельке, живущей поблизости Берды крестьянин, — а как зовут, не знает, — жаловался ему, что каманды Лысова казаки приезжали к помещику его, да и к другим помещикам в деревни, и помещиков, на которых от крестьян и жалоб не было, несмотря на крестьянские прозьбы, чтоб оных не убивать, вешали, пожитки помещичьи и их грабили, да и самых крестьян сажали в воду, ис коих один — этот, которой спасся бегом и ему приносил жалобу. И об оном спрашивал он казаков, которые сказали, что крестьянин говорил правду, а притом и казаки многие на него, Лысова, в побоях безвинно приносили жалобу, за что оного Лысова Шигаеву приказал он, Емелька, повесить, которой того ж дня и повешен.

Быв после сего в Берде один день, поехал он, Емелька, в Яик и по приезде упомянутую колокольню в Яицком городке подведеною миною повалил и пушки, бывшие на ней,

завалил, а пороховая казна, уведав в кремле о той подводимой мине, вынесена ис колокольни в другое место. Потом в городке зделал он, Емелька, круг, в коем казаки по своей воле выбрали в атаманы Никиту Каргу, в эсаулы — Андрея Легошина, судью — помянутого Афанасья Перфильева. И потом, взяв с собою сволочи яицкой 500 человек и оставя Устинью на Яике в доме отца ее, поехал в Берду.

По приезде в Берду Шигаев и Горшков сказали ему, что де солдат, — имяни его не знает, — на афицеров 2-х, имянно: на Ивана Иваныча, которой взят ис Каровой каманды, и на другова, которой взят под Татищевою, хотели, когда вывезены будут пушки против верных войск, то тогда оне те пушки заклепают, а как оные заклепаны будут, то верные войска всю их толпу разобьют, о чем он, Емелька, и сам тех афицеров спрашивал, и они в том повинились, за что он обоих их велел повесить, кои того ж дня и повешены. В оное ж время повесил он, Емелька, взятую при гранодерах Каровой каманды девку, которая living у него на квартире, волочилась с конюхами и потом украла у него подсвешник серебреной.

Уведомлен он был от обывателей деревни Пронкиной, что идет неподалеку от оной генерал князь Голицын, то Овчинников послал навстречю в ту деревню казака Речкина с камандою, а за ним крестьянин Арапов и калмык Дербетев, а за оными и он, взяв с собою 10 пушек и 5 казаков, пошел в Сорочинскую крепость (которая была занята ево воровскою шайкою). И как он стал подъезжать в крепость, и тут нашол он повешенных Речкиным салдат каманды князя Голицына 3 человека, о коих сказали ему, што они пойманы с правиантом, за что он Речкина и бранил, што безвинно повесил. И потом тою ж ночью ходил он в Пронькину деревню со всею своею толпою и показанных Арапова и Речкина толпою ж, но верным войскам никакова вреда зделать они не могли кроме, что ранили одного афицера.

После сего, оставя он в Сорочинской крепости пришедшую с ним из Берды толпу, пошол он, Емелька, один в Берду, а Овчинникову приказал остаться в Сорочинской крепости и смотреть, буде князь Голицын сам с камандою верных войск придет в Пронькину деревню, то б он со всею

толпою, коей было слишком 2000 оставя Сорочинскую крепость, убирался в Илецкую крепость, ибо он, Емелька, не знал, куда князь Голицын поедет: на Яик ли или в Оренбурх.

Между тем прислал к нему, Емельке, с Воскресенского Твердышова завода (куда отправлены от него были Зарубин и Ульянов) казак Антипов вылитые на том заводе 2 единорога и 3 секретные пушки. А Зарубин и Ульянов, набрав на тех заводах и около оных з жительств, також и сошедшихся из разных селений сволочи злодейской, пошли под Уфу. А пошод прислал к нему, Емельке, репорт, што у него этой злодейской сволочи набралось до 15000, под коим репортом и подписался, назвав себя графом Иваном Чернышовым. Он, Емелька, будучи тем ево, што он набрал столько к себе в шайку разбойников, доволен, назвал того Зарубина полковником и велел ему писатца графом Чернышовым. После сего оной злодей Зарубин прислал к нему, Емельке, помянутого Ульянова для взятья пороху, которому он и дал одну бочку, приказывая при том, чтоб он с Зарубиным старались взять Уфу, — а кали возьмут, то «буть ты, Ульянов, полковник», — куда оной Ульянов и поехал обратно.

В одно время, будучи в Берде в его злодейской избе, яицкой казак Давилин, которой при нем, Емельке, всегда был безотлучен, и называл его он и вся толпа дежурным, как дожидались князя Голицына, говорил: «А вот, — назвав ево, Емельку, «батюшка», — как мы Оренбурх возьмем и князя Голицына разобьем, то пойдем в Москву, а как придем в Москву, тогда куда те денутца бояра и государыня?» И он, Емелька, говорил: «Как, куда бояре денутца, кали Москву возьмем? То вестимо, што бояры та разбегутца, а государыня та в монастырь пойдет».

После сего Овчинников прислал к нему письмо, што де Голицын идет к Оренбурху, то он ис толпы своей взял яицких, оренбурхских казаков и всех бывших в его толпе салдат, коих у него было человек до 1000, а всей сволочи взял он с собою с небольшим 3000, да 20 пушек, пошел в Татищеву крепость, куда и Овчинникову и Арапову велел из Илека притти, что они и исполнили и привели с собою в Татищеву з 2000 человек и 10 пушек. По приходе к Татищевой оную крепость завалили вместо стен снегом, а на

снегу поставили пушки. При пушках же, как разставляли, был он, Емелька, сам. А приставлены были к оным для заряду и пальбы взятые из верных войск кананеры и салдаты. И потом, как разъезжая казаки увидели идущих верных войск каманду, то все вобрались за показанной из снегу вал, ибо в той крепости никакой огорожи не было, и он, Емелька, дожидал приближения войск к крепости, схороня всех людей от князя Голицына.

Увидели они едущих 3-х чугуевских казаков, кои и подъехали к крепости. Казак Арапов выслал ис крепости бабу, которой приказал, что, как ее казаки спросят, есть ли кто в крепости, то б она сказала, что злодеи были, да уехали, што баба и исполнила. Как чугуевские ее спросили, нет ли кого в крепости, то она сказала, были де злодеи, да уехали. И оные казаки тот-час взбежали в крепость, а как взбежали, то на тот час только у того места, где казаки въехали, никого кроме ево, Емельки, не случилось, то он с Овчинниковым и кинулись на чугуевцов, и из оных одного он, Емелька, с лошади спехнул, а те двое ускакали. Оной спехнутой казак был им, Емелькою, ранен, но жив, коего он спросил, сколько войска. Он сказал, што де войска — пехоты тысяч до 5-ти и артиллерии пушек с 70.

Потом подошло войско и стали стрелять ис пушек, а он, Емелька, стрелять не велел для того, чтоб наждать на себя и не терять напрасно ядер. Но как уже войско приближалось, то он велел стрелять, также и сам стрелял, и продолжалась стрельба как часа в 4. Войско Голицын завел свое в лощину с одной стороны, так што ево злодейские пушки не вредили. У него ж с той стороны не столько было пушек, ибо он, Емелька, думал, что Голицын поведет войско прямо по дороге, где въезжают в крепость, но он [*был*] обманут тем, что Голицын по дороге войско не повел.

Как же верные войска стали верх над его толпою брать, то Овчинников ему говорит: «Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занята». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, я поеду, но и вы смотрите ж, кали можно будет стоять, так постойте, а кали горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтоб не попасся в руки». И потом, взяв с собою Почиталина, Григорья Бородина, яицкого казака (которой старшине Боро-

дину племянник), Егора Кузнецова, Василья Коновалова, ис крепости поехал. И как от крепости уже он отделился, то, увидя его, чугуевские казаки хотя за ним версты с 3 и гналися, но как у него и у его товарыщей кони были самые хорошие, то чугуевцы догнать ево не могли и отстали, а он прискакал прямо в Берду.

По приезде в Берду созвал он к себе Шигаева (которой по отъезде его в Берду оставлен был над всею оставшею толпою главным), Андрея Витошнова, Федора Чумакова, Ивана Творогова, Тимофея Подурова и сказал им, што под Татищевою князь Голицын ево толпу разбил и куда ж нам теперь деватца, ибо он дорог никаких не знал. И оные Шигаев с товарищы сказали: «Пойдем де в обход кругом на Яик чрез Сорочинскую крепость», почему тою же ночью (ибо он ис Татищевой прибежал уже вечером) собрав толпы своей большею частью казаков, и кто и из другой сволочи охоту имели с ним ехать тысяч до 5-ти человек и 10 пушек, и поутру рано поехали из Берды на Сорочинсую крепость. Оставшей же толпе сказал, — коей, как он думает, из разных мест сошлося в Берду до 50000, большою частию мужиков, — чтоб оне убирались, кто куда хочет.

И потом, ехав дорогою, послал вперед несколько казаков проведать, нет ли тамо в Сорочинской верных войск. И оные посланные возвратясь сказали, что де по дорогам разъезжают лыжники, и видно де, што там есть князя Голицына каманда, почему он к той крепости и не пошел, а остановясь на хуторах оренбурхских жителей и бывши на тех хуторах, помянутым Шигаеву с товарищи говорил: «Ну, теперь куда пойдем?» И оной Шигаев и все сказали: «Теперь мы пойдем на Каргалу, а с Каргалы в Сакмару». И он, Емелька, говорил: «Ну хорошо, а с Сакмары куда?» И оные Шигаев с товарищы сказали: «Пойдем на Яик, а с Яика пойдем на Гурьев городок и там возмем правианту». И он, Емелька, спросил их: «Да можно ли просидеть в Гурьеве-то, как придут войска?» И оне сказали: «Отсидетца долго нельзя». А из оных товарищей ево Яков Антипов говорил: «Из Гурьева де городка пойдем к Золотой мечете(где оная, не знает)». И он, Емелька, спросил: «Да кто же нас туда проведет?» И оной Антипов сказал: «У нас есть такой человек, которой тамо бывал. И тамо де хлеба

много, зверя, ягод и рыбы много ж». И он, Емелька, говорил: «Да я бы вас провел и на Кубань, да теперь как пройдешь? Крепости, мимо коих итти надобно, заняты, так не пропустят, а сверх того, снеги в степи, так никак не можно итти».

И потом пошол с толпою на Каргалы, куда пришли в третей день. По приходе в Каргалу жители никто не противились, но из них некоторые жители, — кто имяны, не знает, — сказали ему, Емельке, што де здешние старшины многих татар, которые служили тебе в Берде, посажены в погреб».[1] И он, Емелька, велел тот час всех выпустить. А как оные выпущены, то пришли к нему и жаловались, кто которого сажал в тот погреб. И он, Емелька, не хотя сам разбирать их жалобы, тем пришедшим к нему татаром сказал: «Подите с теми, кто вас посажал в погреб, и управьтесь сами — как себе хотите». И оные, отойдя от него, — как он слышал от своей сволочи, — порезали до смерти 5 человек и притом сожгли 2 двора, — кого ж имянно убили и кто имянно убийцы, не знает, потому што он о том не спрашивал.

Побыв в Каргале с час, где сказали ему каргалинцы, — но кто имяны, не знает, — что, де в Сакмаре оренбурхские казаки 100 человек сидят, куда он со всею толпою и пошол. Но на дороге не доходя Сакмары посланные от него туда передовые казаки, ехавши уже из Сакмары навстречю, сказали ему, что оне в Сакмаре были, но только де казаков оренбурхских там не застали, а поймали тамо только сакмарского казака, атаманского отца, на которого тамошния казаки и пожаловались, что оной их раззорял.

Как он с толпою пришол в Сакмару, то казаки ему не противились, да и противитца им было нельзя, потому што оне во все время были в его толпе, а пошли в Сакмару тогда, когда он, Емелька, пошол из Берды. И потом оного атаманского отца да каргалинского татарина, которой был как переметчиком, то-есть проведав, что в его толпе делаетца, бегал в Оренбурх и тамо сказывал, на которого донесли ему о сем каргалинские татара, он, Емелька, повесил.

В Сакмаре начевал он одну ночь, а на другой день пришол князь Голицын, и он, Емелька, с сволочью своею про-

---

[1] *Так в подлиннике.*

тив верных вышел и стал палить ис пушек. Но, как князя Голицына каманда привалила и стали стрелять изо всех пушек, то он с своею сволочью стоять не мог, очень скоро побежал, кто куда мог, где оставили и бывшие при нем 10 пушек. Бежал он с оставшею при нем сволочью не более как человек с 500, в коем числе были яицких и илецких казаков человек 100, заводских мужиков человек со 100, да башкирцев, татар и разной сволочи человек с 300, не кормя, во всю прыть, до Тимашевой слободы, коя, как думает он, от Сакмары верст со 100. По приезде в ту слободу только што накормили лошадей, то поскакали опять на Красную мечеть. Тут начевали, где опомнился он, кто с ним остался и кто от него отстали.

И нашол он, что с ним главные его способники остались: Федор Чумаков, Григорей Леонтьев, Трофим Горлов, Василий Коновалов, Иван Творогов, Егор Кузнецов, а в Сакмаре остались Андрей Витошнов, Максим Шигаев, Иван Почиталин, Максим Горшков, Андрей Толкачов. Всей его толпы было в Сакмаре до 5000, в разные времена после возвратились к нему до 1000 человек, да с ним, как он выше сказал, ушло 500, а остальные 3500 человек побиты ль или разбежались куда, он не знает.

С Красной мечети пошол он с толпою своею на Каргалинской завод, которого он не раззорял однако ж. Жители того завода, молодые люди, человек с 50, пошли с ним. С сего завода пошел он с своею воровскою артелью на Завьяно-Петровской [1] завод, который нашол совсем раззореной, и хотя он был и не уведомлен, но однако ж думает он, что раззорил Хлопуша, ибо известно ему в Берде было, что по заводам ездил Хлопуша. Начевав на том заводе, пошол на Белорецкой завод. З Завьянского завода и из ближних около оного селений пристали к ево злодейской артеле без всякого от него принуждения более 400.

По приходе на Белорецкой завод жил он по праздник святые пасхи 3 недели. С того завода пошел он к Магницкой крепости, не раззоряя оного завода. Во время ж житья его на том заводе пристало к нему русских башкирцев до 2000, с коими он Магницкую крепость, хотя и было из оной супротивление, взял и камenданта той крепости повесил,

[1] *Авзяно-Петровский.*

где он взял 4 пушки и 4 бочки пороху. Бывшие ж в той крепости исецкие казаки и салдаты, — сколько числом, не знает, — пристали к его воровской шайке добровольно.

На другой день взятья крепости пришли к нему Овчинников, Афанасей Перфильев, Иван Федулов и привели с собою 300 яицких казаков да 200 заводских мужиков. И он, Емелька, спросил Овчинникова: «Как ты ис Татищевой ушол и где ты был и этих людей, кои с тобою пришли, где набрал?» И оной Овчинников говорил: «Я де против Голицыной каманды стоял до тех пор и стрелял, докудова все заряды выстрелил, а потом, падши на коней, пробился прямо сквозь каманду Голицына, а за мною поспели убежать только казаков человек с 300, с коими он дошол до Илецкого городка. А чтоб де не нашол на него князь Голицын, то он разставил заставы, а между тем в Яицкой городок с казаком послал репорт и писал, что государь под Татищевою разбит и бежал с малыми людьми в Берду, войско яицкое разбито, и осталось только со мною 300 человек, и просил, чтоб из Яика прислана была к нему помочь, почему из городка та помочь с Афанасьем Перфильевым и прислана (но сколько, не сказал). И Перфильева де в городке пожаловали полковником. «А как скоро пришол Перфильев, то з заставы уведомлен де я, Овчинников, што князь Голицын идет к Илеку, то он, Овчинников, из оного Илецкого городка вышел и был сам в Яике и взял тамо пушки и уже со всеми людьми, то-есть и з заводскими, кои пристали на Яике и по дороге, пришол на речку Быковку, где с камандою князя Голицына дрался, но однако он его разбил, и он, Овчинников, оставя пушки, бежал и явился у тебя», то-есть у него, Емельки.

Из Магнитской крепости пошол он, Емелька, с толпою к первой подле оной крепости, — как зовут, не знает. Но, не доходя до оной, сведал он, что в той крепости сидит генерал Деколон, то, не ходя на оную, пошол в обход к другой подле той состоящей крепости, где был один прапорщик и 4 престарелых солдата, кои не противясь здались, и афицера взял к себе, а салдаты за старостью оставлены тут. А крепост Овчинников зажог.

От оной крепости пошли в третью крепость, где камендант супротивлялся и стрелял ис пушек, но однако ж

толпа его усилилась, крепость и пушки 3 и порох взяли, а камендант и афицеры побиты, салдаты ж взяты в толпу, но сколько, не знает, а крепость выжгли. От оной крепости пошел в четвертую крепость, где так же противились его толпе, но однако ж усилясь взял, каменданта и афицеров побил, пушки взял, также и порох и оставших салдат, — а сколько, не знает, — взял же в свою толпу, а крепость зажог. Из оной крепости пошел в Троицкую крепость, которая также хотя и противилась, но толпа его осилила, оную крепость взял с потерею из своей толпы человек до 30-ти. В той же крепости камендант и еще 4 человека офицеров убиты; салдат, коих было, как помнитца ему, сот до 5-ти, взяли, было, в свою толпу; но оные просили его, Емельку, чтоб он их начевать отпустил в крепость, а они де чем свет поутру к нему явятца, по которой прозьбе он в крепость и отпустил. Но поутру рано пришол к той крепости генерал Деколон и оною овладел, а ево с толпою прогнал, где артель его воровская разсеялась в разныя стороны более 500 человек.

По взятии Троицкой крепости стал он с толпою на лугах, то казак Горлов, которой у него был хорунжим, при Овчинникове и Перфильеве и при других казаках говорил ему: «Вот, батюшка, отсюда станем пробиратца на Иртыш». И он, Емелька, сказал: «Я этих мест не знаю и здесь не бывал, так, куда вы хотите, туда меня и ведите».

Да как он был в Магнитской крепости, то туда приехал башкирец, — как зовут, не знает, — и был оной в киргисах, и как оной к нему пришол, то он, Емелька, спросил ево: «Зачем ты пришол и откуда и кто тебя сюда прислал?» И оной башкир сказал, что башкир и живет в Каргалинской орде и сюда пришол посмотреть государя. И он, Емелька, спросил: «А отсюда куда ж хочешь ехать?» Башкир сказал: «Я опять поеду в киргисы». И он, Емелька, спросил: «Отвезешь ли ты к Аблай хану от меня письмо?» Башкир сказал: «Отвезу». И он, Емелька, приказал заводскому мастеровому, — как ево зовут, не знает, — написать по-татарски, а Творогову по-русски к Аблай хану письма, в коих он писал, чтоб прислать к нему войска, где писано и о взятом под Оренбургом безденежно ево скоте, за которой и обещал присланному от него отдать денги. И с теми письмами оного башкира да еще из ево толпы 2 башкирца

же да казанского татарина, дав им денег 200 руб. да всем по красному кафтану, отправил. Но на то никакой отповеди не получил и, где оные посланные девались, не знает.

Оным же людем приказывал он, Емелька, чтоб они Аблая от него попросили, чтоб он, ежели блиско где кочуют бежавшие из России калмыки, то б он дал им весть, чтоб оне, как можно скорее, сюда к нему, Емельке, приезжали.

По разбитии Деколоном толпы его осталось человек с 500, и пошли с оною по исецким казачьим станицам, где, прошод 2 станицы, нашло к нему в толпу исецких казаков сот до 5-ти, и лишь только выступил он к третей станице, то встретил его Михельсон, который его разбил, и толпа его разбежалась, а осталось только с 500 человек. И шол с оными сутки с трои, где собралось к нему из разбежавшихся ис под Михельсона еще сот до 2-х.

А чрез 3 дни пришол он в башкирские селения, где нашол стоящих на конях башкирцов до 3000 человек. И из оных, увидя идущую его толпу, старшина Салават, подъехав к нему, Емельке, сказал: «Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидаемся ваше величество, а нас де старшин здесь трое». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую. Послужите мне!»

И потом поехали они паки по исецким станицам. Приехав на одну станицу, казаки сказали ему, что де «служившей у вас в войске харунжей наловил ваших казаков и насажал целую тюрьму и морит их мором». И он, Емелька, призвав исецкого казака Семена Билдина, которого он произвел в полковники, еще будучи в Берде и был везде при нем безотлучно, и велел того хорунжаго повесить, коего и повесил.

Неподалеку от оной станицы нагнал он, не доезжая до города Осы, нашол[1] с своею толпою опять на Михельсона и на оного напал, но не мог его сломить. Но и Михельсон также его не разбил, а убил только из пушки одного казака Андрея Толкачова. А на другой день паки сошелся он с Михельсоном, и также была с ним сшибка, но и на оной ни Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михель-

---

[1] *Так в подлиннике.*

сону вреда не зделал, и разошлись: Михельсон пошол на Уфу, а он пошол к Красногорской крепости.

Как он с Михельсоном разошелся, то на другой день, как он стал лагерем начевать, то пришол к нему в палатку башкирского старшины Кинжи (которой у него в толпе был полковником) сын, — но, как его зовут, не знает, — и говорил: «Везут де наши башкирцы на почте из Петербурга какова та к вашему величеству человека, который де сказываетца, что он к вам послан от Павла Петровича». В то время в той палатке с ним, Емелькою, были Овчинников, Перфильев, Творогов, Давилин. Он, Емелька, сказал Кинжину сыну: «Где этот приезжей? Подай ево сюда».

И оной Кинжин сын, вышед из кибитки, тот-час при всех вышеписанных людех привел к нему того приезжаго человека. И оной приезжей человек, только што вошел в кибитку, — а он тогда сидел один, а протчие все стояли, — поклонился ему в ноги, то-есть до земли, а поклонясь говорил слова такия: «Его высочество Павел Петрович приказал вашему величеству кланятца и прислал к вашему величеству подарки». И, вынув ис кисы коженой сперва чорную шляпу, обшитую золотым позументом, потом сапоги жолтые, — а шиты ль золотом, не помнит, — а потом перчатки, шитые золотом, и, вынув это все, отдал ему, Емельке, в руки.

И он, Емелька, сказал: «Благодарствую». И потом спросил он, Емелька, того человека: «Здоров ли Павел Петрович? Каков он? Велик ли?» Тот человек говорил ему слова такие: «Слава богу, он здоров и велик молодец, да ево де уже обручили». И он, Емелька, спросил, на ком обручен. И оной человек сказал: «Он де обручен, не знаю, на какой та немецкой принцессе». И Емелька его спросил: «Как ее зовут?» И оной человек сказал: «Наталья Алексеевна». И Емелька сказал: «Ну, слава богу. Дай бог благополучно!» И оной же человек сказал: «И от Натальи-та Алексеевны прислан подарок к вашему величеству — 2 камня да, у меня де далеко в возу завязаны. Я де ужо принесу».

И он, Емелька, спросил того человека: «Што ты за человек и как зовут?» И оной сказал ему: «Я де московской купец, а зовут меня Иваном Ивановым». И он, Емелька, спросил оного Иванова: «Што про меня в Питере говорят?» И он, Иванов, сказал: «Ничего де не слыхать. Да вить ве-

ликой князь послал меня к вам тайно, и никто этова не знал».

И потом в то ж самое время оной Иванов говорил: «Я де к вам и пороху 60 пуд вез». И он, Емелька, спросил: «Да где же ты этот порох взял?» И оной Иванов сказал: «Да и порох де послан к вам от Павла ж Петровича». И Емелька ево, Иванова, спросил:: «Где ж этот порох? И как же ты ево провести мог?» И оной Иванов сказал: «Я де порох оставил в Нижнем на судне, а чтоб де протчие ево не видали, то я ево положил в бочку и засыпал сахаром». И потом он, Емелька, сказал тому Иванову: «Поди, бог с тобой, отдыхай и будь подле моего обозу».

А как оной Иванов от нево вышел, то он Творогову, а после и Чумакову говорил: «Смотрите ж за старичком-та, штоб он не ушол. Мне кажетца, он обманщик. Статное ль дело, штоб Павел Петрович ко мне прислал подарки?».

После сего на другой день пошол он к Красногорской крепости, ис которой верст за 50 встретили его той крепости казаки, которые к нему в толпу пристали, — как помнитца ему, человек до 50-ти, почему он в Красногорскую крепость и не заходил, а прошел мимо.

После сего пришол он в Осу, коя ему не здавалась, и производили с оной пальбу. Однако ж в двои сутки оную взял, город выжег, трех камандиров — Скрипицына, Пяткина, — третьяго кака звали, не знает, — повесил, взял 3 пушки, а салдат причислил к своей толпе, — но, сколько их было, не помнит.

Как он, Емелька, стал еще сбиратца под Красногорскую крепость, то на другой день поутру оной Иван Иванов, пришод к нему в кибитку, говорил: «Отпусти ж меня, ваше величество, в Казань, а я оттоль поеду в Нижней и привезу к вам в Казань порох». Он, Емелька, боясь, что не с подвохом ли он прислан к нему от какой воинской каманды, так осмотря мою толпу, не подвел бы ту каманду нечаянно на нево, то сказал Иванову: «Поживи у меня, старик, ища будешь в Казане». По взятье Осы опять просился в Казань, но он ему сказал: «Што ж ты скучаешь? Я де тебя сам вспомню, когда отпустить».

И потом пошол он из Осы прямо на Казань, где на дороге разбили оне 2 каманды верных войск и взял 2 пушки, и харунжей ево, Емельки, Илья Самострелов заколол од-

ного афицера. Как он от Осы шол под Казань, то к толпе его пристало татар и русских мужиков до 7000 человек, да пушек с 12.

Во время ж походу ево к Казане, не доходя до оной, как верст за 300, означенной Иван Иванов просил ево, Емельку, чтоб он отпустил его не за порохом, а в Петербурх: «Я де к вам в Казань привезу Павла Петровича и с великою княгинею». Но он однако ж не отпустил, зная, что он ево обманывает.

Не доходя до Казани верст 20 встретилась с ним верных войск каманда, которая выпалила по толпе его один раз пужом,[1] а коль скоро выпалили, то толпа ево пушку отнела, афицера Швытковского взяли ж в толпу, а полковника казаки скололи бегущего на дороге. Каманда конная и пешая вся не дравшись ушла в лес. Не доходя до фарштата, на Арском поле он с толпою остановился, и Овчинников повес злодейской его манифест, чтоб Казань ему здалась, и отвезя возвратился к нему и сказал, что манифеста ево не слушают, а только бранят. И он, Емелька, приказал всей своей сволоче злодейской приступить к фарштату и сперва велел палить ис пушек, а потом, как и по нем стали стрелять с батареев, то он велел фарштат в разных местах зажечь.

А как город весь загорелся, то афицеры, которые на батареях стояли, остались не убитые, те ушли в кремль, а салдат взял он к себе в толпу. По крепости он не палил для того, что весь город был в огне, и тово ради и сволочь свою отвел на Арское поле. Из тюремного острога всех колодников выпустить он велел.

Как он, Емелька, ехал по Арскому полю, то он наехал на жену свою, показанную Софью, и при ней помянутые ево дети — сын Трофим, дочери малолетные Аграфена и Крестина, коих и велел посадить на воз и отвесть в его кибитку. Тут же увидел он и игумена Филарета, коего також велел отвести в кибитку ж.

Как еще в городе пожар продолжался, то в то самое время пришол на Арское поле Михельсон и стал по его толпе из пушек палить и наступать на его толпу, против чего хоть и он ис своих пушек палил же, но, как казаки

---

[1] *В тексте: после „пужом" вопросительный знак в прямых скобках.*

ево, ворвавшись в город, напились, и много было пьяных, то противу Михельсоновых пушек, также и пехоты не устояли, и бросились кои куда, то он, Михельсон, как пушки у него, так и взятых в толпу его из города, а большею частию с Арского поля людей взял. А он, Емелька, с толпою своею, коя ушла от Михельсона, пошол в свой воровской стан и, снявши оной, на другой день поутру перешел чрез речку Казань и, быв тамо 2 дни, перешед оную, пришол паки на Арское поле с таким намерением, что Михельсон опять за ним погонитца, а ему уже, как отрежит ево от рек, некуда бежать будет, а естьли он ево на Арском поле и разобьет, то он перелезет чрез Волгу. А притом надеялся, что и он Михельсона разобьет.

И как скоро он на Арское поле с своею сволочью показался, то Михельсон на него и накрыл, и происходило между ими сражение, и подравшись его сволочь не более как часа с полтора, стала бежать. И потом Михельсон отбил у нево пушки. А как его пушками завладел, то и он, Емелька, со всею уже толпою побежал и только успел взять жену и детей, протчей же обоз казаки помогли ему так же увести.

Михельсон гнался за ним верст с 15, но догнать ево не мог. И, отбежав от Казани верст со 100, перешол Волгу, где при переходе чрез реку повесил, он Емелька, сержанта, который был при перевозе, за то, что оной потопил суда и для тово, чтоб ево с толпою не перепустить за реку. Как же он перешол Волгу, то толпы его собралось на первой стан человек до 1000 конных. И потом, отойдя от берегу небольшое расстояние, начевали.

На другой день пошол он с толпою мимо одной большой деревни, и как пришли в оную, то крестьяне все разбежались и не дали для перевозу толпы его судов, за что он всю деревню велел выжечь, которая и вызжена.

От оной деревни ехали они до обеда, а едучи дорогою Караваев и Овчинников просили ево: «Что, батюшка, отпусти Ивана та Иванова. Он уж не смеит вас просить». Как же стал он обедать и кормить лошадей, то увидел, он, Емелька, показанного Ивана Иванова и позвал ево к себе и говорил ему: «Што, старик, хочешь ехать?» И он сказал: «Давно уж пора ехать, да я не смел вам, батюшка, докучать». И он, Емелька, сказал: «Ну, бог с тобой, поезжай».

И оной Иванов сказал: «Я поеду и привезу к вам Павла Петровича. Да што ж, батюшка, одному ему приезжать или и с Натальей Алексеевной?» И оной же Иванов сказал: «Куда ж прикажешь приезжать?» И он, Емелька, сказал: «В Царицын, а кали в Царицыне не застанешь, так в Астрахань, ищи де там меня у Полякова».

Оному ж Иванову при отъезде ево дал ему он, Емелька, 50 руб. Оной же Иванов с самого ево подарками к нему приезда был при нем, Емелька, неотлучно. И когда он дрался с верными войсками, то оной Иванов езжал за ним верхом, а в обозе не оставался.

По отпуске Ивана Иванова пошол он с толпою своею прямо на Алатар, где его встретили жители того города почти все за городом с хлебом и с солью, а попы с крестами. При входе в город приставлен был от него караул, чтобы городских жителей толпа его не раззоряла, а сам пошол в церковь, и пели попы молебен, поминая государя Петра Федоровича, Павла Петровича и великую княгиню, а всемилостивой государыни не поминали. Но он чтоб поминать или не поминать, попам о том ни слова не говорил.

По отпении молебна пошол тамошней роты к порутчику, — как зовут, не знает, — с ближними своими злодеями по зову ево к нему в дом, и пили чарки по 3 вотки. А потом Чумакову велел забрать казну и порох, — которой казны сколько взято, також и пороху, не знает, — вино казенное, как ворвавшиеся в город казаки стали пьянствовать, то он приказал рубить все бочки и вино выпустить; содержащихся колодников, сколько их было, всех распустил.

Как же пели молебен и встречали с крестами, то в то время был один поп в шапке с каменьями, как быть золотая. Воеводы и судей в городе никого не было, а жители и помянутой порутчик сказали, што де вчерась бежали. В то время, как он был в городе, жители жаловались ему, што де казаки ево, ходя по их домам, грабят имение и раззоряют. И он, услыша оную жалобу, поехал по городу сам и казаков выгнал. Помянутой порутчик и все жители называли ево, Емельку, государем. Того города бургомистру приказал он, Емелька, штоб казакам дать соли на каждого по 3 фунта без денег, а сколько роздали, не знает.

Как он пришол в Алатар, то было его толпы тысячи, ка-

залось ему, з 2, а подлинно не знает, потому што он списков не имел. Потом, взяв он афицера и салдат, — а сколько, не знает, только помнитца ему: человек с 20 — пошол к своей толпе за город, а город приказал, чтоб был сохранен, сержанту, который был росту небольшого, и приказал оному сержанту, чтоб высылал к нему жителей, годных в службу, которой не больше как человек с 50 и выслал. Как жители о воеводе и других судьях сказали, что оне ушли в лес, которой близ города, коих он казакам и велел искать, но оне не сыскали.

В бытность ево еще в городе бургомистра спросил он: «Есть ли де у вас в городе серебреники и пойдут ли ко мне служить?» Бургомистр сказал: «Есть де двое. И как де им нейтить! У вас де им лутче будет, чем здесь», коих 2 человека тот-час и привели, и один с женою, другой без жены. Как оне пришли к нему уже в стан, то он им, показав рублевик Петра перваго, говорил, могут ли они этакие делать, с ушками. И оные сказали: могут. И он же, Емелька, спросил их, указав на свою рожу: «А такой потрет, как я, можете ли делать?» И оне сказали: «У нас де штемпелей нет, так де зделать такова, как вы, не можем».

Как он стоял под городом одне сутки, то в то время приводили к нему из разных селеней крестьяне господ своих, також и ево толпы казаки — дворян, а сколько числом, не помнит, и, кто оне таковы, не знает, — коих Овчинникову приказал вешать, кои повешены. Овчинников же лепортовал ему, што повешано 12 человек.

В Алатаре приходили к нему в толпу служить крестьяне, но пешие, коих он отсылал назад. Из Алатаря пошол он с своею сволочью в Саранск, — где также ево встретили попы и жители, ибо, не доходя он до того города, посылал в оной Федора Чумакова с манифестом. Воеводы и судей в городе не было, а сказали, што все бежали. Казну всю, какая была, велел забрать и забрана, — но сколько, не знает, — тюрьму велел отворить, но были ль колодники не знает. Вино, хотя он запечатать и приказывал, но думает он, што выпили казаки, а не меньше и обыватели сами. Домы толпа его тех обывателей, кои из города бежали, грабили, но под их след грабили же и обыватели.

Побывав в городе несколько часов и взяв тут 6 или 8 пушек, также ядры и порох, пошол за город в свой во-

ровской стан, а воеводою зделал он того города посацкого, — как зовут, не знает. Приходили к нему сперва в городе, а потом и в стан городовые 2 афицера и человек с 15 салдат, коих он, хотя в службук себе и звал, но оне его, Емельку, упросили, чтоб он их оставил, сказывая притом, что де мы хотя люди еще и не старые, но все переранены, почему он ни одного в свою толпу и не взял.

Под сим городом стоял он двои сутки. В сие время приведено к нему, злодею, крестьянами и его казаками из разных селений, сколько он припомнить может, дворян 15 человек (а подлинно не помнит), коих он приказал повесить. И Овчинников сказывал ему, что оные и повешены, в том числе одна женщина, у которой в городе он, Емелька, обедал, без его приказу казаками ево повешена, но кем имянно, не знает.

Из города взял он в свою толпу присланных от нареченного им воеводою городских жителей человек с 50 и потом пошол он к Пензе. И идучи дорогою приведено к нему людьми боярскими и крестьянами дворян, как он таперь припомнит, 5 человек, коих он по жалобам их, что они крестьян своих обижали приказал повесить, коих Овчинников и повесил. После сего крестьяне же привезли к нему свою госпожу, которая сказала о себе, что муж ее в походе против турок, а она де ис польских дворян, кою он вешать и не велел. А как она попросила ево, чтоб он ее от ругательства сохранил и взял с собою хотя до Царицына, на которую прозьбу он склонился и велел вести ее в обозе. Но Овчинников, узнав о ней, потому что муж ее бывал в Яицком городке и стоял у нево в доме, и тогда де муж ее и она много делали ему раззорения и его и жену ево бивали, то в отомщение оной Овчинников без его приказу засек оную афицерскую жену плетьми до смерти, о чем ему после уже сказал Давилин. И как стал он, Емелька, Овчинникову говорить, для чего он ее без его приказу засек, то оной Овчинников говорил: «Мы де не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас разоряли, с собою возил, ин де мы тебе служить не будем». И он, Емелька, услышав этакие слова, как оной Овчинников — первой человек во всей его толпе, замолчал.

Потом пришол он в Пензу, где встретили тутошние попы с крестом, а народ с хлебом и солью. По приходе в го-

род казну государеву велел своим ближним способникам в злодействах ево, — но кому, не упомнит, только из 2 — Давилину или Чумакову, — всю забрать к себе в воровской стан, кои и забрали, а сколько не знает, но слышал, что взято было много. Вино и соль толпа его грабила, хотя от его и праказано, как и прежде было, чтоб соли толпе его давать без денег только по 3 фунта на человека. Домы обывательския, кои из города бежали, толпа его грабила. Воеводы и других судей в городе не было, а сказали ему, што бежали, коих хотя сыскать и привести к себе приказывал, но никого к нему не привели.

Обедал он в городе у бургомистра или другова какова над купцами начальника, — а как ево зовут, не помнит, — которой подарил ему 2 лошади. Оного бургомистра по выходе из города нарек он воеводою и поручил ему город. Во оном городе называли все ево, Емельку, государем. Взял из оного города 4 пушки, також ядры и порох, да пристали к его толпе бывшие в городе 12 человек волских казаков и с одним старшиною, также и трое гусар. Под сим городом никого он вешать не приказывал, да и к нему никого тут не приводили. Но как отошол он от города 12 верст и остановился начевать, то тут привели к нему крестьяне, — а чьи, не знает, — помещиков своих 2-х человек, коих он Давилину приказал повесить, которые и повешены.

С того места пошол в Петровск и, не доходя до города, послал Чумакова и несколько казаков в город с своим злодейским манифестом, а как после ево подошел к городу, то встретили ево поп с крестом, а жители с хлебом и солью. По приходе в город нашол он только 4 человека волских казаков, також воеводу и порутчика, ис коих воеводу за то, што жители жаловались ему, што он обижал, велел повесить, которой и повешен, а о порутчике сказали, што он человек доброй, то он и зделал ево воеводою. Порох взят ли Чумаковым, он не знает, а пушки хотя и были, но понеимению в них нужды не взяты. Казны государевой не взято, что ее не было. Вина толпе не давали, а велел запереть.

Казаки волские 4 человека пристали в его толпу, дом разграбили воеводской, о котором сказали ему казаки, что ничево в нем и не было, а только взята одна лошадь. Солдаты в городе хотя и были, но немного, ис которых он ни одного к себе в толпу не взял.

В бытность ево в городе привели к нему объезжие ево казаки 4-х человек казаков, коих он спросил, что оне за люди, и оные сказали што де «мы — донские казаки, а присланы де от камандира осмотреть, какие люди в крепость взошли». Он им отвечал, что пришол государь, а потом спросил: «Велика ли ваша каманда?» И оные сказали: «60 де человек нас донских, майор, эсаул и сержант». И он, Емелька, 3-х казаков оставил у себя, а одного послал к его камандиру, коему велел сказать так, как и казакам, чтоб оне не дравшись приклонились, а ежели дратца станут, то он их всех казнит, с чем тот казак и поехал. А коль скоро оной поехал, то он, Емелька, увидя сам означенную каманду тот-час с своею сволочью поскакал к оной. А как он приехал к ней блиско, то казаки тот-час слезли с лошадей и наклонили знамя, сказав, что «мы тебе, государь, служить ради». Помянутой же майор, лишь только завидал ево, Емельку, идущего с толпою, также эсаул и сержант, поскакали во всю прыть от каманды прочь, за коими он, Емелька, послал погоню, ис коей сержанта, догнав, казаки убили до смерти, а майор и эсаул ускакали. Означенных же казаков принял по их охоте в свою толпу.

Потом пошол он с толпою к Саратову, но, не доходя оного — встретилась с ним идущая от Саратова казацкая каманда с хорунжим, коего звали Александром, и как он, Емелька, сию каманду увидел, то послал казака спросить, откуда едет каманда и куда. Казак поехав спросил и прискакав назад сказал ему, что это де волские казаки 60 человек с одним харунжим и были де в Саратове и оттуда ушли и идут служить к вашему величеству. И потом с оными казаками он сошолся и, сошедшись, спросил, много ли в Саратове каманды, и харунжей сказал: «Каманды де там есть разные, артилериские и армейские и наши казаки, кои де с вами дратца не станут. Мы де бы давно к вам ушли, да не знали, где вас обыскать. А те де каманды артилериская и армейская небольшие». И он, Емелька, как сего харунжева Александру, так и донского эсаула, или же и оной был харунжим, назвал он, Емелька, полковниками.

Как же подошол он к Саратову версты за 4, то выехал к нему навстречу волских же казаков человек с 20 и с

ними саратовской житель, которой, подъехав на лошади к нему, слезши с оной, поклонился ему, Емельке, в ноги. Он ево спросил: «Что ты за человек и зачем сюда приехал?» И оной ему говорил: «Я де города Саратова житель Кабяков, прислан к вашему величеству от всего города, чтоб вы пожаловали манифест, а то де народ желает вам служить, да только де нет манифеста». И он, Емелька, приказак Творогову написать манифест и отдать тому Кабякову, почему Творогов манифест воровской написал и Кабякву отдал, и оной, взяв, поехал. После сего подошол он под Саратов, где палили по нем сильно из пушек, а он напротив того стрелял из своих пушек. И напоследок толпа его ворвалась в город, но воинскои команды и тут дрались, но напоследок афицеры, оставя пушки, с салдатами отстреливаясь, из города вышли вон, а выттить уже ис крепости не успели, — 2 офицера, один в красном, а другой, помнитца ему, в зеленом кафтанах, и с ними осталось пехоты в зеленых кафтанах 70, а в красных 50 человек, которые, хотя и отстреливались, но однако ж толпа его, усилясь, их взяла и они напоследок положили ружье. И отвели всех их в его ставку за город. Саратовские ж казаки, коль скоро в город вломилась его толпа, то оные дратца не стели и пристали к его толпе. Саратовские же жители, в том числе и бургомистр, также не дрались, а, увидя его, Емельку, поклонились все и сказали, что «мы вашему величеству служить готовы».

По взятии города увидел он знакомого ему саратовского купца, — имени ево не помнит, по прозванию Уфимцов, — который знаком ему потому, что как он, Емелька, пробирался с Яику в Оренбурх, то под Илецким городком наехал он на того купца, кой гнал на продажу 300 лошадей, и он, Емелька, сторговав тех лошадей за 3 500 руб., но денег тогда ему, што у него их не было, не дал, а обещал ему заплатить, когда придет он, Емелька, в Саратов. О приходе ж ево в Саратов тому купцу сказал наудачу, только для того, чтоб он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове. Почему, как пришол он, Емелька, в Саратов, то оной посацкой, как знакомой ему человек, к нему и пришол. А он, узнав ево и счотчи, что он показанными лошадьми ево одолжил,

того купца благодарил и деньги ему 3 500 руб. заплатил. Детей ево двоих, коих он привел к нему с собою, одново назвал полковником, а другова казаком и определил их в свою толпу, кои у него по самое последнее Михельсоном ево разбитие были. У оного ж купца он, Емелька, обедал, где был и бургомистр, но, как зовут, не знает.

Бывши в Саратове, при саратовских казаках говорил он, Емелька, што у него пеших казаков много, а лошадей нет, и казаки, — а кто имянно, не знает, — сказали ему: «У нас, батюшка, есть 2 табуна лошадей. Мы тот-час велим пригнать», кои подлинно тово часу в город и пригнали. И он, Емелька, велел толпы своей казакам их брать, у кого не было лошади, а между их и саратовские казаки ис тех лошадей себе брали ж.

В тож время, как он был в Саратове, пристало к нему с судов бурлаков 100 человек и один эсаул с ружьями, а иные и с саблями, а иные с шпагами, у коих было на том судне, на коем оне плыли, — как сказывал эсаул, и сам он, быв на том судне, видел, — денег медных 2 бочонка, сундук с серебряною посудою, 200 серебряных денег и 6 дворянских жон. И он, Емелька, деньги серебряные взял к себе, а протчее все оставил на судне. А притом спросил он, Емелька: «А женщины де какие?» И эсаул сказал: «Мужья де их были дворяне, но мы их всех, коих было 6 человек, покидали в воду», причем женщины просили ево, Емельку, чтоб он с судна их взял к себе. Но он их не взял, а эсаулу накрепко приказал, что он тех женщин зберег и отнюдь бы их никто ничем не обижал, а привез бы сохранно в Царицын к нему.

Казну государеву толпы ево начальники брали и из оных показаному Уфимцову за лошадей 3 500 руб. заплатили, — сколько ж той казны всей взято, не знает. Тут же брала толпа ево провиант, — сколько ж, не знает. Вино на кабаках, нельзя сказать, чтоб толпа его не пила, но он о том не приказывал. Пушек в городе взято, помнитца ему, — 5 да одна бомба, со всем снарядом, тож ядры и порох, но сколько, не знает. Ис Саратова по день разбития ево Михельсоном в толпе его были двое показанных офицеров и салдаты, також купец Кабяков и Уфимцова двое детей, тако ж и все казаки.

По выходе из Саратова пошол он поселенными колони-

стами, коих он прошол 5 селеней, но оные драки с ево толпою не делали, охотников же набралось в его толпу 500 человек. Как он пришел к Саратову, толпы его злодейской было 3 000 человек, а пушек было 10.

Как же он Саратов совсем взял, то в то время пришол толпы ево яицкой казак Ходин и привел к нему 700 человек заводских работников, людей боярских и крестьян конных и вооружены ружьями, а у коего ружья нет, так с копьем. Он увидя его, Ходина, спросил: «Где ты был и где этих людей набрал?» Оной Ходин сказал: Как де тебя, батюшка, разбил Михельсон под Казанью, так де я из этих людей в небольшом числе все шол позать вас, и дошел де я чрез Алатарь, Саранск, Пензу, Петровск, но везде тебя не заставал, а приходил после вас, и эти де люди все ко мне приставали сами». А делал ли оной Ходин в селениях какие убивствы и грабления, о том ему не сказал, да и он о том не спросил.

И потом со всею своею сволочью пошол он к Камышенке сухим путем, а упомянутые бурлаки ехали в своем судне по реке в виду его толпы. По приходе к Камышенке встретили ево, не доезжая оной, царицынских казаков 30 человек, кои были на заставе, и добровольно пристали к ево толпе. Как он пришол к городу Камышенке, то все того города жители встретили ево, Емельку, с хлебом и с солью, а поп с крестом. Но камендант, не стреляя по них, заперся в крепость. Казаки ж толпы ево, разбив крепость, каменданта закололи до смерти, а салдат 10 человек и с ними афицер взяты и причислены к его толпе. Камендантов двор, також и тех жителей, кои в крепость бежали, домы раззорили. Казна государева разграблена, но кем, не знает, а он грабить не велел.

В бытность в Камышенке пришол к нему Перфильев и сказал: «Один де афицер, што взят в Саратове, хочет бежать». И он, Емелька, сказал:: «Ты смотри, штоб не ушол. Вить ты ево хвалил, так ты за ним и смотри, а дело то разбери». А на другой день оной Перфильев сказал ему: «Афицер ат де тот, которой бежать хотел, ушол». И он, Емелька, сказал: «Да как ему уйтить, разве ты его уходил?» И оной Перфильев сказал: «Да уш так быть — ушол», а сам разсмехнулся. А потом услышал он, Емелька, от казаков, что тот офицер истреблен. Как он был в Камы-

шенке, то пришло к нему, Емельке, малороссийских каза-ков 600 человек конных.

С Камышенки пошол он чрез 3 царицынских казаков станицы. Как первая словет, не знает, а 2, Короваевская и Антиповская, которые без супротивления все пристали к его толпе. На тех 3 станицах казаков было 300 человек. А как из оной станицы вышел, то встретила его толпу лехкая полевая команда, один донской казацкой полк и 6 000 калмык, и, не дравшись, еще с ним, донские казаки сьехались ево толпы с казаками, и донские просили ево казаков, что де командиры их велели просить от государя манифеста. Те казаки, приехав, сказали о сем ему, Емельке. И он Творогову приказал написать манифест и послать з 2-мя калмыками (которые в его толпе служили), которые отвезя возвратились к нему и сказали, что они манифест отдали калмыкам, а калмыки повезли к своему князю, а князь хотел вести к казацкому полковнику и к маэору, которой камандовал лехкою камандою. Но оттуда никакого известия он не получил.

И на другой день, осмотря означенныя верныя войска, показалось ему, што команда велика, то, штоб, со оною не дратца, боясь, што его толпу разобьют, пошол в обход другою дорогою. Но оные верные войска его перехватили и стали по нем стрелять, а потом и он, и как у верных войск подбила его толпа ис пушки у единорога лафет, а тем и пороховой ящик взорвало, от чего калмыки, а потом и казаки и салдаты подались назад, он, воспользуясь сим случаем, со всею своею сволочью на войска ударил, — калмыки и донцы побежали, также и афицеры салдат оставили, сами ж побежали, то он, взяв салдат и пушки, отвес к себе в толпу, — коих было с 800 человек, — и поручил оных в каманду взятому в Камышенке афицеру.

После сего пошол он с толпою к Дубовке, где дубовские жители ево встретили, а атаман Персицкой ушол в Царицын, и оные казаки добровольно придались в его толпу, ибо их тут было не больше, как человек з 200, куда пришло к нему в толпу калмык 3 000 с калмыцким князем, — как помнитца, сказывали ему, яицкие казаки, — Дербетевым, — а подлинно не знает. Оному князю дал он 50 руб. да 2-м ево братьям по 30-ти руб. да по кафтану красного сукна, а мурзам их ближним по концу китайки. А калмы-

кам велел дать бочку медных денег, — а сколько в ней потом было, не знает.

И потом пошол к Царицыну, и, поровнясь против оного, стали по нем стрелять ис пушек, а он по городу так же пушек ис 4-х выпалил да посадил в город 4 бомбы. Как же он пошол с толпою от Дубовки, то, не доходя еще Царицына, сошлась с ними донского войска каманда под камандою полковника Кутейникова, которая вступила с ево толпою в драку, но толпа его была сильнее, то оную каманду разогнала, и его толпы казак Иван Федулеев, которой назван от него, Емельки, полковником, полковника Кутейникова ранил и привел к нему.

Он, Емелька, увидя Кутейникова, говорил: «Ты Пугачова дом разорил». Кутейников сказал: «Не разорил, а исполнил волю камандирскую». И он, Емелька, сказал: «Узнаешь ли Пугачиху?» И Кутейников сказал: «Не знаю». И он, Емелька, велел кликнуть жену свою, а как она пришла ,то он сказал: «Вот Пугачиха». Кутейников сказал: «Я ее никогда не видывал». И потом, напоя его вином, выслал вон. А как он вышел, то он Федулееву сказал: «Завтре Кутейникова та повесьте». Но поутру репортовали ему, Емельке: «Кутейников де ис-под караула ушел». Но он об оном более не спрашивал, как ушол.

Как выше он, Емелька показал, что в Царицын бросил 4 бомбы, но з задних его толпы разъездов уведомили ево, што находит на него воинская каманда, и думал он, што идет князь Голицын или Михельсон, коих он оробел, потому што надежных в его толпе людей осталось, то-есть яицких казаков, мало, а хотя другой сволочи число людей и велико, но они, только услыша о Голицыне и Михельсоне, то сробеют и разбегутся и стоять против их не станут, то он, удаляясь от драки, и пошел, оставя Царицын мимо, ибо прямое его намерение было, штоб, дошед до Черного Яру, итти прямо в Яицкой город и тут остаться зимовать, о коем его намерении знали только Овчинников и Давилин, а в толпе своей он разглашал, што будто б зимовать он идет в Астрахань, для того што толпа его вся охотнее туда итти хотела, а на Яик бы охотников итти было мало, кроме яицких казаков, а донские б и волские казаки да и царицынские совсем от него отстали, равно заводские и боярские крестьяне, потому што он уже о склонности их

итти в Астрахань чрез яицких казаков ведал. По пришествии ж зимы куда б он иттить был намерен и какое еще зло делать, о том никакого размышления на скверное его сердце не приходило, ибо он мерской свой живот в руки отдал с самого начала злодеяний его яицким казакам, почему никак он не смел противитца во всем их богу ненавистной воле, и, что б оне в Яике на совете положили, то б он делать и стал.

И по вышесказанной притчине от Царицына он пошел, но как мешали ему разъезжающие около города донские казаки, коих он своею толпою окружил и потом захватил 500 человек в свою толпу, протчие ж разбежались. Когда ж донские казаки пришли в его толпу, то многие тут были и знакомые ему и, его узнавши, между собою шептали: «Это наш Пугачов», но однако ж ни один из них в глаза назвать ево не смел. И как их караулить он не приказал, то весьма много из его толпы ушло.

Прошед он, Емелька, Царицын 3 наслега, на котором и нагнал ево Михельсон с верными войсками, где, по малом супротивлении сволочь ево разбита, пушки и весь ево обоз взяли, люди его толпы разбежались в разные стороны. А он побежал к Черному Яру, но, не добежав Черного Яру верст з 20, перешол за Волгу в степь. А как перешол, то Творогов счол оставшую толпу, коей насчитал он 164 человека, ис коих 160 яицких казаков да башкирской старшина Кинжа да каргалинской татарин Садык и, — помнитца ему, — 2 татарина с ним.

Ехали они степью целые сутки без воды, и как уже люди и лошади без воды, — да и хлеба не было, — стали томитца, то он, Емелька, Творогову, Чумакову, Коновалову и Федулову говорил: «Куда вы меня ведете? Люди и лошади помрут без воды и без хлеба». Оные ему говорили: «Мы идем на Узени». И он, Емелька, говорил: «Я степью итти не хочу, а пойдем к Волге. Пусть ж хотя там меня поймают, да мы достанемся в руки человеческие, а то в степи помрем, как собаки». На что оные Творогов с товарищи согласились, и с ними пошло казаков человек со 100 и больше, также Кинжа и татара. А человек до 40 или с 30 с ними не пошли, а пустились в степь.

Пришол он с оставшими разбойниками к Волге на другой день утра. Шод по Волге двои сутки, нашли калмыков

ставропольских 12 человек: из них поймали 2-х, а 10 ушло, те двои сказали, што оне по Волге гуляли; взяв у тех калмыков[1] с хлебом навьюченных 64 лошади, и оных от себя отпустили.

И потом, чрез несколько дней спустя, наехали они на поставленную ис Камышевки заставу, ис которой 2-х человек сололи: одного он, Емелька, а другова племянник казака Федулева, Василей Федулев.

Во время ж сего их беганья один казак увел у Творогова дву лошадей и с оными бежал, но после того казака харунжей его толпы и помянутой татарин Садык убили. После сего дошол он до малороссийской слободы, — а как зовут, не знает, — где, купя одну лошадь и телегу, посадил в оную жену свою Софью, ибо она с самого разбития под Царицыным по переходе за Волгу до сей слободы таскалась за ним верхом. Потом, оставя Елтонское озеро вправе, пошли на Узени и пришли на Узень, называемый Марцо. С оного двое казаков поехали стрелять и ездили всю ночь. Как же по проходе одного Узеня пришли на другой, то оные казаки, пришод на тот Узень, сказали: «Мы де нашли, как ездили стрелять, старцов». И он, Емелька, Творогову и другим ближним при нем говорил: «Поедем к старцам. Не найдем ли тамо кого наших беглых старцов». И Творогов, Чумаков, Иван Федулев, Горлов, Бурнов и еще человека 4 или 5 казаков, — имен их не знает, — сказали: «Поедем».

Почему он, Емелька, и взял лошадь не из лутчих, то, подошед к нему, Емельке, Творогов, говорил: «Што вы такую худую лошадь себе беретя? Вы б полутче взяли. Неравно де как што случитца, так бы было на чом побежать». И он, Емелька, сказал: «Я берегу хорошую-та лошадь вперед для себя и для вас». И потом поехали, а оставшая толпа осталась на Узени.

Как отошли они от Узени 2 версты, и старцев не нашли, а пришли к ним человека с 3 стариков яицких казаков, но без монашеского платья, и принесли к нему дыню. И, евши дыню, Чумаков спросил ево, Емельку: «Што ж, куда мы пойдем?» И он, Емелька, сказал: «Я и сам не знаю, куда пойдем. Куда вы хотите, туда и я пойду».

---

[1] *В подлиннике ошибочно: «казаков».*

И оной Чумаков говорил: «Я вам правду скажу: не пойдем мы ни в Сибирь, ни в чужую землю и никуда, а пойдем в Яицкой городок». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, пойдем. И кали нас там примут, та останемся тут, а кали не примут, так пойдем мимо». И Чумаков сказал: «Как не принять? Примут».

И потом, переехав речку, хотел он, Емелька, сесть на лошадь, но Чумаков сказал Бурнову, указав на нево, Емельку: «Сыми с нево саблю». Бурнов, подошед к нему, снял с него саблю и потом ледунку, а в то ж время послал оной Чумаков и Горлов к оставшей на другом Узене толпе, и тамо Коновалова также всево обобрали. И как Чумаков и Горлов от него уехали, то, вознамерясь он, Емелька, от оставших людей, то-есть Творогова с товарищи, убежать, поскакал от них в камыши. Но оные ево, — а кто имянно, не помнит, — догнали, а потом, наехав и другие оставшие догнавши, поехали вокруг ево, так што уйтить ему более было неможно.

А потом, доехав до речки, с лошади слес, которую у него и взяли, и, оставя ево под караулом, послали сказать оставшей, как выше сказано, на Узене, толпе. Потом толпа приехала и собрали круг и послали сказать, что он, Емелька, арестован, в Яик казака Калмыкова. А сами остались все на том месте, где он сшол с лошади, и отдан под караул. А как отдали ево под караул, то главным над толпою остался казак Федулев.

Начевав на том месте, не дождавшись возвращения Калмыкова, пошли до реки Яика, и, отошед несколько верст, остановились кормить лошадей. И как остановились, то пришли к нему казаки и говорили: «Куда нас ведете? Нас всех в Яике погубят, а заведомо б вести ево, Емельку, в Москву, и там явитца или уже станем скитатца на Узенях». И он, Емелька, видя этот шум, выскоча схватил из лежащих блиско ево в куче казацких сабель, закричал, подшед к Федулину: «Куда вы меня везете? Ваши казаки на Яик итти не хотят, так лутче пойдем в Москву, а Федулев такой же изменник и сообщник мой, как и я, и вы, господа казаки, ево свяжите».

Сие он говорил для того, чтоб не возили его в Яик, а повезли в Москву, и там бы за злодеянии свои был он наказан. А как казаки и другие, пришедши с Федулевым, на

тех казаков, кои противились итти на Яик, закричали! «Што вы это делаете? Еще мало мы бед та наделали?» то оные казаки и разошлись врось. А он, Емелька, видя, што те казаки от нево отошли, взятую им саблю бросил. И потом повезли ево в Яик.

Не доезжая ж оного, прислана из Яика навстречю толпы его каманда, с коею пришол казак Харчов, и пришод посадил ево в колоду обеими ногами и потом привес ево в Яицкой городок, и отдан он бывшему тамо гвардии афицеру Маврину, которой тот-час велел ево заковать в ручные и ножные кандалы и потом ево, Емельку, допрашивал, где он во всех своих злодеяниях винился.

А из Яика послан он под караулом генерала Суворова в Синбирск, где также ево генерал граф Петр Иванович Панин и генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин о соденных им злодеяниях допрашивали, где потому ж во всех чиненных им с толпою своею злодействах винился. А из Синбирска послан он, Емелька, за караулом в Москву, куда он и привезен.

Красный архив 1935 т. LXIX — LXX, стр. 163—224.

27

1775 г. февраля 25.— Показания полковника революционной армии башкира Салавата Юлаева

Салаватом ево зовут, Юлаев сын, от роду ему 20 первой год. Жительство он имел при отце своем, Оренбургской губернии в Уфимской правинции, в деревне Юлаевой, состоящей на болшой Сибирской дороге.

В прошлом 1773 г. осенним временем из Уфимской провинциалной канцелярии прислан был к ним в их башкирские селении печатной манифест, чтоб тамошние их башкирские старшины отправили от себя башкирцов на вспоможение верным войскам против проявившагося тогда злодея Пугачева и ево толпы, которой чинил нападение на Оренбург и раззорял другие тамошние селении. Почему отец его Юлай, дав ему, Салавату, в команду башкиров 80 человек да и заслуженой тем отцом его в Польше знак, его, Салавата, к верным российским войскам и отправил, и велено было ему явиться в крепости Стерлинской пристани у командира, ассесора Павла Богданова. Ехал до оной

крепости 15 дней и, по приезде в оную, явился с командою своею у того Богданова, которой поруча его с тою командою и еще других башкирцов и мещаряков, всего до 1 200 человек, под предводительством башкирского старшины Элви к генералу Кару в деревню Биккулову. Но, не доезжая оной с версту, встретила их злодейская толпа в дву тысячах или более, при которых были пушки, и, их всех атаковав, держали до сумерек, почему их старшина Элвии не имев при себе пушек и видя, что злодейской толпы вдвое было больше, нежели его команды, без сопротивления к злодеям и склонился, причем и вся его команда, в том числе и он, Салават, в толпу взяты. Злодейской начальник, называющейся атаманом, Овчинников отправил его с протчими в Берду к самому злодею, которой, будучи в оной крепости, приводил их к себе на службу, а тех, кто в оную не поидет, уграживал казнить смертию, почему он, боясь смерти, служить злодею согласился. Однако ж, будучи в его толпе, когда оная приступала к Оренбургу, не хотя у злодея быть, отделясь от его толпы, побежал к городу, к верным войскам, но только он добежать к городу не успел и от оного не более уже, как в одной версте, бывшими в злодейской толпе яицкими казаками пойман; причем те казаки за то, что он хотел изь их толпы бежать, кололи его пиками и зделали ему 2 раны: в левую щоку, под левым ухом, да в правую руку, кололи его и в спину, но только, по бывшим тогда на нем кальчугам, большого вреда и ран ему не зделали и хотели совсем лишить живота; однако ж, по его щастию, наехавшими башкирцами от смерти, по прозьбе их, избавлен; потом, привели его к самому злодею, которой его уговаривал, чтоб он служил ему верно и не бегал, — а естли побежит, то, конечно, живота лишен будет; почему он, из страха боясь учинить побега, в толпе злодейской и оставался. После сего злодей Пугачов делал в толпе своей распоряжение, установлял начальников, причем ево, Салавата, по прозьбе вышесказанных, бывших в его команде башкирцов, назвал полковником; но как он от вышеобъявленных ран был болен, то от злодея и отпущен был до выздоровления с другими заболевшими 10-ю человеками башкирцами в его жилище с тем, чтоб он тамо о злодее уверял, что он подлинно государь, и по выздоровлении, набрав себе в команду башкирцов, возвра-

тился в толпу к злодею. Был он в доме отца ево только 2 дни; и как зделался здоров, то уже по приказу злодея увещевать башкир и набирать их к злодею в службу ему, Салавату, способу не было затем, то уже прежде его в свое жительство приезда посланной от злодея, названной им полковником, Иван Грязнов, всех башкиров забрал в свою команду силою и из них, которые с ним не пошли, мучил, причем одного башкирского сотника, Колду Девлетова, повесил, у другого ж разграбил дом; а отец его, устрашась того, бежал. По наборе тем Грязновым толпы, раззорял оной и жок тамошниие селении и крепости и взятой в оных порох и свинец, также и толпы своей большую часть отправил к называемому тогда графом Чернышевым яицкому казаку под Уфу, которым оная и взята; а Грязнов поехал с оставшею толпою под Исецк.

Потом же, осадивши Красноуфимскую крепость, бывшие при оной осаде башкирцы, названные объявленным Грязновым полковниками, Соваканкул и Бахтыяр, прислали по него, Салавата, в его жилище одного башкирца, Эвлезыя Саккулова, и русского попова сына, Макара Иванова, с которыми он, Салават, по приказу тех полковников в Красноуфимскую крепость к злодейской толпе и явился и с сего времяни чинил уже злодействы, яко-то: именовавшись полковником и з другими 2-мя таковыми ж имевши при себе в команде до дву тысяч толпы, и совокупившись з злодейским названным брегадиром Иваном Степановым и его шайкою, а всего было толпы до 4 000 человек, по приказу оного брегадира вооружались и подступали штурмом под город Кунгур целой день, — однако ж, оного не взяли. И при сем сражении его, Салавата, от верных войск в правой пах ранили; и как он сделался от того болен, то и отпущен был в его жилище; а как выздоровел, и были в их селениях, верные войски, то против оных з другими, бывшими при нем, башкирцами имел сражение. А потом, когда злодей Пугачов к их селениям приближился, то он, Салават, паки к нему в службу взят, и, по приказу его, он, Салават, з 2-мя полковниками и с частию толпы выжгли заводчика Твердышова состоящей близ отца его деревни завод, под которой насильно Твердышевым на земле отца его поселены 2 деревни; однако ж, он, Салават, о пожеге того завода у злодея дозволения не просил. Потом был

с оным злодеем (был) при взятье Осинской крепости, где также тяжело в правую ногу ружейною пулею ранен, почему и отпущен от злодея для излечения в его деревню, откуда верными российскими войсками взят, причем весь его дом раззорен, 3 жены его и 2 сына взяты в плен, и где находятся ныне — не знает, а он, Салават, с протчими привезен к подполковнику Аршеневскому, у которого при спрашивании о его злодействах сечен был батожьем и от него отослан в Казань, а из Казани отправлен сюда.

Будучи в злодейской толпе, никого из своей воли и сам собою не умерщвлял, а, может быть, при сражении с верными войсками кого и убил, но точно показать не может; злодею ж Пугачову столько усердствовал, защищал его злодейскую толпу и с верными войсками имел сражение потому, что он, Салават, почитал сего злодея не инаково, как за истинного российского государя, а посему и боясь от него смерти, а паче по молодости своих лет, смотря на других старейших башкирцов, что все тамошние башкирские их селении к злодею предались; а о том, что тот злодей ложно имя государское на себя принял, хотя и слышал, но не думал, чтоб та была правда; в нем и приносит пред ее и. вел. повинную и просит матерняго помилования. Прежде явившагося злодея Пугачева он, Салават, никаких раззоренив, пожегов и смертных убивств не чинил и ни за что наказыван не был, а жил в селении при отце своем спокойно.

Подпись по-татарски.

«Пугачевщина», Центрархив, т. II, Гиз, М.-Л. 1929 г., стр. 276—279.

IV. Суд над главными деятелями восстания

28

1775 г. января после 10.—Правительственное объявление, с приложением судебного приговора («решительной сентенции») по делу Пугачева и других активных участников восстания

Объявляется во всенародное известие. Какова, во исполнение обнародованнаго ея и. вел. декабря 19 дня 1774 г. манифеста, в Правительствующем сенате, обще с членами Святейшаго синода, первых 3-х классов персонами и президентами коллегий, о бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве и его сообщниках, по данной от ея и. вел. полной власти сентенция заключена, и по оной сего января 10 дня 1775 г. экзекуция последовала, такова слово от слова во всенародное известие при сем публикуется:

1774 г. декабря 30 и 31 числ в полном собрании Правительствующий сенат, Святейшаго правительствующаго синода члены, первых 3-х классов особы и президенты коллегий, находящиеся в первопрестольном граде Москве, приняв от действительнаго тайнаго советника, генерала-прокурора и кавалера князя Александра Алексеевича Вяземскаго, состоявшийся 19 числа того ж месяца, за подписанием собственные ея и. вел. руки, манифест и при оном присланное в Сенат следствие о известном бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве и его сообщниках, слушали. И понеже ея и. вел. благоугодно было означенное следствие отослать в Сенат, и высочайше повелеть, купно с синодскими членами, в Москве находя-

щимися, призвав первых 3-х классов особ и президентов коллегий, выслушать оное от генерала-аншефа, сенатора и кавалера князя Михайла Никитича Волконскаго и генерала-майора Павла Сергеевича Потемкина, яко производителей сего следствия, и учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию по всем ими содеянным преступлениям противу империи, к безопасности личные человеческаго рода и имущества: то хотя важность вины, лютость и варварство сего бунтовщика, самозванца и мучителя Емельки Пугачева, довольно уже всем известны, и впечатление на сердце каждаго вернаго ея и. вел. подданнаго и сына отечества возбуждает произведенное мщение и вопиет противу дел сего изверга рода человеческого. почему и положение сентенции самою лютейшею казнию без всякаго разсмотрения последовать моглобы; но установленное и уполномоченное от ея и. вел. к суду над сим извергом верноподданное собрание, слушав помянутое следствие и чинимые производителями объяснения, нашло хотя все уже и все известное, но с возобновлением крайняго ужаса и содрогания, что сей злодей, бунтовщик и губитель в присутствии Тайной московской экспедиции допрашиван и сам показал: что он подлинно донской казак Зимовейской станицы, Емелька, Иванов сын, Пугачев, что дед и отец его были той же станицы казаки, и первая жена его, дочь донского ж казака Дмитрия Никифорова, Софья, с которою прижил он 3-х детей, а именно: одного сына и 2-х дочерей, о чем в описании при манифесте, изданном 19 декабря, означено: что производя Оренбургу осаду, иногда проезжал он к Яицкому городу, окруженному тогда злодейским его скопищем, женился вторично на дочери яицкого казака Петра Кузнецова, Устинье. О начале ж злейшаго предприятия, о произведенном им бунте, по многим увещаниям, с клятвою объявил, что изменническое и бедственное его дерзновение возмутить яицких казаков возмечтал он начать отнюдь не в том страшном замысле, чтоб завладев отечеством и похитить монаршую власть. Сие страшное и невозможное предприятие в таковый просвещенный век и в такой стране, где, премудрая Екатерина, царствуя, высокими предприятиями все угрожающия намерения и самых сильных врагов отвела, удалила и разрушила, не входило сначала в оскверненную возмущением

мысль его; но возмечтал он объявить себя в имени покойнаго государя Петра III, воспользуясь обстоятельствами: узнав несогласие между яицких казаков, а попущением разных случаев увеличивая злыя намерения свои, простирал мерзкое стремление, о коем будет означено, единственно стремясь к побегу; поелику должен был он искать убежища, укрывшись от команды. Будучи в Яицком городе прошлого 1772 г., начинал он дерзкое и пагубное намерение свое к возмущению таким образом, что старался яицкое войско, находившееся тогда в междоусобной, по делам до них касающимся, вражде, уговорить к побегу на Кубань. Хищное сердце злодея Пугачева, разсмотря вражду помянутых казаков, возбудило сего богомерзкого предателя вожжечь и разлить в смущенных умах пламень бунта, поелику расположение сердец сих, кроющихся от правосуднаго наказания казаков, сходственно было с злым намерением бунтовщика и злодея Пугачева. Положив первую искру пожара, начинал он ненавистное измерение свое тем прельщением, что обещал им дать большие деньги, если они к побегу согласятся; а в самом деле всемерно верил, что когда отважнейшие на побег только согласны будут, то неминуемо его предводителем своим, или атаманом, выберут, а выбрав, и в повиновении его останутся: следовательно он с готовою и отборною шайкою разбойничать и от казни за свои преступления по крайней мере несколько времени укрываться может. Но как усмотренная им в одних мерзостная склонность ко всякому злодеянию, а в других простота, далеко превзошли самое его ожидание и расположение, то и отважился он объявить себя под высоким уже названием в бозе почивающцаго государя императора Петра III, дабы, пользуясь простотою, умножать свою сволочь, нужную ему к разбойническим намерениям. Но первое покушение сего адскаго предприятия рушено было поимкою злодея Пугачева в Дворцовой волости, в селе Малыковке, не под названием еще покойнаго государя Петра III, ибо сие сведение до начальства тогда не дошло, а единственно в возмутительных словах; оттуда привезен он был в Симбирск и потом в Казань. Не прекратилось тем зверское ухищрение сего злодея; душа его, расположенная к злости и измене, не ощущала страха божия, должнаго благоговения к законной монаршей власти, и

доброжелательства к возлюбленному отечеству; и как самое первое свое преступление начал он укрывать побегом с Дона, а потом разными ухищрениями и злодеяниями, так и здесь не о раскаянии, но о том только помышлял, как бы из темницы уйти и наказания избегнуть; посему, подговоря караульнаго солдата, с помощью его бежал он из тюрьмы и явился паки на Яике в половине августа прошлаго 1773 г., будучи укрываем на хуторах сказанных кроющихся от наказания яицких казаков; и чем больше опасался сыска и казни, тем скорее уже спешил объявить себя государем и умножить число своих сообщников, и тем свирепее пускался в такия предприятия, успехом коих чаял сообщников своих, к злодеянию склонных, ободрить а простаков самою дерзостию еще более привесть в ослепление. Таким образом предуспев собрать некоторое число содейственников богоненавистному предприятию своему, дерзнул обще с ними поднять оружие противу отечества. Первое стремление его было схватить и разорить Яицкий город, поелику мщение сообщников его на гибель собратий своих по причине вражды побуждало; а дабы высоким званием государя удобнее было обезоружить сердца, благоговением к священной власти наполненныя, сей преступник богу и монархине и враг отечества, называя себя покойным государем Петром III, приступил к городу и послал лже-составный манифест к коменданту, в оном находящемуся; но, увидя, что предприятие его не имело удачи, миновав Яицкой город, пошел по линии к Оренбургу. Высланная команда из города в погоню за бунтовщиками была предательством некоторых из числа посланных злодеями захвачена. Варвар Пугачев над сими несчастными явил первый опыт своей лютости и тиранства и предал мучительской казни вдруг 12 старшин яицкого войска, непоколебимо пребывающих в верности ее и. вел. и отечеству даже до самой смерти. Приняв пищу злой душе своей сим убийством, начал простирать сей изверг и губитель Пугачев далее свои злодеяния. Не трудно было ему в обнаженных местах от войска, по причине славно оконченной ныне Турецкой войны, умножать сонмище свое и простирать успехи злых дел своих, которые, внушая мерзкой душе его от часу дерзновеннейшие замыслы, попустили, наконец, его и на все покушения. Привлекая разными ухищре-

ниями жителей в толпы свои, обольщал он слабомысленных людей несовместными обещаниями, а лютейшими варварствами приводил в страх и ужас тех, коих благоразумие обольщениям его верить не допускало: доказывает то, что посреди сих мест, в коих жителей он, толь хищно обольщая, развращал, ни о чем более не мыслил он, как о разорении и бедствии сих несчастных людей. Повсюду, где только сей предатель и злодей коснулся, следы варварства его остались. Опустошение многих жилищ каждое благое сердце приводит в содрогание, и кровь, багрившая землю и пролитая его мучительною рукою, дымится и вопиет на небеса об отмщении. Многочисленным злодействам сего изменника, врага и тирана, означения вместить здесь невозможно; но, по собранным ведомостям, издано будет особливое описание. Ко изъявлению ж вообще мерзких действ его должно объявить, что по следствию дела, о нем произведеннаго, и самым признанием сего злодея оказалась толь неслыханная в человеческом роде лютость, что нет единаго зла и такого ужасного варварства, которого бы гнусная душа его не произвела в действо, ибо, забыв закон всемогущаго господа и творца, явился он преступником пред самим богом; презрев присягу монаршей власти, сделался не только изменником, но, похитив имя монарха, стал возмутителем народа и учинил себя виновником бедствия и губителем многих невинных людей; наруша обязательства пред отечеством, сделался врагом ему и злодеем; а разрушив все права естественные пред человеческим родом, явил себя врагом всему человеческому роду; словом, разорял он храмы божии, разрушал святые алтари и жертвенники, расхищал сосуды и все утвари церковные и поругал святыя иконы, не ощущая в душе своей нимало не токмо священного благоговения к таковым вещам, где жертва приносится всевышнему создателю, искупившему спасение наше кровью спасителя Христа, но ниже содрогания; однако не столь странно, что злодей, сперва от страха казни в большие злодеяния пустившийся, а потом во оных человечество забывший и в лютаго зверя превратившийся, не содрогался о своих деяниях, кои почитал к сохранению своему нужными, как то непостижимо, что единожды прельщенные им безумцы и простаки не могли в прилепившейся и к ним возмутительной заразе видеть, что злодей не ищет более,

как токмо время ожидающей его казни продлить; ибо где он ни проходил, там не оставил иных следов, как токмо безчеловечия, и сколько раз ни отваживался стать на сражение с верными ее и. вел. войсками, всегда следующую за ним ослепленную чернь отдав на поражение, сам с малым числом единомышленников тот-час убегал искать себе спасения и новых простаков на таковую же жертву; грады и селения для того только и брал, чтоб предавать огню и грабительству; всех вышней степени людей истреблял, не разбирая ни пола, ни возраста, не для того, чтоб та жертва была ему милее, но для того, что опасался, дабы просвещеннейшие люди следующих за ним в пагубу слепцов не просветили. Ныне, лишась всех способов и надежды к побегу и новым злодеяниям, признался во всем том с истинным, буде токмо может в его душе быть, раскаянием, как пред Следственною комиссиею, так и в полном собрании Правительствующаго сената, членов Святейшаго синода и приглашенных особ. То же самое учинили и все сообщники его, как пред Комиссиею, так и пред отряженными для того от всего собрания членами. Сей злодей пред полным собранием объявил, что он подлинно донской казак Зимовейской станицы Емельян, Иванов сын, Пугачев, и каялся во всех сказанных важных винах своих и во всех преступлениях и злодействах, заклинаясь, что открыл он все то, чем гнусное сердце его было заражено, и ныне очищает душу свою совершенным покаянием пред богом и ее и. вел. и пред всем родом человеческим во всех, содеянных им беззакониях. К сообщникам же сего изверга и бунтовщика, о коих в следствии означено, отряжена была из собрания депутация, а именно: Святейшаго синода член Иоанн, архимандрит новоспасский, тайный советник и сенатор Маслов, генерал-поручик Мартынов и сенатский обер-прокурор князь Волконский, дабы, увещевая сих преступников и злодеев, равно вопросили, не имеют ли они еще чего показать и, чистое ль покаяние принося, объявили все свои злодеяния. Исполнив порученное дело, сказанная депутация собранию донесла, что все преступники и способники злодейские признавались во всем, что по делу в следствии означено, и утвердились на прежних показаниях. Все сие соверша, уполномоченное собрание, приступив к положению сентенции, слушало вначале выбранные

из священнаго писания приличные к тому законы и потом гражданских законов положения; а именно: в книге «Премудрости Соломона» написано, гл. 6, ст. 1 и 3: «царем держава дана есть от господа и сила от вышняго»; в «евангелии» от Матфея, гл. 22, ст. 21, и Марка гл. 12, ст. 17: «Воздадите убо кесарева кесареви и божия богови»; в 1 послании первоверховного апостола Петра, гл. 1, ст. 18 и 19: «бога бойтеся, царя чтите, рабы повинуйтеся во всяком страсе владыкам не токмо благим и кротким, но и строптивым»; также к Римляном, гл. 13: «всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть, аще не от бога; сущие же власти от бога учинены суть, тем же противляяйся власти, божию повелению противляется, противляющий же себе грех приемлет»; книги 4 Моисеевой «Числ», гл. 16: «по соизволению божию воставших и бунтующих противу возлюбленных богом Моисея и Аарона сонм израильтян пожре земля»; — «Евангелия» от Иоанна, гл. 19, ст. 12: «всяк, иже себе царя творяй, противится богу»; — в законе, богом данном Моисею, от 2 закона число 5: «да не умрут отцы за сыны, ни сынове да не умрут за отцы, но каждый за свой грех да умрет»; 4 книги Моисеевой «Числ», г. 17, ст. 13: «всяк, прикасаяся к скинии свидения господней, умирает». — В законах гражданских: в Уложении, гл. 2, в статьях: 1-й: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такого, по сыску казнить смертию». Во 2-й: «также будет кто при державе царскаго величества, хотя московским государством завладеть и государем быть, и для того своего злого умышления начнет рать собирать, или кто царскаго величества с недруги учнет дружиться и советными грамотами ссылаться и помощь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке Московским государством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма: и такого изменника по тому же казнить смертию». В 18-й: «кто Московскаго государства всяких чинов люди сведают или услышат на царское величество в каких людех скоп и заговор или иный какий злой умысл, и им про то извещати

государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея России, или его государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям». В 21-й: «а кто учнет к царскому величеству или на его государевых бояр и окольничих и думных людей, и в городах и в полках на воевод и приказных людей, или на кого ни будь, приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнить смертию без всякие пощады». Гл. 21-й, в статьях: в 14 «церковных татей казнить смертию без всякаго милосердия, а животы их отдавать в церковные татьбы»; — в 18 и 21-й: «разбойников, которые пожгли дворы или хлеб, казнить смертию. В «Воинском Артикуле», гл. 3, артик. 19-м: «если кто подданный войско вооружит или оружие предприимет противу его величества, или умышлять будет помянутое величество полонить, или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали или совет свой подавали, яко оскорбители величества, четвертованы быть, и их пожитки забраны»; — 101 артикула в толковании: «коль более чина и состояния преступитель есть, толь жесточае оный и накажется; ибо оный долженствует другим добрый приклад подавать и собою оказать, что оные чинить имеют»; — Гл. 17, арт. 137-й: «Всякий бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано». Арт. 178: «Кто город, село и деревню, или церкви, школы, шпитали и мельницы зажжет, печи или некоторые дворы сломает, также крестьянскую рухлядь или прочее что потратит, оный купно с теми, которые помогали, яко зажигатель и преступитель «Уложения», смертию имеет быть казнен и сожжен». В «Морском уставе», книга 5, гл. 1, арт. 1: «Если кто против персоны его вел. какое зло умышлять будет, тот и все оные, которые в том вспомогали или совет свой подавали, или ведая, не известили, яко изменники четвертованы будут, и их пожитки движимые и недвижимые взяты будут». Гл. 7, арт. 124: «Кто церкви или иные святые места покрадет или у оных что насильно отоймет, оный имеет быть лишен живота, и тело его на колесо положено». Гл. 12, арт. 85: «Кто уведает, что един или многие нечто вредительное учинить намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, во флоте обре-

тающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет быть живота лишен». Гл. 13, арт. 92: «Ни кто б ниже словом или делом, или письмами, сам собою, или чрез других к бунту и возмущению, или иное что учинить причины не дал, из чего бы мог бунт или измена произойти, ежели кто против сего поступит, тот живота лишится». Гл. 18, арт. 132: «Кто лживую присягу учинит, и в том явственным свидетельством обличен будет, оный с наказанием, вырезав ноздри, послан будет на галеру вечно».

По выслушании всего вышеозначеннаго, когда воображается в уме все происхождение и сплетение сего богомерзкаго дела, то колико представляется предметов и человечество оскорбляющих и в то же время самаго важнаго и зрелаго размышления требующих: во-первых, поражается сердце ужасом, как человек, в одно преступление впадший и наказания избегнуть ищущий, зло злом закрывая, мог, наконец, до толиких злодеяний и толикие дерзости дойти, что похитить священное имя монарха и дать оное даже и гнусной его наложнице. Крайнее потом предлежит сетование и соболезнование, видя, что едва злодей несколькими казаками, так же, как и он, от наказания укрывающимися, признан под именем покойнаго государя императора Петра III, великое число безумцев и простяков следует оным слепо, яко овцы заколения. Разрушенные храмы божии требуют возобновления; разоренные или в пепел обращенные грады и селения взыскуют человеколюбивой помощи; опечаленные старики и сирые младенцы утешения и призрения, а безумцы и суеверы просвещения. Наконец, не меньше всего праведно-огорченные дворяне за многие предательства на своих крестьян взыскуют достаточного им усмирения; а сии слепцы и Пугачевым и своим расстроением в разорение и нищету приведенные, и то страхом, то беднотою терзаемые, впадают в отчаяние, почему и надлежало бы во-первых, злодеев предать лютейшим мукам и казням; но сверх того, что главное преступление, а именно: оскорбление величества, оставляет ее и. вел. яко суще человеколюбивая монархиня и матерью отечества своего и подданных никогда быть не престающая, — нет ни мук, ни казней, как бы их ни увеличить, чтобы могли соразмерны быть толиким злодеяниям. Да большая часть из лютейших злодеев и приняли уже свое воздаяние, то на сражениях,

то правосудием, на самых тех местах в действо произведенным. Надлежало бы тот-час стараться и о разогнании толь бедственной слепоты и невежества; но верить надобно, что постигнувшее их зло не токмо разженет много слепоты, да и самых буйственных в чувство и раскаяние приведет. Представляя все сие к общему всех верноподданных утешению, видим, что стараниями премудрые монархини о воспитании невежество уже повсеместно исчезает, а благонравие процветать будет. Надлежало бы обратить благоговейное попечение к воспостроению разоренных храмов божиих, но христолюбивая монархиня где не подает примеров ея благочестия. В пепел обращенные грады и селения ободрены примером уже многих других, в лепоту облеченных градов; утешены и призрены не старики токмо и младенцы, но питаются теперь целые провинции на монаршем ея иждивении. Наконец, уверено все собрание, что и погрешившие крестьяне сами чистосердечно раскаиваются, а просвещенные и благонравные люди ищут паче помощь подать бедности, нежели обременять оную. Сего ради собрание, находя дело в таких обстоятельствах, сообразуяся беспримерному ея и. вел. милосердию, зная ея сострадательное и человеколюбивое сердце, и, наконец, разсуждая, что закон и долг требуют правосудия, а не мщения, нигде по христианскому закону несовместнаго, единодушно приговорили и определили: за все учиненные злодеяния бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачову в силу прописанных божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь. Главнейших его сообщников, способствующих в его злодениях: 1. Яицкаго казака Афанасья Перфильева, яко главнейшаго любимца и содейственника во всех злых намерениях, предприятии и деле изверга и самозванца Пугачева, паче всех злостью и предательством своим достоинаго лютейшие казни, и которого дела во ужас каждаго сердца привести могут, что сей злодей, будучи в Петербурге в то самое время, когда изверг и самозванец обнаружился пред Оренбургом, сам добровольно предъявил себя начальству с таковым предложением, яко бы он, будучи побуждаем верностию к общей пользе и спокойствию, желал уговорить

главнейших сообщников злодейских, яицких казаков, к покорению законной власти, и привести злодея обще с ними с повинною. По сему точно удостоверению и клятве отправлен он был к Оренбургу; но сожженная совесть сего злодея под покровом благонамерения алкала злобою: он, приехав в сонм злодеев, представился к главному бунтовщику и самозванцу, в Берде тогда бывшему, и не только удержался от исполнения той услуги, которую исполнить он обещал и заклинался, но, чтоб уверить самозванца в верности, объявил ему откровенно все намерение свое, и, соединясь предательскою совестию своею с мерзкою душею самого изверга, пребыл с того времени до самого конца непоколебим в усердии ко врагу отечества, был главнейшим соучастником зверских дел его, производил все мучительнейшия казни над теми несчастными людьми, которых бедственный жребий осуждал попасться в кровожаждущие руки злодеев, и, наконец, когда злодейское скопище разрушено в последнии[1] под Черным Яром, и самые любимцы изверга Пугачева кинулись на Яицкую степь и, искав спасения, разбились на разныя шайки, то казак Пустобаев увещевал товарищей своих явиться в Яицком городке с повинною, на что другие и согласились; но сей ненавистный предатель сказал, что он лучше желает живым быть зарыту в землю, нежели отдаться в руки ея и. вел. определенным начальствам; однако ж высланною командою пойман; в чем сам он, предатель Перфильев, пред судом обличен и винился; четвертовать в Москве.

2. Яицкому казаку, Ивану Чике, он же и Зарубин, самоназвавшемуся графом Чернышевым, присному любимцу злодея Пугачева, и который при самом начале бунта злодея паче всех в самозванстве утвердил, многим другим соблазнительный пример подал и с крайним рачением укрыл его от поимки, когда за самозванцем выслана была из города сыскная команда, и потом, по обнаружении злодея и самозванца Пугачева, был из главнейших его содейственников, начальствовал отдельною толпою, осаждал город Уфу, который храбро и достохвально едиными гражданами, усердствующими прямо в верности ея и. вел. защищался; разорял многие в той провинции заводы и селения,

---

[1] *Так в тексте, повидимому, пропущено слово: «раз».*

похищал всякаго рода имущества и чинил многия смертоубийства верным рабам ея и. вел. За нарушение данной пред всемогущим богом клятвы в верности ея и. вел., за прилепление к бунтовщику и самозванцу, за исполнение мерзких дел его, за все разорения, похищения и убийства отсечь голову и взоткнуть ее на кол, для всенароднаго зрелища, а труп его сжечь со эшафотом купно. И сию казнь совершить в Уфе, яко в главном из тех мест, где все его богомерзкия дела производимы были.

3. Яицкаго казака Максима Шигаева, оренбургскаго казачьяго сотника Подурова и оренбургскаго не служащаго казака Василья Торнова, из которых перваго, Шигаева, за то, что он, по слуху о самозванце добровольно ездил к нему на умет, или постоялый двор, к Степану Оболяеву, отстоящему неподалеку от Яицкаго города, совещевал в пользу обнаружения злодея и самозванца Пугачева, разглашал об нем в городе, и поелику смысл его привлекал вероятие простых людей, то произвел тем во многих к бунтовщику и самозванцу привязанность; а потом, когда уже злодей, явно похитя имя покойнаго государя Петра III, приступил к Яицкому городу, то был он при нем из первых содейственников его. При обложении ж Оренбурга, во всякое время, когда сам главный злодей оттуда отлучался к Яицкому городу, оставлял его начальником бунтовщичьей толпы своей. А в сие ненавистное начальство производил он, Шигаев, многие злости: повесил посланнаго в Оренбург от генерала-маиора и кавалера князя Голицына лейбгвардии коннаго полку рейтара с известием о его приближении, единственно за сохраненную сказанным рейтаром истинную верность к ее и. вел., законной своей государыне. — Второго, Подурова, яко сущаго изменника, который не только предался сам злодею и самозванцу, но и писал многия развратительныя в народе письма, увещевал верных ея и. вел. яицких казаков предаться к злодею и бунтовщику, называя его и уверяя других, яко бы он был истинный государь, и, наконец, писал угрозительныя письма к оренбургскому губернатору, генерал-поручику и кавалеру Рейнсдорпу, к оренбургскому атаману Могутову и к верному старшине Яицкаго войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей изменник убежден и признался. — Третьего, Торнова, яко сущаго злодея и губителя душ че-

ловеческих, разорившаго Нагайбацкую крепость и некоторыя жительства и потом вторично прилепившагося к самозванцу — повесить в Москве всех их троих.

4. Яицких казаков: Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, мещерякскаго сотника Казнафера Усаева и ржевского купца Долгополого за то, что оные злодейские сообщники, Плотников и Караваев, при самом начале злодейскаго умысла, приезжали к пахатному солдату Абаляеву, где самозванец тогда находился, и, условясь с ним о возмущении яицких казаков, делали первые разглашения в народ, и Караваев разсказывал, яко бы видели на злодее царские знаки, так называя пятна, оставшияся на теле злодея после болезни его под Бендерами. Приводя таким образом в соблазн простых людей, оные Караваев и Плотников, по слуху о самозванце будучи взяты под караул, о нем не объявили. Закладнов был подобно первым из начальных разглашателей о злодее, и самый первый, пред кем злодей дерзнул назвать себя государем; Казнафер Усаев был двоекратно в толпе злодейской, в разныя ездил места для возмущения башкирцев и находился при злодеях Белобородове и Чике, разныя тиранства производивших. Он в первый раз захвачен верными войсками под предводительством полковника Михельсона при разбитии злодейской шайки под городом Уфою и отпущен с билетом на прежнее жительство, но, не чувствуя оказаннаго ему милосердия, опять обратился к самозванцу и привез к нему купца Долгополова. Ржевский же купец Долгополов, разными лжесоставленными вымыслами приводил простых и легкомысленных людей в вящшее ослепление так, что и Казнафер Усаев, утвердясь больше на его уверениях, прилепился вторично к злодею. Всех пятерых высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу, и из них Долгополова сверх того содержать в оковах.

5. Яицкаго казака Ивана Почиталина, илецкаго Максима Горшкова и яицкаго же Илью Ульянова за то, что Почиталин и Горшков были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государевыми манифестами и указами, чрез что, умножая разврат в простых людях, были виною их несчастия и пагубы. Ульянова, яко бывшаго с ними всегда в злодейских шайках и производившаго, равно как

и они, убийства — всех троих высечь кнутом, и, вырвав ноздри, сослать на каторгу.

6. Яицких казаков: Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Харчова, Тимофея Скачкова, Петра Горшенина, Панкрата Ягунова, пахатнаго солдата Степана Оболяева и ссыльнаго крестьянина Афанасья Чулкова, яко бывших при самозванце и способствовавших ему в лживых разглашениях и в составлении злодейских шаек, высечь кнутом и, вырвав ноздри, послать на поселение.

7. Отставного гвардии фурьера Михайла Голева, саратовскаго купца Федора Кобякова и расколника Пахомия, первых за прилепление к злодею и происходимые соблазны от их разглашений, а последняго за ложныя показания, высечь кнутом, Голева и Пахомия в Москве, а Кобякова в Саратове; да саратовскаго ж купца Протопопова за несохранение в нужном случае должной верности высечь плетьми.

8. Подпоручика Михайла Швановича, за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцовым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу. — Инвалидной команды прапорщика Ивана Юматова, за гнусную по чину офицерскому робость при разорении города Петровска, хотя строжайшаго достоин он наказания, но за старостию лет уменьшая оное, лишить его чинов. — Астраханскаго коннаго полку сотника и депутата Василья Горскаго за легкомысленное прилепление к толпе злодейской лишить депутатского достоинства и названия.

9. Илецкаго казака Ивана Творогова да яицких Федора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулова, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, в силу высочайшаго ея и. вел. милостиваго манифеста, от всякаго наказания освободить: первых 5 человек потому, что вняв гласу и угрызению совести и восчувствуя тяжесть беззаконий своих, не только пришли сами с повинною, но и виновника пагубы их, Пугачева, связав, предали себя и самого злодея и самозванца законной власти и правосудию; Пустобаева за то, что он отделившуюся шайку от самого злодея Пугачева склонил притти с повиновением, равно-

мерно и Кочурова, еще прежде того времени явившагося с повинною; а последних 2 — за оказанные ими знаки верности, когда они были захвачены в толпу злодейскую и были подсылаемы от злодеев в Яицкий город, но они, приходя туда, хотя отстать от толпы, опасались, однако возвещали всегда о злодейских обстоятельствах и о приближении к крепости верных войск, и потом, когда разрушена была злодейская толпа под Яицким городом, то сами они к военачальнику явились. И о сем высочайшем милосердии ея и. вел. и помиловании сделать им особое объявление чрез отряженнаго из Собрания члена сего января 11 дня при всенародном зрелище пред Грановитою палатою, где и снять с них оковы.

10. Отставного подпоручика Гринева, царицынскаго купца Василья Качалова, да брянскаго купца Петра Кожевникова, малороссиянина Осипа Коровку, донских казаков Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова, яицкаго казака Ивана Пономарева, он же и Самодуров, раскольников Василья Щолокова, Ивана Седухина, крестьянина Василья Попова и Семена Филиппова, которые находились под караулом, будучи сначала подозреваемы в сообщении с злодеями, но по следствию оказались невинными, для чего их и освободить, и сверх того о награждении крестьянина Филиппова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на разсмотрение Правительствующаго сената. А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дмитрия Никифорова, вторая Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолетные от первой жены сын и 2 дочери, то без наказания отдалить их, куда благоволит Правительствующий сенат; равномерно же предоставляется к тому же разсмотрению назначение места и содержания осужденных на каторгу и на поселение.

11. Как же не безызвестно вышеозначенному Собранию, что по определению Святейшаго синода, не токмо бунтовщик и самозванец Емелька Пугачев, но и все его злодейские сообщники преданы вечному проклятию, то дабы осужденным сею сентенциею на смертную казнь, которые за клятвопреступление, ужасное варварство и злыя дела свои подверглись душевне осужденному в тартаре муче-

нию, не лишились при последнем конце своем законнаго покаяния во всех содеянных ими злодеяниях, предоставить преосвященному Самуилу, епископу крутицкому, поступить в том по данному ему на сей случай наставлению от Святейшаго синода.

12. Определенную злодеям смертную казнь в Москве учинить на Болоте сего января 10 дня. К чему привесть и злодея Чику, назначеннаго на казнь в городе Уфе, и после здешней экзекуции того же часа отправить на казнь в назначенное ему место. И для того, как о публиковании сей сентенции, так и о оказуемом милосердии прощаемым и о надлежащих к тому приуготовлениях и нарядах послать из Сената, куда надлежит, указы. Заключена января 9 дня 1775 г.

Учрежденному собранию Святейшаго синода члены письменно объявили, что, слушав в собрании следствие злодейских дел Емельки Пугачева и его сообщников и видя собственное их во всем признание, согласуемся, что Пугачев с своими злодейскими сообщниками достойны жесточайшей казни, а следовательно, какая заключена будет сентенция, от оной не отрицаемся; но поелику мы духовнаго чина, то к подписанию сентенции приступить не можем.

Под тем подписано тако:

Самуил, епископ крутицкий.

Геннадий, епископ суздальский.

Иоанн, архимандрит новоспаский.

Андрей, протопоп гвардии преображенской.

Под сентенцией подписано тако: Князь Михайло Волконской, Михайло Измайлов, Иван Козлов, Лукьян Камынин, Всеволод Всеволожской, Петр Вырубов, Алексей Мельгунов, князь Иван Вяземский, Дмитрий Волков, Михайло Маслов, Григорий Протасов, Александр Глебов, граф Федор Остерман, Яков Протасов, граф Валентин Мусин-Пушкин, Михайло Каменский, Иван Мелиссино, Павел Потемкин, Александр Херасков, Иван Давыдов, Аким Апухтин, Михайло Лунин, Михайло Салтыков, Алексей Яковлев, обер-секретарь Андреян Васильев, секретарь Александр Храповицкий.

Пушкин, соч., т. II. История Пугачевского бунта. Изд. Ак. наук, П-д, 1914 г., стр. 236—256.

29

1774 г. декабря 31.— Письмо кн. А. А. Вяземского Екатерине II-ой из Москвы

Всемилостивейшая Государыня.

Приказав я, как и прежде доносил, при выписах законы юстиц коллегии вице-президенту Колошину, приказал же о том постараться и обер-секретарю Князеву, прибывшему за мною скоро в Москву. Вчерась утром от него оные получил и, нашед выписку Князева полнее, где включены и принадлежащие тексты из божественного писания, оную отдал в собрании к чтению.

При положении казни Пугачеву согласились было сначала оного только четвертовать, но, как после рассуждая о вине Перфильева и найдя оную важную, положили то же и настояли в том упорно, говоря со мною некоторые, что и о Белобороде в народе отзывались, что оной казнен весьма легкою казнию, то потому хотели Пугачева живова колесовать, дабы тем отличить ево от протчих. Но я принужден с ними объясниться и, наконец, согласил остаться на прежнем положении, только для отличения от протчих части (тела) положить на колеса, которые до прибытия вашего величества сожжены быть могут. После сих предложены были к рассуждению, как прежде от меня донесено, второй класс Пугачева — самых ближних сообщников, назначенные по винам Павлом Сергеевичем: Чика, Канзафер, Шигаев, Персиянинов и Падуров; потом предложен был 3 класс — первые разглашатели: Караваев, Плотников и Закладнов, которых хотели казнить отсечением головы, по немалом объяснении наконец, согласились наказать на теле.

При последующих положениях затруднения большого уже не было. При самой экзекуции буду стараться исполнить матернее вашего величества соизволение, сколько сил моих будет. Теперь спешим сочинением сентенции и, как скоро оное поспеет, то, прежде подписания на высочайшее вашего величества усмотрение, пришлю с нарочным курьером, как все уже одумано и положено на мере, то и не думаю, чтоб оная долго замедлилась сочинением.

Повергнув меня к стопам вашего величества с глубочайшим благоволением есмь.

Ленингр. отделение Центр. истор. архива (ЛОЦИА). Секретная экспедиция сената, д. № 1657. Черновик письма.

1775 г. января не позднее 6. — Письмо кн. А. А. Вяземского Екатерине II-ой из Москвы

Всемилостивейшая Государыня.

Приступая с сердечным содроганием к донесению того, что человеколюбейшему вашего величества сердцу принесть может соболезнование о человечестве, и ободряюсь токмо тем, что самое спасение многих и на будущее время примера...[1] требует, человечество же останется без мучения, ибо как и в сентенции сказано глухо, чтоб четвертовать; следовательно, и намерен я секретно сказать Архарову, чтоб он прежде приказал отсечь голову, а потом уже остальное, сказав после, ежели бы кто его о сем стал спрашивать, что как в сентенции о том ничего не сказано, примеров же такому наказанию еще не было, следовательно, ежели и есть ошибки, оная извинительна быть может. А как Архаров, сколько я наслышался, да и сам приметить мог, человек весьма усердной, расторопной и в городе любим, то все сие тем удобнее зделано быть может и паче, по незнанию и непроворству тех людей, коим быть производить следовало или очень ясно или же, чего я более опасаюсь, докончано не будет, и тогда только человечество построждет. Из следующей при сем сентенции ваше величество высочайше усмотреть изволите, что сколько возможно уменьшено число (к) казне назначенных, да и протчие телесные наказания облегчаемы до самой крайней возможности, ибо известная лютость и безчеловечие злодея и сообщников его столько всех противо их вооружила, что всякое уменьшенное против сего положения принято бы было предосудительно. Я старался сберечь человечество, выставляя бездушное тело, нужное на поражение и вящее впечатление буйственной черни, тем более ж, что почитается здесь, что решатся с Пугачевым главнейшие его сообщники, для сего то самого и столько (человек) к телесному наказанию назначено с несравненым милосердием...[1] Закон мой всегдашней есть высочайшее в: в. соизволение, почему и осмеливаюсь всеподанейше просить онаго. Еще

[1] *В подлиннике два слова неразобраны.*

за нужное ж почитаю в.: в. донесть, что как Пугачев примечен весьма робкого характера, почему при вводе его пред собрание зделано оному было возможное одобрение, дабы по робкости души его не зделалось ему самой смерти, то и приказал я, чтоб священника не прежде к нему допустить, как пред решением за день, коему дам наставление к его ободрению. Теперь в разсуждении сей его робости точно, еще не решился, объявлять ли ему пред собранием сентенцию или же объявить оную там, откуда поведен будет и о сем советовать с собранием, и как положат, то и зделаю,

Помета: такова отправлена с курьером 6 января 1775 г.

Ленингр. отд. Центр. историч. архива (ЛОЦИА). Секретная экспедиция сената, д. № 1657. Черновик письма.

Главнейшая литература по истории России II половины XVIII в.

Балабанов, М. Очерки по истории рабочего класса в России, М. 1926.

Бильбасов, В. А. История Екатерины II, т. I—II, Берлин, 1900.

Брикнер, А. История Екатерины II, СПБ. 1882.

Бурнашев, В. Очерки истории мануфактур в России.

Витевский, В Н. И. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. I, Казань, 1897, стр. XLVII+616+XII.

Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, 2 вып., К. 1900.

Гольцев, В. А. Законодательство и нравы в России в XVIII в., СПБ. 1898 г.

Герман, Б. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург. 1810.

Градовский, А. Д. Высшая администрация XVIII в. и генерал-прокуратура. СПБ. 1861.

Греков, Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. (по Воронежской губернии). Летопись занятий Археографической Комиссии, XXXV.

Граве, Б., Нечкина, М. Очерки истории пролетариата СССР. М. 1931.

Дитятин, И. П. Статьи по истории русского права. СПБ. 1895 г.

Завьялов, А. Вопрос о церковных имениях при имп. Екатерине II. СПБ. 1900.

Кулишер, И. М. Очерки истории русской промышленности. П. 1922 г.

Кашин, В. Н. Сборн. материалы по истории крестьянской промышленности XVII и первой половины XVIII в. М. — Л. 1935.

Кауфман, А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М. 1908 г.

Корф, С. Дворянство и его сословное управление за столетие.

Карпович, Е. Замечательные богатства частных лиц России. СПБ. 1874 г.

Каптерев, М. Н. Дубинщина, Уралкнига, 1924.

Кизеветтер, А. А. Посадская община. М. 1903.
Кулишер, И. М. История русской торговли, П. 1923.
Лаппо-Данилевский, А. С. Русские промышленные и торговые компании в I пол. XVIII в. СПБ. 1899.
Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. Сборн. статей. Крестьянский строй, т. I, СПБ. 1905 г.
Латкин, В. Н. Законодательные комиссии в России XVIII в., т. I, СПБ. 1887.
Латкин, В. Н. Учебник истории русского права. СПБ. 1909.
Ленин, В. И. Речь, произнесенная при открытии памятника Степану Разину в 1919, Сочин., т. XXIV, стр. 271.
Ленин, В. И. К деревенской бедноте, Сочин., т. V, стр. 261—262.
Ленин, В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову 16 декабря 1909 г., Соч., т. XIV, стр. 212—216.
Ленин, В. И. Крах II Интернационала (1915), Соч., т. XVIII, стр. 235—281.
Ленин, В. И. Развитие капитализма в России, Соч., т. III.
Луппов, П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических изестий о них до XIX в. СПБ. 1889.
Любомиров, П. Г. Очерки по истории русской промышленности в XVIII в. и нач. XIX в. Л. 1930.
Лященко, П. И. Очерки аграрной эволюции России, т. I, Л. 1926 г.
Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры, т. I—III, СПБ. 1909 г.
Мордовцев, Д. Политические движения русского народа. СПБ. 1871.
Нисселович, Л. Н. История фабрично-заводского законодательства Российской империи, т. I, СПБ. 1883 г.
Неволин. История российских гражданских законов, т. III. 1857—58.
Нефедов, Ф. Движение среди башкир перед пугачевским бунтом. «Русск. Бог.,» 1880, № 10, стр. 83—108.
Никольский, Н. М. История русской церкви, 2-е изд.
Огановский, Н. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов. 1911 г.
Пажитнов, К. А. Положение рабочего класса в России, т. I, «Путь к знанию». Л. 1925.
Пионтковский. Историография крестьянских войн в России, «Историк-Марксист» 1933, т. 6 (34), стр. 80—119.
Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли, Собр. соч., т. XX, ГИЗ, 1925.
Победоносцев. Исторические очерки крепостного права в России. СПБ. 1876.
Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен, изд. 4-е, М. 1922, т. III.
Покровский, М. Н. Русская история в самом сжатом очерке от древнейших времен до конца XIX столетия, ч. I и II, изд. 8, ГИЗ, М.—Л. 1929, стр. 310.
Попов Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. I, СПБ. 1811; ч. II, ч. III, СПБ. 1813.
Пьянков, А. П. Хозяйство Уральской деревни в эпоху торгового капитала. Пермь. 1926.

Романович-Славатинский. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. 1870.

Савич, А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX вв. М. 1931, стр. 178.

Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в., т. I и т. II. СПБ. 1888.

Семевский, В. И. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, изд. 2. СПБ. 1901, т. I и т. II.

Семенов, А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и прмышленности с пол. XVII стол. по 1858 г., 3. ч. СПБ. 1859.

Сергеевич, В. И. Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссии, Журн. «Вестник Европы», 1878. № 1.

Струве, П. Б. Крепостное хозяйство. М. 1913 г.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен, изд. 2, СПБ., «Общ. Польза», кн. VI.

Сталин, И. В. Беседа с немецким писателем Людвигом в декабре 1931 г., «Большевик», 1932, № 8, стр. 35—37.

Сталин, И. В. Речь на I-м Всесоюзном съезде колхозников-ударников, Л. 1933, стр. 5—6.

Сталин, И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М. 1934, стр. 46—50, 58—64, 73—81.

Тарановский, Ф. В. Политическая доктрина в Наказе имп. Екатерины II. Сборн. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову.

Ташкин, С. Ф. Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Казань. 1922.

Типеев, Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа. 1930, стр. 222.

Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М. 1922.

(Чернышев, Е.). Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских суконщиков. Очерки по изучению местного края. Под ред. Сингалевича и Тагирова. Казань. 1930.

Чечулин, Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762—1774). СПБ. 1896.

Чечулин, Н. Д., Нольде, А. Е. и Поливектов, М. А. Правительственный Сенат в царствование Екатерины II. Сборн. История правительственного сената за 200 лет, т. II. СПБ. 1911 г.

Чечулин, Н. Д. Очерки по истории финансов при Екатерине II.

Чулошников, А. П. Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924, стр. 291.

Филиппов, А. Н. Учебник истории русского права, ч. I. Юрьев. 1914 г.

Фирсов, Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Каз. 1869 г.

Ханыков, Я. Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г. Материалы для статистики Российской империи, изд. Мин. Вн. Дел, 1841 г., от. IV.

Главнейшие источники по истории восстания Емельяна Пугачева[1]

Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. «Чтения в О-ве Истории и древностей Росс.», 1848, т. I, кн. 9.

Анучин, Д. Второе появление Пугачева и разорение Казани (материалы для истории Пугачевского бунта). «Военн. Сборн.», 1869, № 5 и 6.

Анучин, Д. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара. Материалы для истории Пугачевского бунта. «Военный Сборник», 1869, № 5 и 6.

Анучин, Д. Действия Бибикова в пугачевщину. Материалы для истории пугачевского бунта. «Русский Вестник», 1872, № 6, 7 и 8.

Анучин, Д. Граф Панин — усмиритель пугачевщины. Материалы для истории пугачевского бунта. «Русский Вестник», 1869, № 3, 4, 5 и 6.

Анучин, Д. Участие Суворова в усмирении пугачевщины и поимка Пугачева. «Русский Вестник», 1868 г., № 11.

Архив Гос. Совета, т. I, ч. I, стр. 437—458, СПБ, 1869 г. Протоколы Гос. Совета о Пугачеве (1773—75 гг.).

Бибиков, сенатор. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова, составленные сыном его сенатором Бибиковым. СПБ, 1817 г., стр. 325+XXVII. То же, М. 1865.

Болотов, А. Т. Записки, т. II и III. СПБ. 1873 г.

Барсуков, А. П. Князь Григорий Григорьевич Орлов. «Русский Архив», 1873 г. № 2.

Грот, Я. К. Материалы для истории пугачевского бунта. «Записки Академии Наук», т. I. Приложения к I тому записок Академии Наук, № 4, СПБ, 1862.

Грот, Я. К. Потемкин во время пугачевщины. «Русская Старина», 1870, № 10.

Грот, Я. К. Эпизод из пугачевщины. «Древняя и новая Россия», 1877 г., т. I.

Грот, Я. К. Материалы для истории пугачевского бунта. Переписка имп. Екатерины II с гр. П. И. Паниным, прилож. к III тому «Записок Акад. Наук», № 4, СПБ, 1863.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе, «Сборн. Русск. Истор. О-ва», т. XIX, СПБ, 1876, стр. 380—383. 385 391—393, 394—395, 397—399, 403—404, 408—409, 411, 414, 417—418, 421—422, 427, 429—434, 436—437, 438—439, 446—447, 449.

Державин, Г. Р. Сочинения, II академ. издание. СПБ. 1876 г., т. V и VII.

Дмитриев, И. И. Взгляд на мою жизнь. М. 1886.

И. П. Главные пособники Пугачева. «Русская Старина», 1876 г., т. XVI и XVII.

Допрос Хлопуши. «Красный Архив», т. XVIII.

Дюков, П. И. «Оренбургские ведомости», 1852 г., № 41.

---

[1] Указатель источников по экономике XVIII в. см. в сборн. «Крепостная Россия». Л. 1930.

Екатерина II и Пугачев. «Русская Старина», 1875 г., № 5.
Письма Екатерины II к кн. М. Н. Волконскому. Осмнадцатый век, изд. Бартенева, кн. I.
Бумаги императрицы Екатерины II, т. III, «Сборн. русск. историч. О-ва», т. XIII, СПБ. 1874, стр. 363—364, 367—373, 280—385, 386—387, 389, 392, 395—397, 398—399, 402—405, 407, 419—428, 431, 432—437, 441—443, 444, 446—447.
Бумаги имп. Екатерины II, т. IV, «Сборн. Русск. Историч. О-ва», т. XXVII, СПБ. 1880, стр. 1—3, 8—14, 17—22, 25—26, 32.
Письма имп. Екатерины II к Гримму. «Сборн. Русск. Историч. О-ва», т. XXIII.
Екатерина II. Письма к П. С. Потемкину (1774—1775 гг.). «Русск. Стар.», т. 13, 1875 г., кн. 6, стр. 115—125, Екатерина II и пугачевщина.
Игнатьев, В. Р. Историческо-административные сведения о башкирском народе, составленные по приказанию гр. П. И. Панина в 1775 г., «Памятная книжка Уфимской губ.», ч. II, Уфа. 1873, стр. 139—166.
Известие о злодейском нашествии на г. Казань бунтовщика Емельки Пугачева. «Казанский Вестник», 1830 г., № 26. Прибавление.
Ламанский, В. И. Письма императрицы Екатерины II к А. И. Бибикову во время пугачевского бунта. «Русский архив», 1866, № 3.
Волнения на Яике перед пугачевским бунтом. Записки капитана Саввы Маврина. Памятники новой русской истории, изд. В. Кашперова. т. II.
Минаев, Д. Выписка из дела, начавшегося 1774 г. 14 июля и производившегося в Шацкой провинциальной канцелярии о появившейся по городам Инсару, Наровчату и Шацку пугачевской партии. «Тамбовские губернские ведомости», 1868. № 26.
Мертваго, Д Б. Записки. «Русский Архив», 1867 г., № 8 и 9.
Материалы для истории Пугачевского бунта. Пермский Сборник. 1859 г., кн. I. 1860 г., кн. II. «Пермские губернские ведомости», 1864, № 7, 11, 18, 19, 20 и 52.
Наказы в Комиссию по сочинению нового уложения. «Сборн. Русск Историч. О-ва», т. 115, СПБ, 1907.
Неплюев, И. И. Записки. «Русск. Арх.», 1871, стр. 578—695.
Полуденский, М. Подлинные бумаги, до бунта Пугачева относящиеся. «Чтения в Московск. О-ве истории древностей Российск.», 1860 г., кн. II.
Пажитнов, К. А. Промышленный труд в крепостную эпоху (сборник документов). Л. 1924 г., стр. 146.
Письмо к издателю (О Пугачеве), «Улей», 1812 г., т. 3, № XV, стр. 218—245 (рассказ очевидца о Пугачевщине в Пермской губ.).
П. Е. Потемкин во время пугачевщины. Русская Старина, 1870, т. II.
Полуденский, В. М. Выписка из приведенного в Оренбургской секретной комиссии следствия о первоначальном злодейском замысле и предприятия беглого донского казака Емельяна Ивановича Пугачева. «Чтения в О-ве ист. и древн. Российск.», 1859 г., кн. 3, отд. III, стр. 97—120.
Попов, Н. Рассказ, записанный со слов одного из участников в Пугачевском бунте. «Чтения в О-ве ист. и древн. Российск.», 1862 г., кн. II, Смесь, стр. 333—340.

Записка поручика Поспелова (современн. пугачевщины). «Оренбургский Листок», 1876 г., № 39.

Допросы Пугачеву. «Чтения в О-ве ист. и древн. Российск.», 1858, кн. II. отд. II.

Допрос Е. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 г. «Красный Архив», № LXIX—LXX.

Бумаги гр. П. П. Панина о пугачевском бунте. «Сборн. импер. русск. историч. О-ва», т. VI.

«Пугачевщина», т. I, из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка), подгот. к печати С. А. Голубцовым под ред. С. Г. Томсинского и Г. Е. Меерсона, с вступит. статьей М. Н. Покровского, ГИЗ. М.—Л. 1926, стр. 287 (Центрархив, Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. под общей редакцией М. Н. Покровского).

«Пугачевщина», т. II, из следственных материалов и официальной переписки, подгот. к печати С. А. Голубцовым, ГИЗ, М.—Л. 1929, стр. VII 495 (Центрархив. Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. под общей редакцией М. Н. Покровского).

«Пугачевщина», т. III, из архива Пугачева, подгот. к печати С. А. Голубцовым. Гос. соц.-экон. изд., М. — Л. 1931, стр. VIII. 527 (Центрархив, Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв., под общей редакцией М. Н. Покровского). Пред. С. Г. Томсинского.

Пушкин, А. С. История Пугачевского бунта, ч. II, приложения. Сочинения, т. XI, изд. Академии Наук. П. 1914.

Записки сенатора П. С. Рунича о пугачевском бунте. «Русская Старина», 1870, т. II.

Подлинные бумаги, до бунта Пугачева относящиеся. «Чтения в О-ве ист. и древн. Российск.», 1860, кн. II.

Рябов, И. Былина и временность нижнетагильских заводов, находящихся в Пермской губ., Верхотурского уезда и принадлежащих г. А. Н. и П. П. Демидовым. «Учен. зап. имп. Казанск. унив.» (1848, кн. II, стр. 1—57, стр. 42—45). (Волнения приписных крестьян в 1762—1763 гг. и пугачевщина.)

Сулоцкий, А. Материалы для истории пугачевского бунта. «Чтения в О-ве ист. и древн. Российск.» 1859 г., кн. II.

Главнейшая литература по истории восстания Емельяна Пугачева

Беляев, И. Пугачевский бунт в Краснослободском уезде Пензенской губернии. Краснослободск. 1879 г.

Берже, А. Пугачев на Кавказе в 1772 г., «Русская Старина», 1883 г., № 1.

Блинов, Н. Н. Пугачев в Агрызи, «Известия Сарапульского земского музея», вып. IV, М. 1914, стр. 168—169.

Губайдуллин, Аз. Пугачевщина и татары, Баку, 1927 (отд. оттиск из Известий О-ва обследования и изучения Азербайджана), стр. 74—103.

Дмитриев-Мамонов. А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Истор. очерк по официальн. документам. СПБ. 1907, стр. 256.

Дмитриев-Мамонов, А. И. Пугачевщина в Сибири, СПБ. 1908.

Дубравин, Н. Ф. Пугачев и его сообщники, СПБ. 1884, т. I, стр. III + 399 + XI + карта, т. II, стр. IV + 412 + X, т. III, стр. IV + 403 + + XI).

Дубасов, А. И. Чума и пугачевщина в Шацкой провинции. «Исторический Вестник», 1883, № 7.

Зырянов, А. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях, Пермский Сборник, т. I, М. 1859 г., отд. I стр. 46—87.

Игнатович, И. Крестьянство во второй половине XVIII в. и пугачевщина, «Трудовой путь», 1907. № 2.

Игнатьев, Р. Г. Осада г. Уфы шайками Пугачева, «Памятн. книжка Уфимск. губ.», ч. II, Уфа. 1873 г., стр. 101—128.

Корнилович, О. Е. Общественное мнение Западной Европы о пугачевском бунте. Журн. «Анналы». 1923 г., № 3.

Лавров, П. Л. В память столетия пугачевщины. Избранн. соч., т. II, изд. 1914 г., стр. 123—139.

Лозанова, М. Первоначальные рассказы и легенды о пугачевщине, «Литерат. беседы», вып. II, изд. О-ва литературоведения при Саратовском гос. университете. Саратов. 1930. стр. 81—92.

Максимов, В. А. Первичный союз рабочих и крестьян, Ижевск, Уд. книга, 1930, стр. 43.

Малинин, Д.И. Отголоски пугачевщины в Калужском крае, Калуга. 1930, стр. 43.

Мартынов, М. Н. Пугачевское движение на заводах южного Урала, «Записки научного О-ва марксистов», 1928 г., № 1 и 2.

Мартынов, М. Н. Пугачевское движение на заводах Прикамского края, «Крепостная, Россия», сборн. статей «Прибой», Л. 1930.

Мартынов, М. Н. Против буржуазных тенденций в советской исторической науке, «Пробл, марксизма», 1930, № 5—6.

Меерзон, Г. Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина), «Вестн. Комм. Академии», 1925, № 13, стр. 34—107.

Меерзон, Г. Е. К историко-социологическому спору о пугачевщине, «Учен. Зап. Саратовск. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. VII, вып. III, Педагогич. факульт., Изд. Правл. Сарат. гос. ун-та. Саратов. 1929, стр. 149—172.

Мордовцев, Д. Пугачевщина, »Вестник Европы», 1866, т. I, стр. 301—372.

Ореус, И. Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачева. «Русская Старина», 1876 г., № 1.

Орлов, П. Осада города Мензелинска в пугачевский бунт, «Справочн. книжка Уфимск. губ.», Уфа, 1883, стр. 296—298.

Орлов, П. Пугачевщина в Сибири (по материалам губ. архивов), «Сибирские огни», 1925, № 6, стр. 128—146.

Орлов, П. Осада г. Мензелинска и Пугачевский бунт. «Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г.», ч. II.

Орлов, А. В. Челябинск. «Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г.».

Пионтковский, С. Предисловие к допросу в тайной экспедиции в Москве в 1774—1775 г. «Красный Архив», т. LXIX—LXX.

Планер, Д. О мерах предосторожности, которые принимаемы были

пермскими заводами во время Пугачевского бунта в 1774 г. «Пермский Сборник», 1859, т. I, стр. 88—112.

Плотников, Г. Далматовский монастырь в 1773 и 1774 гг., или в пугачевщину, «Чтения в О-ве ист. и древн. Российск.» 1859, кн. I, отд. V, стр. 18—48.

Покровский, М. Н. Новые данные о пугачевщине, Вестн. Комм. Акад.» 1925 г., № 12, стр. 219—235.

Покровский, М. Н. Предисловие к I тому «Пугачевщины», Центрархив, «Пугачевщина», т. I, ГИЗ. М. — Л. 1926, стр. 3—13.

Пушкин, А. С. История Пугачевского бунта, Собр. соч., изд. Акад. Наук, П., 1914, т. XI.

Рязанов, А. Ф. Отголоски пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-Кайсацкой малой орде и в Поволожье (по материалам Центроархива КССР), «Труды общества по изучению Казакстана», т. VI, Оренбург, 1925, стр. 195—241.

Савич, А. Пугачевщина на Урале, «Экономика», 1925, № 4 (23), Пермь, стр. 58—60.

Середа, Н. А. Исетская провинция во время пугачевского бунта. Справочн. книжка Оренбургск. губ. на 1870 г.

Симонов, «Пугачевщина», изд. «Пролетар.», Харьков, 1931.

Томсинский, С. Г. Крестьянские движения в феодально-крепостной России. Всемирная история. Популярная библиотека под общим руководством М. Н. Покровского. Журнально-газетное объединение. 1932.

Тхоржевский, С. И. Социальный состав пугачевщины, «Труд в России», 1925, № 1, стр. 85—108.

Тхоржевский, С. И. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне — октябре 1774 г. По неизданным материалам, с приложением карты распространения восстания и документов, изд. Всесоюз. О-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, М. 1930.

Филиппов А. Н. Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г. «Труды о-ва изучен. Казакстана», т. VI, Оренбург, 1925, стр. 242—294.

Фирсов, Н. Н. Разин и разинщина. Пугачев и пугачевщина. (12 вып. 3-го т. сборн. «Исторические характеристики и эскизы»), изд. Дома татарской культуры, 1930.

Чулошников, А. П. Киргиз-казаки в пугачевском восстании. Красный Восток, № 25.

Чулошников, А. П. Казнь Пугачева и его сообщников. «Русское Прошлое», П. 1923, т. 3, стр. 144—149.

Чупин, Н. Член Екатеринбургской горной канцелярии М. М. Башмаков и действия его во время пугачевщины, «Пермск. губ. вед.», 1869, №№ 52—53, 59—62. См. также «Сборник статей, касающихся Пермской губ.», т. I, 1882.

Щебальский, П. Начало и характер пугачевщины, М. 1865.

Шишкин, А. Пугачевцы в пензенских и тамбовских вотчинах, «Русский Архив», 1911, № 4.

Юдин, П. Л. К истории пугачевщины. «Русский Архив», 1902, № 5 и 6.

Словарь непонятных слов

Адмиралтейств-Коллегия — высшее государственное учреждение по делам флота.

Адмиралтейская контора — контора по делам управления флотом.

Азям — летний крестьянский кафтан.

Азяш — крытый овчинный тулуп.

Алача — шелковая и полушелковая полосатая ткань.

Алкать — голодать, быть голодным.

Амуничный, относящийся до амуниции.

Аммуниция (муниция), одежда и вооружение воина.

Апробация — одобрение.

Армяк — сшитый из армячины (простого сукна) крестьянский кафтан.

Армячина — ткань из верблюжьей шерсти.

Артикул воинский — воинский устав, военные законы.

Арчак — деревянный остов седла, ленчик.

Ассесор — заседатель, чин 8 класса.

Атлас — плотная шелковая ткань с лоском.

Бадяга — игрушка для забавы.

Бадян — растение.

Базилика — дикий василек.

Бакша — огород в поле, в степи.

Балакирь — горшок для молока.

Барда — остатки от перегона хлебного вина, гуща.

Батог — хлыст, гибкий прут, палка.

Бешмет — стеганый полукафтан.

Бирывать — брать, захватывать.

Бичевник — береговая полоса в 10 саж. ширины вдоль судоходных рек, которая по закону должна была оставаться свободною для всех нужд судоходства.

Бобровый гон — место, где водились речные бобры.

Бобыль — малоимущий, группа населения в Московском государстве, не платившая податей по земле, и жившая чаще всего за каким-нибудь феодалом.

Боярин — крупный привилегированный землевладелец феодального общества.

Бударка — долбленая лодка.

Валежный — брошенный, валяющийся.

Вальтмейстер — лесной чиновник.

Варган — народный музыкальный инструмент.

Варница — заведение, где из природного соляного рассола вываривается соль.

Ватага, толпа, шайка группами и казаков — походный строй.
Ведреный — ясный, погодливый.
Вера греческого закона — православная, господствующая религия в царской России.
Викториальный — победный.
Военная коллегия — высшее государственное учреждение XVIII в. по военным делам.
Восьмина — мера сыпучих тел, полчетверти четверика и мера земли.
Вотчина — родовое населенное имение феодала.
Вотчинник — обладатель недвижимого населенного имения, феодал.
Вощатый — восковой.
Вполы — пополам.
Втуне — напрасно.
Выбойка — грубый ситец, по которому узор набит в одну доску.
Галера — старинное мореходное судно, парусное и гребное.
Гарнитуры — плотная шелковая ткань.
Гаубица — огнестрельное тяжелое орудие.
Генерал-Аншеф — бывший военный чин.
Генералитет — генералы, собрание высших чинов.
Глаголь — виселица в виде буквы г.
Голь — китайская шелковая ткань.
Гостинная сотня — разряд купечества.
Грановитая палата — палата в Кремле, построенная при Иоанне III для торжественных церемоний.
Грезет — шерстяная ткань с вытканным узором того же цвета.
Даба — дешевая китайская бумажная ткань, бухарский халат.
Двоить пашню — пахать пашню вдоль и поперек.
Десница — правая рука.
Деташемент — отряд.
Дети боярские — служилый слой населения Московского государства, мелкие дворяне.
Дивий — лесной, дикий.
Доправить — окончить поправку, взыскать долг, убытки.
Допряма — поистине.
Дорога 1) административный район, 2) азиатская шелковая полосатая и клетчатая ткань.
Дорогильный — сделанный из дороги.
Дуля — груша.
Думный дьяк — секретарь боярской думы Московского государства.
Ектения — особое моление православной церкви.
Епанча — широкий безрукавный плащ.
Ефимок — монета (рубль приблизительно).
Животы — домашние животные.
Жилая запись — письменное обязательство служить у кого-либо на известных условиях.
Заедки — закуски.
Займище — место, занятое под распашку, расчистку.
Зане — так как, потому, что.
Заповедный лес — лес, в котором запрещена рубка.
Известник — тот, кто извещает.
Извет — донос, клевета.
Израильтяне — евреи (древнее название).
Имянной указ — повеление, данное лично царем.
Инбирь — растение, имеющее корень пряного вкуса.
Кабала — срочное обязательство.
Кавалер — пожалованный орденом.
Камзол — долгий жилет, безрукавая короткая поддевка.
Камка — шелковая китайская ткань.
Канонер — пушкарь, рядовой 2-го разряда в артиллерии.

Каповат — ткань.
Капер — китайский атлас.
Каразея — редкая грубая шерстяная ткань.
Кармазинный — ярко-алый, багряный.
Каршевник — насмешливое прозвище ставшего на мель.
Кафолический — (греч.) Вселенский.
Квасцы — серно-кислая соль.
Кита — свитый кольцом сенной вьюк, который конница приворачивает к седлу.
Китайка — простая хлопчато-бумажная ткань.
Кладеный — холощеный.
Кладное судно — грузовое парусное судно.
Кобза — восьмиструнная круглая балалайка.
Кой, — который, какой.
Коломенка — судно.
Кольми паче — тем более, особенно.
Компанейщик — участник торгового или промышленного товарищества.
Коммуникация — сообщение, пути, дороги.
Конекция — связь.
Конфирмация — утверждение.
Коренная рыба — красная рыба летнего лова, которая круто солилась.
Корольки — сорт апельсинов, с красной мякотью.
Картомленый — взятый в аренду (в кортому).
Кошениль — насекомое, из которого приготовляется красная краска.
Кошма — войлок, полость из овечьей шерсти.
Кошт — иждивение, содержание, расход.
Крата — раз.
Крашенина — крашеный, лощеный, обычно синий, холст.
Кунный ясак — подать, выплачиваемая мехами.
Курень — временный приют в лесу, шалаш, землянка.
Куреный — дымный.
Купно — вместе.
Купорос — металлическая соль.
Кутня — азиатская полушелковая ткань.
Легура — правило.
Лавра — первоклассный монастырь.
Лепота — красота.
Лихоманич — взяточничество, мошенничество.
Лубье — луб, лубки, что-либо залубенелое, закорузлое.
Люстрин — шерстяная ткань с лоском.
Магистрат — городское административное и судебное управление.
Манир — манера, прием, способ.
Махометанский закон — магометанская вера, религия.
Межень — средина, межень лета — июнь, август.
Межеумка — барка.
Мездра — подкожная пленка, клетчатка, сросшаяся с кожей.
Мерлущатый — сделанный из шкурки ягненка.
Мздоимец — взяточник.
Мишура — поддельное швейное и ткацкое золото и серебро.
Моцион — движения человека для здоровья, прогулка.
Мортира — короткое артиллерийское орудие для метания бомб.
Мотыга — большая кирка для копания земли.
Муравленый — глазурованный, облитый.
Мурза — один из высших слоев населения феодального общества у тюркских народов.
Мыт — пошлина, акциз.
Набойное ремесло — тиснение, набойка ткани.
Наведение — направление.
Нагольный — без покрышки, кожей наружу.

Немшеный — непроконопаченный мхом.

Обер-секретарь — старший секретарь.

Объяр-муар — ткань с волнистым лоском.

Огниво — плашка, стальная полоска для высечки огня о кремень.

Ополичивать — изобличать, поймать с поличным.

Ординарец — военнослужащий, состоящий для посылок и приказаний при начальстве.

Откуп — взятие в одни руки, монополия.

Оттоманская Порта — правительство Турции.

Панель — доска, пришиваемая по стенам.

Партикулярный — частный.

Партос — отдельная нотная партия (для пения).

Парча — шелковая ткань с золотым и серебряным шитьем.

Пахотный солдат — военный поселенец, солдат, получивший участок земли. В XVIII в. пахотный солдат — в пограничных местах и колониях.

Пекет — пикет, небольшой отряд войска на страже.

Переметник — изменник.

Плакат — паспорт рабочего, правило, норма.

Повытчик — столоначальник.

Полба — колосовое растение.

Половник — обрабатывающий чужую землю исполу, т. е. за половину урожая.

Понеже — потому что.

Поплав — пловец, путь водой.

Попущение — потачка, потворство, дозволение.

Портище — отрезок на одежду.

Портупея — перевязь, пояс с застежкой для шпаги.

Подголовки — подшипники.

Потник — войлок, подкладывающийся под седло.

Потребить — погубить.

Потщиться — постараться.

Предлежать — быть в виду

Предосуждение — упрек, осуждение.

Претекст — предлог.

Привальная пошлина — пошлина за привал, остановку судов.

Приватный — частный.

Приклад — пример.

Прилепление — пристрастие.

Приметки чинятся — заметки делаются.

Присный — всегдашний, вечный.

Прониска — буса, стеклярус, бисерина.

Пургация — слабительное.

Пустернак — огородное растение.

Пустовой — бездействующий.

Разбор — сорт, разряд.

Ревень — растение.

Регистр — опись.

Резон — причина.

Рейтар — конный, всадник.

Рель — виселица.

Репорт — донесение.

Речение — выражение.

Реска — снаряд или орудие для резания.

Рушить — нарушать, уничтожать, ломать.

Саврасый — светлокоричневый.

Садно — рана от трения.

Санчак — степное животное.

Сайчак — сагайдак — чехол на лук.

Саксак — длинношерстная майская овчина.

Сандал — дерево идущее на краску (желтый, красный, синий, черный).

Секурс — помощь.

Сентенция — судебный приговор.

Сказка ревизская — роспись тяглого населения какой-либо местности.

Скиния — походный молитвенный дом древних евреев.

Скобель — нож с двумя поперечными ручками по концам.

Скоп — сборище, собрание.

Служилая кабала — письменное

заемное обязательство служить положенный срок за взятые взаймы деньги.

Содейственник — соучастник.

Солод — мука сладковатого вкуса из проросшего зерна.

Сонм — собрание, толпа.

Сплытье — спуск по реке.

Стамед — шерстяная ткань со вкось идущей ниткой.

Столешник — табак азиатского роду, полотенце.

Стольник — придворная должность, смотритель за царским столом.

Страдовое время — летние земледельческие работы.

Стряпчий — ходатай по делам.

Суса — персидская шелковая и полушелковая полосатая ткань.

Сучить — свивать в две нитки, скручивать.

Суще — истинно, подлинно.

Сыромолотный — (хлеб) — обмолоченный на скорую руку без овинной сушки.

Таган — треножник, круглый железный обруч на ножках, под которым разводят огонь, ставя на него пищу.

Тайная экспедиция — политическая полиция XVIII в.

Тамга — печать.

Тарпан — дикий конь.

Тартар — ад.

Тать — вор.

Тафта — гладкая шелковая ткань.

Тебенки — кожаные лопасти по бокам русского и казачьего седла, подвешенные на пряжках.

Терпуг — подпилок, насеченная бороздами стальная полоса.

Толмач — переводчик.

Точию — только лишь.

Тыл — задняя сторона.

Тяглые дворы — дворы положенные в оклад, обязанные платить подати и исполнять повинности.

Тюнь — тюк, связка.

Уделы — двузвенное железо с одним глухим, а другим отстяжным кольцом.

Умет — одинокий постоялый двор в степи.

Усолы — место добычи соли.

Уток — нитка, которою ткут.

Ухвостье — задний конец чего-либо, мякина, сор при веянии хлеба.

Ухоботье — мякина, сорные и легкие зерна относимые ветром при веянии зерна.

Ферязь — мужское длинное платье или женское, застегнутое до низу.

Форейтор — лакей, сопровождающий коляски.

Форпост — передовой караул.

Форштадт — предместье.

Фурьер — заготовщик съестных припасов, квартир, для войска.

Хама — раковина.

Хирагра — болезнь суставов рук.

Цевка — шпулька, катушка.

Целовальник — принесший присягу в чем-либо при поручении ему заведывания каким-либо делом, хранитель, продавец казенного вина.

Чапан — крестьянский верхний кафтан, род поддевки.

Чеботарь — башмачник.

Четвертовать — казнить, отсечение сначала рук, ног, а затем головы.

Чухать лошадь — подгонять под собой лошадь окриком — чух-чух.

Шандал — (Шендал) — подсвечник.

Шалы — длинные платки на плечи.

Шипун — китайская утка.

Ширкунчик — колокольчик.

Шихтмейстер — горный чиновник.

Штопарить — зачинять дыру без рубца.

Штофы шелковые — плотная шелковая ткань.

Шумиха — сусальное золото.

Щедрина — знак от оспы.
Юфть — кожа коровья, выделанная на чистом дегте.
Явочное челобитье — объявление о чем-либо (о покраже).
Ялови — молодая корова, нестельная.
Яр — крутизна, обрыв.
Ярица — яровые хлеба, засеянные весною.
Ясак — подать, платимая пушным товаром.

Оглавление

Ответственный редактор *М. Кантор*
Техническ. редактор *А. Равинская*
Корректор *Г. Парланд*
Книга сдана в набор 28/X 1935
Подписана к печати 19/XII 1935
Соцэкгиз № 1618. Индекс С-40
Ленгорлит № 23161. Заказ № 3082
Тираж 10250 экз. Формат бумаги 82×110/32
Печатных листов $14\frac{1}{2}$. Авт. листов 13
Бумажных листов $3\frac{5}{8}$. Тип. знаков в 1 бум. л. 71552
Цена без переплета 3 руб.

2-я тип. «Печ. Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26.

3 руб.

